

Кристина Амарант

Будь моей игрушкой

Пролог

Двенадцать лет назад...

Они сутки ехали на поезде, а потом еще полдня тряслись в дилижансе прежде, чем высадились у вестового камня, отмечавшего границу земель клана.

Здесь их уже ждали. Мужчина средних лет скользнул по матери равнодушным взглядом и уставился на Дженни. Она попятилась, цепляясь за материнскую юбку.

— Это она? — хмуро спросил он, а потом сплюнул.

— Ну и дура ты, Бренда.

Потом было полчаса в горку, в кузове старенького, ревущего от натуги пикапа, прежде чем перед глазами показались крыши поселения Маккензи.

Деревни, которая должна была стать новым домом для Дженни.

Мать оставила ее — притихшую, напуганную предчувствием перемен — на крыльце дома, а сама вошла внутрь. Дженни даже оглядеться по сторонам не успела, когда услышала из-за спины противный голос.

— Человечка! Она резко обернулась на голос. Оскорбительные слова принадлежали девочке — по виду ровеснице Дженни или чуть старше.

Каштановые волосы, с редкими темными прядями, карие глаза. Совсем, как у мамы.

— Я не человечка, — сердито возразила она. Человеческие дети дразнили ее зверушкой, и она привыкла мысленно считать себя волком, пусть даже предок не спешил подарить ей свой облик.

Стоявший рядом с девочкой мальчик принялся.

— Точно человечка, — подтвердил он.

— Рыжая человечка.

— Что ты делаешь здесь, человечка? — Я не человечка, слышите, вы! — возмущенно воскликнула Дженни. Даже слезы на глазах выступили от обиды.

— Если ты не человечка, покажи мне своего волка, — с этими словами мальчик кувырнулся вперед превращаясь в мощную зверюгу, размером с взрослого дога.

Игриво тяфкнул, припал к земле и сделал вид, что хочет цапнуть Дженни за ногу.

Она взвизгнула и попятилась, и это стало сигналом для остальных.

— Обернись! Обернись! — зарычали дети, превращаясь в зверей. Зубы лязгнули над ухом, острые клыки прихватили кожу на голени.

Дженни завизжала и побежала, а стая помчалась за ней, радостно подвывая.

Дорога выворачивалась из под ног, дома и кусты слились в неразличимые пятна. Она мчалась вперед, не помня себя от ужаса, а стая дышала в спину, гнала ее — глупую маленькую человечку, осмелившуюся назвать себя оборотнем...

Дженни влетела в него с разбегу, чуть не сшибла с ног. И сама бы упала, не подхвати он ее в последний момент.

Каштановые волосы с темными подпалинами, карие глаза. Он мог бы быть старшим братом того мальчика, который сейчас в облике волка преследовал Дженни.

Она заскулила от ужаса и зажмурилась, готовясь к боли.

Но боли не было. И торжествующий вой за спиной умолк.

— Что здесь происходит? Дженни снова попробовала вырваться — поднырнуть под его руку и сбежать, но не тут-то было. Незнакомец держал крепко.

— Мы ловим человечку, — слышался голос за спиной.

Человеческий, не рычание и не вой.

— Играем... — ... это весело! — Я не... — начала она и осеклась.

Кто она, если не человечка? Порченная кровь, волк-полукровка без способности к обороту.

— Кажется, она не хочет, чтобы ее ловили.

Дженни рискнула открыть глаза и посмотреть на своего спасителя. Он был высокий. Выше всей этой ватаги. И красивый, как принц из сказки.

— Я не человечка, — упрямо повторила Дженни, цепляясь за эти слова, как за последнее, что у нее осталось.

— Совершенно верно, — раздался голос над головой, а потом на плечо опустилась рука. Дженни подняла взгляд и увидела над собой немолодого мужчину.

— Она — Дженнифер, дочь Бренды Маккензи. Ваша новая сестренка.

— Она? — недоверчиво переспросила та девочка, которая первая назвала Дженни человечкой. Принюхалась и сморщилась. — От нее не пахнет волком.

— Красная, как глина, — хихикнула вторая девочка и выразительно покосилась на рыжую косу Дженни.

— Глаза зеленые... — вставил еще кто-то из толпы.

Когда здесь успела собраться толпа? Не только дети, но и их родители.

Взрослые стояли в стороне и в разговор не вмешивались, словно решили дать волчатам возможность самим обнюхать и принять решение по поводу новенькой.

— Веснушки... — Оборачиваться не умеет...

С каждой новой репликой Дженни все больше хотелось исчезнуть. Не приняли! И волки ее не приняли, везде чужая, никому не нужна... Одни проблемы от нее.

— Она не наша, — хором постановила детвора.

Первая капля поползла по щеке, и в носу сразу стало сыро.

Дженни стиснула кулаки: нет, не плакать, только не плакать! Все равно ведь сейчас разревется... — А мне она нравится, — неожиданно объявил тот мальчик, который защитил ее от остальных.

Слезы высохли словно и не было их. Дженни покосилась на него, не веря собственным ушам. Он действительно это сказал? Или слышалось? — И хорошо, что рыжая — ни с кем не перепутаешь даже в темноте.

Еще мгновение стояла оглушительная тишина, а потом кто-то шумно выдохнул, толпа начала разбредаться, словно самое важное уже произошло и смотреть больше не на что. Гнавшие Дженни дети молчали в стороне и мерили ее настороженным взглядом, но даже не пытались спорить. В этом было что-то непривычное, чужое. У людей ее не приняли бы так просто по одному слову главаря.

— Ты уверен, сын? — негромко спросил мужчина, который представил Дженни окружающим.

Мальчик вскинул голову и безмятежно улыбнулся.

— Уверен, папа, — он перевел взгляд на Дженни, подмигнул и вдруг дернул за косу. Не больно, даже не обидно совсем.

— Хочешь, я покажу тебе наших лошадей? Дженни кивнула, зачарованно глядя на него снизу вверх. От благодарности так распирало, что даже дышать было трудно. И незнакомый парнишка показался самым красивым, сильным и замечательным.

— Друзья называют меня Дженни, — выдавила она.

— А меня Чарли, — он улыбнулся и покровительственно потянул ее за собой.

— Пойдем, Дженни.

И она пошла. Она пошла бы за ним куда угодно.

Глава 1

— Повышаю, — молодой беловолосый мужчина небрежным росчерком поставил подпись под суммой с пятью нулями на бланке и положил на стол к стопке других расписок. Потом переплел пальцы, сощурил алые глаза с кошачьими щелевидными зрачками и уставился на соперника. Лицо его выражало интерес энтомолога, заметившего любопытное насекомое, на губах гуляла снисходительная ухмылка.

Изумленный шепот полетел вокруг стола. Уже выбывшие игроки и зеваки вполголоса обсуждали последнюю ставку.

Сидевший напротив юноша с открытым, немного наивным лицом сглотнул, уставился сперва в свои карты, потом на те, что лежали перед беловолосым, таким взглядом, словно хотел прожечь их насквозь.

— Ты блефуешь, ди Форкалонен, — высоким дрожащим голосом заявил он.

— Ты так думаешь? — беловолосый лениво улыбнулся. — Тогда поддерживай. Обчисти меня, Маккензи.

Тот нервно икнул и вцепился пальцами в каштановую шевелюру, вряд ли замечая, что делает.

Зал гудел. Игра за другими столами остановилась словно сама по себе. Завсегдатаи клуба толпились вокруг стола, на котором подходила к завершению самая крупная партия за сегодняшний вечер. Общая сумма на кону превышала два миллиона золотых, что даже по меркам «Счастливой семерки» считалось очень серьезными деньгами.

— Давай, — искушающе продолжал беловолосый. — Поддерживай и открываемся, если уверен. Или пасуй, тогда все это, — он выразительно покосился на гору расписок, — достанется мне.

Юноша снова сглотнул. Его пальцы дрожали.

Блефует? Или нет? Ди Форкалонен вел себя, как всегда. Был спокоен, просто омерзительно спокоен. Подтрунивал, лениво растягивая слова. И как всегда во время игры, на высокомерном лице плясала самоуверенная наглая ухмылочка.

Словно речь и не шла о деньгах, сравнимых с годовым бюджетом среднего города.

Конечно, что для будущего владельца медийной империи эти гроши? А вот для Чарли... С таким же видом Раум сидел в прошлую субботу — невозмутимо поддерживал и повышал, пока у противника не сдали нервы, и он не пасовал. Чарли потом тайком заглянул в карты. Выяснилось, что у проигравшего был стрит, а у проклятого демоняки сет на двойках.

Сет на двойках и вагон наглости. Этого оказалось достаточным, чтобы сорвать банк.

Еще не поздно отступить, но можно спорить: ди Форкалонен и сейчас держит на руке какую-нибудь дрянь вроде пары на семерках. Над простофилей, поверившим в блеф, будет ржать весь клуб. Да ладно клуб — что скажет отец, когда узнает, что Чарли проиграл свое содержание за шесть месяцев? Два миллиона золотых. Этого хватит, чтобы никогда больше не брать родительских денег. Купить машину, гульнуть с шиком на следующем свидании. Девчонкам очень нравится, когда парень небрежным жестом богатея швыряет на стол горсть монет.

У него отличные карты. Лучшие за вечер, лучшие за все вечера, с тех пор, как он открыл для себя сладкий вкус азарта и стал завсегдатаем в «Счастливой семерке». Каре на девятках.

Не может быть, чтобы у Раума оказалась лучшая комбинация.

А демон давно нарывается на хорошую трепку. Слишком уж он наглый. Слишком много вокруг ди Форкалонена красивых девок и восторженных прихлебателей, слишком выпендренные шмотки он носит и ездит на слишком дорогих машинах... А как раздражает его наглая ухмылка и фамильярная манера! Какой Чарли ему «малыш»? Да, Раум старше на восемь лет, но это ничего не значит. Учатся-то они в одной академии. И Чарли уже год как получил аттестат зрелости. Он взрослый оборотень, без пяти минут глава клана. У детей луны тоже есть гордость, он не позволит какому-то демону тыкать себе. И плевать, что этот демон — сын лорда-протектора и наследник многомиллиардного состояния. В академии и за карточным столом все равны, раз уж Раум сел играть, никто с ним церемониться не станет. В следующий раз, когда ди Форкалонен попыбует назвать его «малышом», Чарли напомнит его о сегодняшнем дне.

— Поддерживаю, — хрипло прокаркал он, дрожащей рукой рисуя подпись на бумаге.

Деньги, которых у него нет. Которых нет даже у его отца и у всего клана Маккензи. Где Чарли сможет взять их, если проиграет? Мелькнувшая мысль была неприятной, от нее горчило во рту, и Чарли отогнал ее. Он не может проиграть! — Вскрывается? — Вскрывается, — он медленно выложил карты на стол, одну за другой. — Каре на девятках.

— О, малыш Чарли, да тебе сегодня везет, — промурлыкал беловолосый.

Чарли расслабился, облегченно выдохнул, готовясь принимать поздравления, даже потянулся было к горке расписок. А потом взгляд словно сам по себе прикипел к картам противника. Туз, двойка, тройка, четверка, пятерка.

Пики. Это же... — Стрит-флэш, — весело подсказал демон, сгребая к себе стопку расписок. — Мне тоже сегодня везет, Маккензи.

Он вывалился из клуба в жидкие утренние сумерки. В ушах звенело, как бывает, если сильно стукнуться головой, мир вокруг казался нереальным.

Самый смурной, паскудный час. Еще не проснулся город, не звенели трамваи, автомобили не выплеснулись на артерии улиц. Покачиваясь, как пьяный, Чарли добрал до моста и перегнувшись сквозь перила долго глядел в черную пахнущую отходами воду. От реки неприятно фонило остаточной магией.

Возникла мысль покончить с этим. Перемахнуть через кованные перильца, отдаться темному потоку. Тот вынесет Чарли в океан, укроет от всех обязательств. Не с кого будет требовать денег, он никогда не станет позором семьи, не пойдет под суд, не отправится на каторгу или что там сейчас делают с должниками-неплательщиками? Смерть списывает все долги.

Чарли сдернул куртку и уставился на магическую печать на предплечье. Обхватившая руку змея, сжимала в зубах свой хвост.

— Я понимаю, что все мы тут джентльмены и верим друг другу на слово, — ухмыляясь заявил ди Форкалонен, аккуратно сортируя расписки. — Но восемьсот тысяч золотых требуют какой-то гарантии, Маккензи, раз уж ты не готов прямо сейчас перевести их на мой счет. Подпиши, и можешь идти.

Чарли подписал. Долг чести, нельзя же не подписать. Там были все его друзья по клубу, они бы не поняли, откажись он.

А это значит, что теперь не сбежать. Найдут. Только если в смерть.

Умирать не хотелось. Хотелось жить, дышать пропахшим миазмами воздухом Нью-Эбора, ловить взглядом темные силуэты птиц на фоне посветлевшего неба. Ходить на лекции в академии, целовать девчонок. Получить уже наконец специальность и устроиться на работу — он так молод, у него было столько планов на эту жизнь! Чарли снова перевесился через перила, слезящимися глазами вглядываясь в даль. Туда, где река делала крутой поворот. За черными силуэтами домов медленно поднималось слепящее безжалостное солнце.

Три дня, чтобы найти деньги — так сказал беловолосый. Где он, мать его, возьмет восемьсот тысяч за три дня?! «Дженни! — он ухватился за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. — Она меня спасет! Она умница, обязательно что-нибудь придумает.» Не давая себе задуматься над смехотворностью этой надежды, Чарли упал на асфальт, оборачиваясь в волка — бежать в истинном обличье можно куда быстрее, чем в человеческом — и помчался в сторону стоянки такси.

Подходя к корпусу общежития, Дженни вспоминала ночной разговор с подругой.

— Ты умница, Вэл! Все правильно сделала! Давно надо было.

— Ты не понимаешь, — жалобно всхлипывала сильфа. — Я же его люблю-ю-ю.

Это любовь? Куда больше похоже на болезненную зависимость.

Плохой, очень плохой парень Арман д'Крессен. Увлекается подпольными боями с призванными из-за грани сущностями, регулярно напивается в хлам и устраивает дебоши. И, судя по слухам, только алкоголем дело не ограничивается... А еще он вампир. И пусть в последнем и нет его вины, мысленно Дженни всегда добавляла происхождение к списку прегрешений бойфренда своей подруги.

Но на все можно было бы закрыть глаза, если бы Арман не обращался с Валентой, как с надоедливой собачонкой. Мог неделями не замечать, забыть поздравить с днем рождения, грубо оборвать и высмеять в присутствии друзей. Изменял направо и налево, не скрываясь. Это называлось «свободные отношения». Вэл вроде как тоже не возбранялось заводить интрижки на стороне, но разумеется этот козел клыкастый отлично понимал, что влюбленная насмерть сильфа никуда от него не денется.

Последней каплей стал вчерашний инцидент, когда этот кусок дерьма (мысленно Дженни называла его и пожестче) заявил, что хочет пригласить в их с Вэл постель третьего.

Точнее, третью. Мол, разнообразие укрепляет чувства.

Безропотно прощавшая все закидоны дружка сильфа на этот раз не выдержала и сбежала, наорав на бывшего бойфренда. А потом пол ночи рыдала в объятиях Дженни, жалуясь на жестокую судьбу.

Нет, если это любовь, то такой любви врагу не пожелаешь! Снова вспомнился отец, и на душе стало тошно.

— ... как он мог? Ведь мы... Ведь я... — Он оказал тебе большую услугу! — довольно резко отозвалась Дженни, уставшая от стонов о мифических достоинствах Армана. Послушать Вэл, так сволочной вампир был ходячим вместилищем всех добродетелей мира. — Такие парни, как Арман, совершенно не подходят приличным девушкам вроде тебя или меня. И ты прекрасно знаешь, что вампир никогда не женится на сильфе. Только время с ним теряешь.

Про то, что случилось с репутацией Вэл за год этой «великой любви» Дженни великодушно не стала напоминать.

Стараниями Армана, адепты и даже некоторые преподаватели академии теперь относились к сильфе со смесью жалости и презрения. Нравы в столице были куда вольней, чем в глубинке, но даже здесь откровенное выставление напоказ слишком близких отношений не поощрялось. Всего-то десять лет прошло, как из устава академии убрали пункт, предписывающий исключение женщин за «непристойное поведение», то есть добрачный секс, в случае, если факт этого «поведения» удалось доказать. Арман же и не скрывал, что спит с Валентой. Даже похвалялся, что сильфа «дала» ему уже на первом свидании.

Ну разве не гнида он после этого?! Ох уж эти аристократы! И вампиры и, тем более, демоны.

Избалованные, наглые, уверенные, что весь мир существует для их удовольствия. За три года в академии Дженни достаточно насмотрелась на эту породу. И на девчонок, которые поверив красивым словам, оставались с разбитым сердцем и запятнанной репутацией.

Надо быть полной дурой, чтобы надеяться, что станешь для такого, как Арман, единственной. Нет, приличной девушке из семьи среднего достатка нечего делать рядом с подобными субъектами.

— Хватит бегать за ним. Не позорься.

— Кто бы говорил! — неожиданно набычилась подруга. — Сама-то со своим Чарли... — Что?! Дженни настолько не ожидала подобного подлого удара, что растерялась. Чарли был большой темой, и Вэл прекрасно знала об этом. Как она могла?! — Чарли по крайней мере мне ничего не обещал, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он — порядочный парень... — Порядочная скотина, — мрачно и совершенно в несвойственной ей манере откликнулась подруга. — Это называется френд-зона. Он просто пользуется тобой. Приятно, что за ним такая девушка бегает. Ты-для-меня-просто-друг- Дженни, — передразнила она оборотня.

— Хватит! — всплила девушка. — Еще слово о Чарли, и я уйду.

Сильфа снова расплакалась.

— Прости. Я сама не знаю, что со мной происходит. Я никогда раньше такой не была.

Дженни вздохнула и обняла зареванную подругу.

— Держись! Я с тобой.

Вэл больно, но это пройдет. Сильфы не оборотни, у них нет этого проклятия — «истинной пары». Вэл сама не знает, как ей повезло. А разбитое сердце всегда можно склеить.

О Чарли они больше не говорили, но сейчас, возвращаясь в свое общежитие после ночевки у Вэл, Дженни так и эдак крутила в голове ее слова, сочиняя достойный ответ.

И вовсе она не бегаёт за Чарли! Они дружат очень давно, с детства. С того самого дня, как он спас ее от других оборотней и принял в стаю. Вэл просто не знает всего. Не видела, какой он сильный и смелый, как слушаются его все другие волки Маккензи. И не видела, как Чарли заботился и опекал прибывшую извне девчонку-полукровку.

Да, между ними ничего нет. Но может однажды он посмотрит на подругу по детским играм свежим взглядом.

Посмотрит и увидит, что нелепая рыжая девчонка давно превратилась в красивую девушку, и эта девушка ждет всего лишь знака с его стороны... Увлечшись приятными мыслями, Дженни чуть было не споткнулась о чьи-то протянутые поперек прохода ноги.

Обычные такие ноги. Мужские, обряженные в брюки. Их обладатель дремал, сидя на полу и прикрыв лицо шляпой, словно нищий на улице. От звука ее голоса он вздрогнул и встрепенулся. Шляпа слетела, открыв симпатичное, но измученное лицо.

— Чарли? Что ты здесь делаешь? — Дженни, — хрипло пробормотал юноша. — Я пришел к тебе, а тебя нет... Ждал.

Так непохоже на него. В предчувствии беды по коже побежали мурашки и, тоскливо засосало в животе.

— Что-то случилось? — Случилось! — он подался вперед и схватил ее, вцепившись в ее запястье с неожиданной силой. Взгляд Дженни замер на обгрызенных до мяса ногтях и предчувствие беды переросло в ощущение полной катастрофы. — Дженни, спаси меня! Пожалуйста, спаси! Паника, звучавшая в его голосе, оказалась заразной. Еле удерживаясь, чтобы не встряхнуть Чарли за плечи и не заорать: «Да говори уже в чем дело!», Дженни открыла дверь. Хорошо, что соседка уезжает на выходные, сейчас пришлось бы ее выпроваживать. Богиня, она совсем забыла какой бардак оставила в комнате, что Чарли о ней подумает... Она обернулась. Оборотень нерешительно топтался на пороге, словно не был уверен, что ему можно внутрь.

Взъерошенный и потерянный, разом потерявший все свое обаяние и уверенность.

— Заходи, — она выдавила кривую улыбку изо всех сил пытаясь казаться спокойной, — и рассказывай. Я сделаю чай.

Глава 2

Голос Чарли срывался и дрожал. Парень горбился и мял в руках шляпу, а в широко распахнутых карих глазах плясал неподдельный ужас.

Дженни слушала молча. Не перебивая, не осуждая.

— И... вот, — окончил оборотень свой рассказ и замолчал.

Девушка тяжело выдохнула и потянулась было налить себе кипятка и выругалась, обнаружив в кувшине чуть теплую воду.

Успела вскипеть и остыть. Сколько времени прошло? — Восемьсот тысяч? — переспросила она, пытаясь представить себе масштаб катастрофы.

Масштаб не представлялся. Просто не укладывался в голове.

За ее обучение в академии Маккензи платили ежегодно по двадцать тысяч золотых — серьезные деньги для небогатого и не слишком многочисленного клана оборотней. Обучение Чарли стоило дороже, поскольку его оценки оставляли желать лучшего. Плюс ежемесячное содержание, которое высылали родные. Ежегодно клан тратил на них двоих не меньше пятидесяти тысяч.

Дженни помнила, что каждый их день в Аусвейле лишает кузенов и сводных сестричек игрушек и развлечений, что из-за учебы мама второй год прихрамывает, откладывая операцию, что семья Эрис не поедет на воды и этом году.

Не в деньгах счастье. Пусть оборотни не так богаты, как вампиры, они своих не бросают. Если уж приняли в клан, поделится последним. Все Маккензи — одна большая семья.

Даже Дженни... Но восемьсот тысяч! Столько, наверное, можно выручить, если продать земли клана — много гектаров лесистых угодий, полных дичи. Куда пойдут волки Маккензи, если им придется продать землю предков? А если не придется? Если не придется, если отец Чарли решит, что благополучие клана важнее жизни одного волчонка, то Маккензи отрекутся от него. Новым наследником станет его младший брат, а Чарли ждет каторга. Годы в одиночестве и отчаянии.

— О чем ты только думал?! Чарли опустил взгляд.

— Знаю, — убито проговорил он. — Но я... мне должно было повезти! У меня были такие карты. Представляешь, если бы я взял банк... — Но ты не взял его, — жестко отрезала Дженни, чувствуя, как несмотря на всю любовь в душе поднимается волна гнева. Как он мог быть таким беспечным?! Почему не подумал?! — Нет, — он снова поник. — Я не понимаю, как так получилось.

Стрит-флэш. Ты даже не представляешь, какая это редкость.

Так не бывает, просто не бывает! Очень подозрительно... — Хочешь сказать, что он жульничал? — с жадной надеждой переспросила Дженни.

Если жульничал, то ни о каком долге не может быть и речи.

Оборотень неуверенно пожал плечами.

— Скорее всего, но это уже не доказать, — и уставился на нее покрасневшими после бессонной ночи глазами. — Дженни, помоги мне! Я не знаю, что делать! Он боялся. Ее Чарли — сильный, уверенный в себе, всегда такой великодушный — боялся. Больно было видеть его сломленным, белым от страха.

Дженни любила его с девяти лет. С той самой первой детской встречи, на которой Чарли спас ее, защитил от своры соплеменников и помог войти в клан.

Нет, тогда, наверное, это еще была дружба. Детская дружба, густо замешанная на восхищении. Чарли был, как сильный старший брат, которого у нее никогда не было. Он стал для нее проводником в новый мир. Мир обрывистых кражей и холодных горных рек, бескрайних хвойных лесов, ночной стайной охоты и обращенных к луне песен. Мир, в котором все было за клан и клан был за каждого.

Сын вожака и сам будущий вождь Чарли был безоговорочным лидером среди молодых волков. А Дженни... Дженни просто следовала за ним. То ли досадливая помеха, то ли надоедливая младшая сестра. Поддерживала костер у палатки, пока он вел стаю, орудовала веслом на носу его лодки, чистила лошадь. И, было дело, врала родным, выгораживая после его шалостей и каверз.

С ним случился ее первый поцелуй. В малиннике. Запах полуденного леса, вкус душистых ягод на языке, осторожные прикосновения чужих губ. Сладость поцелуя была отравлена горечью скорой разлуки, оба знали: что через месяц Чарли уедет в академию.

Дженни молилась, чтобы он провалился. Но он поступил.

Весь год она занималась, как проклятая, рассорилась с матерью и даже рискнула дважды поскандалить с вожаком, но добилась своего. На следующий год Дженни тоже переступила порог Аусвейла. Потенциал у нее, как и у всех полукровок, был слабеньким, но на тестировании девушка показала высокую мотивацию, отличное знание не только базовых, но и прикладных дисциплин. Спортивные достижения и лестная характеристика, выданная куратором после летней практики, решили исход авантюры.

Она поступила. Прodelала этот путь лишь для того, чтобы обнаружить, что за год в академии Чарли стал совсем другим.

Новые друзья, новые увлечения, в которых подружке по детским играм не было места. Иногда ей казалось, что Чарли даже как будто стыдится ее.

Она плакала, а потом смирилась. Не навязывалась, только старалась учиться изо всех сил. И раз за разом отклоняла поступающие от других студентов приглашения попить вместе кофе или сходить на концерт.

Ей не нужен никто кроме Чарли. Рано или поздно он одумается. Посмотрит по сторонам, увидит ее и поймет, что она — его судьба.

Дженни умела ждать.

«Это и моя вина, — с тоской подумала Дженни. — Я оставила его одного. Не хотела лезть в его жизнь, боялась навязываться.

Даже не заметила, что он начал играть...» Но он пришел за помощью не к кому-то из своих новых дружков, и не к одной из девок, которые постоянно крутились вокруг молодого оборотня. Он пришел к Дженни! Она резко встала.

— Не волнуйся, я со всем разберусь. У тебя есть адрес этого ди Форкалонена?

Квартира негодяя ди Форкалонена располагалась на семнадцатом этаже «Юниверс Стрит» — пафосного небоскреба в самом центре даунтауна. Разумеется, внизу стояли первосортные охранные чары и сидел консьерж, призванный охранять элиту от плебса. Он смерил Дженни подозрительным взглядом и, очевидно, сделал какие-то не слишком лестные для нее выводы.

— Тебе назначено? — Нет, — хмуро ответила Дженни. Она терпеть не могла, когда незнакомцы называли ее на «ты».

— Тогда иди отсюда. Лорд ди Форкалонен не принимает, — даже не делая попытки связаться по внутренней сети с квартирой, посоветовал консьерж.

Лорд?! Это Раум-то лорд?! Избалованный мажор.

Самовлюбленный сынок богатого папочки, наглый и подловатый. Не принимает он... — Пожалуйста, — процедила Дженни, пытаясь изобразить что-то вроде улыбки. Судя по выражению лица мужчины, получился скорее оскал. — Мы учимся в одной академии.

— Вы знакомы? Она на мгновение замялась прежде, чем сказать «да», и он все понял.

— Ничем не могу помочь.

Дженни вылетела из здания, хлопнув дверью так, что содрогнулись стены, кипя от бешенства. Засунула руки в карманы и быстрым шагом зашагала прочь, стараясь успокоиться.

Нет, можно поговорить с ди Форкалоненом и завтра в академии. Но тогда будет потерян целый день, а их всего три на то, чтобы спасти Чарли. Кроме того, ей хотелось застать сволочного

демона врасплох. Ошеломить, вырвать признание, что он жульничал.

О том, что случится, если лорденыш просто поднимет ее на смех, Дженни старалась не думать.

На глаза попалась красно-синяя вывеска пиццерии, и желудок заурчал, напоминая, что время приближается к обеду, а она даже не завтракала. Дженни заглянула внутрь, взяла кальцоне и содовую и устроилась у окна.

По мере того как эмоции утихали, включался разум. К тому моменту, как обед подошел к концу, план был готов в общих чертах. Хороший такой план, даже забавный.

Самое сложное — найти имена и контакты владельцев квартир в небоскребе, предпочитающих еду на вынос. К счастью, у нее есть Зак. Зак, который уже полгода как на полставки подрабатывал в крупнейшей сети доставки пиццы в Нью-Эборе.

Дженни склонилась над постогографом и застрочила.

«Зачем тебе это?» — пришел ответ через пару минут.

«Очень нужно. Потом расскажу.» «А что мне за это будет?» «Большое-пребольшое спасибо и лабораторная работа.» «Две лабораторные и поцелуй.» Она хмыкнула. Интересно, есть девушка, которую Зак бы не пытался поцеловать или облапить? Ладно, они же не оговаривали куда именно целовать. В щечку тоже считается.

«Идет!» «Только для тебя, малышка», — в конце сообщения шла вереница звездочек, Зак утверждал, что каждая из них означает поцелуй.

— Мечтай, — фыркнула Дженни, пролистывая сообщение вниз к списку фамилий и контактов любителей пиццы. Теперь дело за удачей. Должен же хоть кто-нибудь из них находиться дома в выходной! Она выбрала миссис Фишер, чья квартира, судя по всем, располагалась двумя этажами выше квартиры ди Форкалонена.

Откинулась на спинку стула и скрестила пальцы.

Всего парой минут спустя постогограф завибрировал. Миссис Фишер была счастлива узнать, что выиграла бесплатную пиццу в рамках рекламной акции. Да-да, она дома, будет ждать курьера в течение часа.

— Да! Выкуси! — торжествующе выкрикнула девушка.

— Простите? — паренек в форменном переднике и кепке с логотипом «Рино'с пицца», который как раз протирал соседний столик, недоуменно покосился на нее.

— Ничего, это я не вам. Кстати, можно мне «Маргариту» на вынос? — Конечно.

Пока пицца готовилась, Дженни тоже готовилась, выплетая вуаль. Это Валента творила иллюзии легко, как дышала.

Дженни вот всегда ощущала с ними определенные сложности.

— Спасибо, — поблагодарила она, забирая заказ. — Кстати, классная кепка.

Паренек обиженно засопел. Видимо, ему уже приходилось терпеть насмешки из-за дурацкой формы козырька, похожей на пиццу с вырезанным кусочком.

— Нет, я серьезно. Мне очень нравится, — она выложила на стол пару серебряных монет. — Сколько ты хочешь за нее? — Что?! — Меняемся. Тебе деньги, мне кепка.

Он еще мгновение поколебался, а потом протянул ей головной убор с таким видом, словно ожидал какую-то пакость.

— Спасибо, — она подмигнула. — С тобой приятно иметь дело.

Пересекая порог с пиццей в руках, Дженни накинула сплетенные чары. Мимоходом взглянула в зеркало. Вместо рыжей и веснушчатой девицы на нее глянула смуглая и черноволосая. Форменная кепка на голове и коробка в руках завершали образ.

— Доставка пиццы для миссис Фишер, — объявила Дженни консьержу, стараясь прятать лицо под козырьком. Вряд ли он умел видеть сквозь иллюзии, но лучше поостеречься.

Тот расцвел улыбкой.

— Девятнадцатый этаж.

Дженни поднялась на лифте, вручила пиццу милой пожилой женщине. Выслушав заверения миссис Фишер, что та непременно обратит внимание на новую пиццерию, девушка попрощалась, спустилась двумя этажами ниже. Стянула кепку, развеяла иллюзию и нажала кнопку звонка.

Глава 3

Дверь так долго не открывали, что Дженни начала бояться, что все зря, и ди Форкалонена нет на месте. По словам Чарли, у демона имелся еще где-то загородный дом, но туда тот приглашать не любил, предпочитая устраивать вечеринки в своей городской квартире. Не иначе как затем, чтобы позлить соседей.

Она в отчаянии еще раз ткнула пальцем в кнопку звонка.

Пронзительный дребезг был хорошо слышен даже с другой стороны двери, но больше из квартиры не доносилось никаких звуков.

— Какого хрена? — спустя вечность раздался сонный голос, а потом замок щелкнул и дверь распахнулась.

Похоже, она подняла его с постели. Белые волосы, обычно зализанные и уложенные в пижонскую прическу, торчали смешными вихрами. Среди спутанных прядей прятались черные блестящие рожки длиной в палец.

Дженни вдруг смутилась. Вблизи Раум показался ей старше, чем ожидалось. Двадцать семь лет — смешная цифра для демона, которые живут по триста, а то и дольше, но несмотря на юный возраст и смазливую внешность язык не повернулся бы назвать будущего лорда ди Форкалонена «юношей». Быть может, потому, что он, словно ядовитая змея, источал вокруг себя ощущение опасности. Правильные черты лица чуть портила скептическая ухмылка, а в глазах пряталось опасное пламя.

Из всей одежды на демоне были только мягкие пижамные штаны, свободно висящие на бедрах. Они совершенно не мешали любоваться его атлетической фигурой. Не гора мышц, просто молодой мускулистый мужчина в хорошей форме.

Любой из соплеменников Дженни топless смотрелся бы внушительнее. Но когда речь идет о нечеловеческих расах, важен только истинный облик.

Демоны — самые совершенные убийцы в подлунном мире, недаром уже много тысячелетий именно они властвуют над прочими народами.

Красные глаза глаза сощурились, оглядывая Дженни.

— Ты кто, твою мать, такая? — Дженнифер Рейд из клана Маккензи. Я... подруга Чарли.

Чарльза Маккензи. Нам нужно поговорить.

Выпалив это, она шагнула вперед, в надежде, что он посторонится и впустит ее внутрь, но демон не тронулся с места, и Дженни еле успела притормозить, чтобы не влететь в него. Она замерла в дюйме от Раума, чувствуя жар его обнаженного торса. Слишком близко... и он слишком высокий, слишком сильный, на нем слишком мало одежды... «Опасно!» — завопила невидимая сигнализация внутри, но отступить означало показать слабость, а Дженни пришла сражаться.

— Подруга малыша Чарли? — на лице демона промелькнул интерес.

— Любопы-ы-ытно.

Его глаза изучили лицо Дженни, скользнули вниз по шее, замерли где-то в районе груди. И хоть на ней было скромное платье с отложным воротничком почти под горлом, Дженни почувствовала, как изнутри поднимается жаркая волна смущения, словно она стояла перед демоном в одном белье.

Стало трудно дышать, мысли куда-то разбежались и желание шагнуть назад, чтобы увеличить дистанцию, сделалось почти непереносимым.

— Нам надо поговорить, — упрямо повторила девушка. — Впусти меня.

Он еще помедлил, а потом ухмыльнулся.

— Ну, входи, подружка Чарли.

Демон посторонился — совсем чуть-чуть. Так, что Дженни не применено пришлось бы протискиваться, прижимаясь к нему, если бы она захотела войти. Она возмущенно сложила

руки на груди и не двинулась с места.

— Так ты заходишь? Или передумала? — Я зайду, когда уйдешь с дороги, — четко выговорила Дженни. — И, кстати, не мог бы ты одеться? Он с преувеличенным изумлением вскинул бровь.

— Одеться? Зачем? Я в своем доме, и я тебя не звал.

Мерзкий, наглый, бесстыжий... Одно слово — демон! Богиня, дай ей сил и терпения! — Ну? — наглая улыбка — вот и все ответы на ее безмолвную молитву. — Или ты заходишь, или я закрываю дверь и велю охране выкинуть тебя.

— Захожу, — сквозь зубы прошипела она.

Девушка протиснулась в образовавшуюся щель, стараясь как можно меньше соприкоснуться с его телом, но удушливая волна жара все равно окатила щеки. Как все рыжие, Дженни краснела мгновенно и очень заметно. Не нужно было смотреть в зеркало, чтобы сказать — она сейчас ярко-розовая, как поросенок.

Раум поманил ее за собой. Дженни сделала еще пару шагов и ойкнула. Из полураспахнутой двери на нее с любопытством пялилась блондинистая девица. Совершенно голая, если не считать черных чулков в сеточку и фривольного пояса. Против воли взгляд прикипел к гладкому треугольничку между ног бесстыжей девки. Ужас какой, она что же — бреет там? Зачем? Уши полыхнули малиновым, Дженни отвела взгляд, но тот сам собой против воли возвращался к возмутительной картине.

Как она может разгуливать вот так — нагло, свободно, нисколько не стесняясь?! — Кто-то пришел? — спросила девица.

— Пришел, — лицо демона сложилось в чуть брезгливую гримасу. — Ты, как там тебя? Сэнди, Мэнди? — Кэнди, — подсказала девица.

— Собирай вещи и вали отсюда. Где дверь знаешь. Две минуты.

Вместо того, чтобы возмутиться девица хихикнула: «Ага», подмигнула Дженни и исчезла в глубине спальни.

— Пойдем, подружка Чарли, — демон остановился в дверях гостиной, меряя замершую девушку насмешливым взглядом. — Мэнди нам не помешает.

— Кэнди, — отупело пробормотала Дженни.

— Что? — Ее зовут Кэнди.

Она вошла в гостиную, чувствуя, как жар стыда медленно отпускает, а на смену ему приходит предчувствие неудачи.

Даже в животе начало крутить от страха.

Ничего не получится. Все пошло с самого начала не так, она упустила инициативу. Дженни впервые встретилась с Раумом ди Форкалоненом без окружения свиты прихлебателей, пафосных нарядов и дорогой машины, и вблизи он оказался даже еще более отвратительным, мерзким и самоуверенным типом, чем она ожидала. А еще он оказался опасным и совершенно непробиваемым.

Демон кивнул на кресло, а сам занял место на диване напротив.

— Ну, подружка Чарли, выкладывай свое дело? — Я по поводу игры прошлой ночью, — начала Дженни. И замолчала, пытаясь собраться с мыслями.

Он поощрительно кивнул, явно не собираясь облегчать ей задачу.

Все домашние заготовки показались смехотворными и неубедительными. Как заставить ди Форкалонена отказаться от баснословных денег?! — У Чарли нет восьмисот тысяч, — наконец, выдавила она.

Демон снисходительно улыбнулся.

— Я знаю. Но видишь ли, подружка Чарли, это не моя проблема.

— У клана тоже нет таких денег. Ты не сможешь их получить.

Но каждый в академии будет знать, что ты отправил Чарли на каторгу и сломал ему жизнь. Это навсегда ляжет пятном на твою репутацию.

— М-м-м... пятно на репутации? Звучит соблазнительно, — его глаза весело блеснули. Демон не выглядел испуганным ни в малейшей степени. — У меня для тебя плохие новости, детка.

Пугать меня скандалом, все равно что пугать дикобраза твоей симпатичной голой попкой.

— Я бы попросила: без фривольностей.

— А не то что? — нет, он определенно развлекался за ее счет.

Дженни переплела и стиснула пальцы, чувствуя, как от гнева темнеет в глазах.

Так. Надо выдохнуть, успокоиться. Если она поддастся эмоциям, то окончательно утратит и без того хлипкое, ничтожное преимущество.

— Ты можешь пойти в суд, но... — Зачем суд? — удивился демон. — Я просто продам долг коллекторам, пусть они выбивают деньги. Они в этом профессионалы.

Сволочь! Бессердечная сволочь! Как жаль, что нельзя наорать на него, высказать в лицо все, что она думает об избалованных мерзавцах, для которых не существует ничего кроме денег.

— Коллекторные агентства выкупают долги за гроши. Ты получишь не больше, чем мог бы заплатить клан.

— Это верно.

— Или ты можешь проявить милосердие. Показать пример подлинного великодушия и получить целый клан оборотней, считающих себя обязанными тебе. Все будут восхищаться тобой... Демон хмыкнул.

— Все будут считать меня идиотом, которому можно не возвращать долг.

Дженни растерянно замолчала. Аргументы кончились. Нет, она с самого начала не надеялась разжалобить такого, как ди Форкалонен. Но рассчитывала припугнуть или надавить на его тщеславие.

— И тебя совсем не волнует, что ты ломаешь ему жизнь? — Не особо, — он пожал плечами. — Малыш Чарли достаточно взрослый, чтобы включать иногда мозг. И думать, где он возьмет деньги до того, как садится за стол.

— Мозги не спасут от грязной игры, — в запальчивости выпалила Дженни.

— Что-о-о? — по тону, которым он это сказал и по тому, как сузились в ярости глаза беловолосого Дженни поняла, что сделала ошибку.

— Это он тебе сказал? — Да... то есть нет. То есть... — Он, — Раум нехорошо прищурился.

— Вот же сученыш.

Маленький, а подлый, — демон посмотрел на нее в упор.

Он больше не улыбался.

— Признаться, я ждал переговоров от старика Маккензи. Думал согласиться на разумные уступки, беспроцентную рассрочку — не топить же щенка за идиотизм.

Но если он распускает подобные слухи, он заслуживает урока.

«Кажется, я все испортила», — Дженни сглотнула, ощущая сухость во рту.

Чарли... Ее Чарли, герой ее детства и юности. Самый смелый, самый сильный, самый красивый. Будущий глава клана — справедливый, рассудительный, уверенный в себе.

— Пожалуйста, — прошептала она немеющими губами.

— Он не говорил ничего подобного. Это все я... я придумала.

На лице демона появилось очень странное выражение. Он так долго и внимательно

разглядывал Дженни, что ей стало неловко. Захотелось взорваться, наорать на него или уйти.

Но Раум держал в руках жизнь Чарли, поэтому Дженни молчала.

— Удивительно, — наконец, выдал он. — Такая преданность.

Что ты в нем нашла, детка? Девушка плотно стиснула губы и поклялась, что не произнесет ни звука.

— Почти завидую этому щенку. Ты из клана Маккензи, но фамилия другая? Человечка? Она выпрямилась, тщетно пытаясь изобразить сдержанное достоинство.

— Я волчица.

Демон расхохотался.

— Волчица? Ты себя в зеркале-то видела? Детка, не держи меня за идиота.

— Полукровка, — выдавила она, отводя глаза.

Быть полукровкой — стыдно. Быть бесталанной, неспособной к обороту — вдвойне стыднее.

Сразу вслед за стыдом пришел гнев. Какое у ди Форкалонена право судить ее? Или разглядывать так, словно она интересное насекомое?! — Полукровка, — его губы сложились в глумливую ухмылочку.

— Дженнифер-почти-Маккензи, влюбленная в своего будущего босса пришла просить за него. Надеешься, что если дело выгорит, то малыш Чарли взамен предложит руку и сердце? Последняя насмешка над взлелеянным глубоко в душе глупым, безнадежным, таким горьким и сладким чувством переполнила чашу ее терпения. Дженни вскочила.

— Я ни на что не надеюсь и ничего не жду. Наверное демону не понять, что можно просто искренне любить кого-то. Не искать выгоду и не пытаться затащить в постель. Ты сказал, что завидуешь Чарли, и я в это верю. Твои «друзья» — шайка прихлебателей, которые с радостью разорвут тебя, если почувствуют слабость. Твои женщины — бесстыжие продажные девки. Ты вытираешь о них ноги, а сам втайне злишься, потому что никому не нужен без своих денег. И знаешь что: мне тебя жаль! «Ну вот: теперь ты испортила все, что только можно было испортить,» — ехидно отметил внутренний голос. Задыхаясь от подступающих слез, Дженни шагнула к выходу.

— Стой! — резкий окрик из-за спины заставил ее затормозить.

— А ну вернись! Пальцы сомкнулись на ручке двери.

— Если хочешь помочь своему щенку.

Она обернулась. Демон больше не улыбался. И его взгляд показался Дженни неприятно пронизывающим, опасным.

— Ты же сказал, что продашь долг коллекторам.

— Я могу передумать, — он гадко улыбнулся. — Было забавно услышать все, что ты обо мне думаешь, но я оценил честность.

Итак, значит я по- твоему аморальный тип, неспособный к настоящим чувствам? — Да! — с вызовом ответила девушка.

Все равно терять уже нечего.

— Ты меня раскусила, но поговорим о тебе. Вернись и сядь.

Возвращаться не хотелось. Просто ужасно не хотелось.

Демон по- прежнему улыбался, но от его улыбки в желудке тоскливо засосало. Красные глаза обещали, что Дженни еще придется ответить за сказанные в запале слова.

Она снова плюхнулась в кресло.

— Хорошо, — он откинулся в кресле и переплел пальцы, продолжая изучать ее взглядом. Дженни почувствовала, как снова краснеет — от ли от стыда, то ли от злости. Выражение

«раздевать глазами» всегда казалось ей преувеличением, но сейчас она ощущала, что ее именно раздевают, а может даже фривольно шупают. Словно она сидела в одних чулках, как давешняя бесстыжая девица, а вовсе не в закрытом скромном платье. — Я готов войти в положение твоего дружка и даже полностью простить ему долг. Не бесплатно, разумеется. Все имеет свою цену, и эту цену придется заплатить тебе. Если ты согласишься, конечно. Заодно проверим действительно ли ты его так любишь, как утверждаешь.

Ее передернуло от отвращения. Ну конечно: все должно было этим закончиться. Дженни девственница, но она отнюдь не наивная дуручка. Она задела Раума, он в ответ пожелал поставить ее на место. Сейчас предложит переспать с ним в обмен на долговую расписку. И Дженни согласится — ну куда она денется? Потому что на второй чаше весов свобода и жизнь Чарли.

— Я знаю чего ты хочешь, — с омерзением выговорила девушка.

— Да ну? — он вскинул бровь в преувеличенном удивлении. — И чего же? — Меня.

— Ты так полагаешь? — он расхохотался. — И что: не будешь играть в оскорбленную невинность? Кричать: «Да как ты смеешь?», вскакивать и делать вид, что уходишь? Дженни стиснула кулаки. Пусть глумится. Это — часть его удовольствия от сделки. Она просто сожмет зубы и потерпит.

Будет мерзко и немного больно, но потом можно будет отмыться в горячей ванной и забыть все это, как страшный сон.

— Не буду, — ровно отозвалась она. — Что поделаться, если ты не можешь привлечь женщину другим образом? Я уже говорила, что мне тебя жаль? Он резко прекратил смеяться, красные глаза опасно блеснули.

— Итак, ты согласна на жертву во имя любви, Дженнифер- почти-Маккензи? Очевидно, ему нужно, чтобы она произнесла это вслух.

— Согласна, — девушка постаралась вложить в эти слова все отвращение, которое испытывала к ситуации, требованию Раума и к нему самому.

— Ах, как прекрасно видеть такую самоотверженность, — с чувством продекламировал демон. — Редко встретишь подобное в наши дни, — его тон резко изменился, стал грубым и насмешливым. — Только с чего ты взяла, что я готов выложить восемьсот тысяч за сомнительное удовольствие трахнуть тебя? — Но... Вот теперь она растерялась. Проклятый демон снова выбил почву у нее из-под ног.

— Спору нет, ты симпатичная, — он опять смерил ее с головы до ног раздевающим взглядом. — На шестерку где-то. Если нормально одеть и сводить в салон красоты, то и на восьмерку потянешь. Но готов поспорить, что ни хрена не умеешь в постели. Небось даешь своему Чарли только в полной темноте, закрыв глаза и молясь, чтобы все быстрее закончилось. Нет, детка, секс можно купить куда дешевле. Профессионалка класса Мэнди стоит максимум пару сотен за ночь.

— Кэнди, — убито пробормотала девушка. — Ее зовут Кэнди.

Странно, мгновением назад она ощущала отвращение и унижение при мысли, что придется спать с Раумом. А теперь, когда он так презрительно высмеял ее, стало горько от обиды.

— Тогда чего ты хочешь? Он снова ухмыльнулся.

— Я, знаешь ли, отличаюсь некоторой эксцентричностью. У меня бывают определенные... фантазии, назовем это так. И я достаточно богат, чтобы позволить себе выкинуть кучу денег ради одной из них. Завтра в моем особняке маленький междусобойчик — встреча с приятелями, виски и карты, ничего особенного. Мне всегда хотелось попробовать на что станет похож покер, если вместо стола будет обнаженное женское тело.

— Что? — тупо переспросила Дженни.

Она ослышалась?! Это же не может быть правдой! — Ты разденешься. Уложишь свою красивую голую попку вот сюда, — он ткнул в стоящий чуть в стороне стол — высокий и массивный. И будешь лежать, не шевелясь, весь вечер пока длится игра.

— Ты — больной ублюдок! — выдохнула потрясенная девушка.

— Еще какой, — он улыбнулся. — Не бойся, я гарантирую, что мои гости не станут распускать руки.

— Ты в своем уме? — А чтобы сберечь твою репутацию, Дженни-почти-Маккензи, у тебя на лице будет маска. Очень плотная маска, — тут он смерил взглядом ее роскошные темно-рыжие пряди. — С волосами тоже что-нибудь придумаем. Никто не будет знать, что ты — это ты. Никто, кроме меня, — он улыбнулся с таким видом, словно ему доставляла удовольствие эта мысль.

Она вскочила.

— Ты псих! Я не буду в этом участвовать! — Еще как будешь. Если, конечно, желаешь спасти своего дружка.

Нужно было отвесить демону пощечину и сбежать, а она вместо этого стояла, бессильно комкая в руках пояс от платья и слушала ядовитые слова.

— Зачем тебе это? — Я же бездушная сволочь, привыкшая все мерить на деньги.

Интересно посмотреть сколько гонора в тебе останется, когда ты будешь лежать на столе, стараясь не шевелиться.

Вот теперь она поняла. Оскорбительный намек с ее стороны все-таки задел демона. Потребуй Раум секса в обмен на деньги, он бы только подтвердил ее слова.

Вместо этого ди Форкалонен выбрал безупречный, самый лучший, самый эффектный способ унизить ее в ответ.

— Иди в задницу, я не стану в этом участвовать! Демон пожал плечами.

— Нет, значит нет. Но подумай, детка. У тебя еще есть время до завтра, — он протянул ей белый прямоугольник визитной карточки с золотым тиснением.

— Тут код моего постографа.

Пиши, если все же решишь спасти своего оборотня.

Глава 4

Вечером следующего дня Дженни подошла к парковке академии. Блестящая свежим лаком ярко-красная «Мантикора» Раума стояла у выезда с заведенным двигателем, а сам хозяин в такой же вызывающе красной рубашке с расстегнутым воротом курил сигару, небрежно стряхивая пепел в окно.

Он снова оцупал взглядом ее фигуру и одобрительно кивнул.

— Рад, видеть, что твои чувства к неудачнику Маккензи по— прежнему сильны, детка.

— Сделай милость, заткнись. Меня от тебя тошнит, — прошипела в ответ Дженни, пытаясь спрятать за агрессией страх. Страх прятаться не хотел. И ее действительно тошнило второй день, хотя с той несчастной кальцоне она не съела ни крошки.

Богиня, неужели она действительно делает это? Едет к нему домой, там разденется, ляжет на стол и позволит каким-то мужчинам играть на ней в карты? — Ага, — подсказал демон, который словно читал ее мысли. — Мы едем туда, где все будут пялиться на твои сиськи.

Страх ушел. Растворился в возмущении и злости. Девушка зарычала, с трудом удерживаясь, чтобы не вцепиться ногтями в красивое наглое лицо.

— Ты... — Ладно, ладно, — он примирительно развел руками. — Просто хотел тебя взбодрить немного, а то очень уж ты пришибленная.

Кстати, еще не поздно отказаться.

Она хлопнула дверью, плотно сжала губы и уставилась в окно.

Не поздно. Но Дженни уже все решила. Метания, сомнения и истерики остались во вчерашнем дне. А день сегодняшний... его нужно просто пережить.

В каком-то смысле то, что ей придется сделать, лучше чем секс. Меньше напоминает проституцию.

Она молчала всю недолгую поездку, отвечая на все попытки беловолосого демона завести беседу угрюмыми взглядами.

Только когда машина свернула с основной трассы и миновала кованые ажурные ворота, у Дженни против воли вырвался восхищенный вздох. Раум говорил, что игра пойдет в его загородном доме, девушка представила себе обычный коттедж, вроде таких, в которых жили ее соплеменники. И она никак не ожидала увидеть миниатюрный замок — готичный и мрачный, но не лишенный очарования.

— Ну как тебе мое скромное жилище, — спросил демон.

Небрежно, но с тайной гордостью, словно хотел, чтобы Дженни восхитилась его домом. Она решила, что не доставит ему этого удовольствия и независимо пожала плечами.

— Нормально. Ты тут один живешь? — Сейчас — один. Раньше у меня гостили кузены ди Небирсы, но после того, как один решил жениться, а второй угодил на каторгу, здесь стало немного пустовато.

Шумиха с недавней женитьбой Армеллина ди Небироса была еще свежа в памяти. История, как в романе: будущий наследник одного из самых больших состояний в мире внезапно выбрал в супруги простую девушку. Сироту из приюта. Событие вроде бы ожидаемое: от помолвки до свадьбы прошло почти год, жених успел закончить обучение и получить диплом, но академия все равно гудела несколько месяцев, смакуя невероятную новость.

Чуть напрягшись, Дженни припомнила и второго ди Небироса. Кажется, он числился на предпоследнем курсе, но исчез за несколько месяцев до окончания учебного года.

Никаких скандалов, с его исчезновением связано не было, поговаривали, что Дэмиана просто отчислили за неуспеваемость.

На каторгу, значит, угодил? В холле со сводчатым потолком их встретила немолодая худая женщина в платье горничной. Она присела, выученным движением приветствуя Раума.

— Добрый вечер, господин. Все сделано в точности с вашим приказом.

— Ванная готова? — Да, в синей спальне.

— Отлично, — он хищным взглядом окинул Дженни и облизнулся. — Самое время привести нашу гостью в должный вид.

Снова засосало под ложечкой от страха.

— Что значит «привести в должный вид»? — пробормотала девушка.

— Именно то и значит, — он склонился над Дженни и фамильярно провел пальцем по ее нижней губе. Она так растерялась, что не успела отстраниться. — Я думал поручить это слугам, но в итоге решил сам тобой заняться.

— Я вообще-то мылась сегодня.

— И что? Он потянул ее за собой и Дженни последовала безропотно.

Бесполезно верещать и вырываться, раз уж сама согласилась.

Синяя спальня располагалась на втором этаже. Девушка скользнула безразличным взглядом по обстановке, выполненной в голубых и бежевых тонах. неброско и даже просто, но эта обманчивая простота стоит куда дороже иной кичливой роскоши.

— Договор! — потребовала Дженни. — Ты же не думаешь, что я поверю тебе на слово? Демон недовольно сощурился.

— Зря. Слово — это репутация, я за своей слежу.

Она фыркнула: — Я помню, что ты говорил про скандалы. «Все равно, что пугать дикобраза голый попой», — передразнила она, старательно копируя интонации Раума.

— Детка, — задушевно откликнулся демон. — Есть огромная разница между жестоким мерзавцем, который не дает сесть себе на шею, и не отвечающим за свои слова ссыкливым ничтожеством, вроде твоего Чарли.

Дженни стиснула кулаки.

— Не смей упоминать Чарли! — Ты забыла добавить: «своим грязным языком», — подсказал он. — Малыш Маккензи может спать спокойно, мамочка защитит его от нехороших демонов.

Девушка зажмурилась, глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз, пытаясь успокоиться. Все в порядке. Демон нарочно злит ее. Развлекается, гад.

— Договор, — повторила она ровным голосом.

— На столе.

Открыв глаза, она наткнулась на широкую ухмылку беловолосого. Ну точно развлекается, гад! Текст договора уместился на одном листе, но Дженни все равно прочла его трижды, всматриваясь в каждый абзац. Что бы там ди Форкалонен ни говорил о своей репутации, она не верила демону ни на медяшку.

— Вроде все в порядке, — пробормотала она, ставя подпись.

— Отлично. А теперь, — Раум кивнул на кровать с четырьмя столбиками по краям за спиной Дженни, — раздевайся. Одежду лучше оставить здесь, сегодня она тебе больше не понадобится.

Она сглотнула, зачем-то отвернулась и потянулась к пуговичкам на платье, мучительно медленно терзая каждую из них. Спиной Дженни ощущала взгляд демона. Он прожигал сквозь одежду, как два прицельно выпущенных огненных луча.

— Что-то ты долго детка. Тебе помочь? — Не надо.

Пуговички поддавались неохотно, будто разделяли нежелание Дженни обнажаться. Наконец, последняя уступила, девушка повела плечами и платье упало к ногам. Она переступила через него, все еще чувствуя взгляд демона, словно прикосновения горячих ладоней к коже.

— Повернись, я хочу тебя видеть.

— Обойдешься! — прошипела она. И сжалась в следующее мгновение, ощутив его присутствие за спиной.

— Я все равно тебя увижу, Дженни-почти-волчица, — промурлыкал демон ей на ухо, вкрадчиво и почти нежно. — Буду смотреть на тебя весь вечер. И только от меня зависит насколько станут распускать руки все остальные, так что ты уж будь поласковой.

От звуков его голоса и ощущения горячего дыхания над ухом по коже побежали мурашки. Дженни почувствовала, как мужские руки смыкаются у нее на талии. Пальцы скользнули по крючкам бюстье, освобождая девушку из плена жесткого белья, словно мимоходом погладили живот, и от этих прикосновений внутри что-то сладко вспыхнуло, а по телу растеклось странное томление.

— Ты что делаешь? — потерянно пробормотала она, пораженная не столько даже фривольными прикосновениями, сколько своей реакцией на них.

— Помогаю тебе раздеться, — он шумно вдохнул над ухом. — А ты не такая уж льдышка, детка. Может, развлечемся, пока вечер не начался? Эти слова вырвали девушку из непонятного оцепенения.

— Отвали от меня, урод! — она резко вырвалась из объятий и шагнула вперед.

— Трусы тоже нужно снять, — подсказал за спиной глумливый голос.

— Знаю, — процедила Дженни.

Развлекается, сволочь.

Стараясь не думать о том, что только что произошло, она отцепила штрипки. Со злости дернула тонкую ткань, оставив на крае чулка некрасивую зацепку, которая грозила превратиться позже в дыру. Все из-за него, демонюки проклятого! — Слушай, а у тебя шикарная попка и ножки тоже ничего.

Жду не дождусь, когда ты повернешься.

Нет, она не будет отвечать. Вообще не станет с ним разговаривать, пусть глумиться сколько влезет! Злость помогла вернуть утраченное душевное равновесие.

Все еще не поворачиваясь к Рауму, девушка скатала чулки, отстегнула пояс и бездумно швырнула их на кровать, оставшись в простеньких белых трусиках. Темно-рыжие кудри спускались до талии, прикрывая спину от бесстыжего взгляда демона.

— Давай, осталось совсем чуть-чуть, — голос Раума за спиной внезапно охрип. — Или помочь? — Не надо, — выдавила Дженни. И, нагнувшись, медленно стянула трусики.

— Повернись, — приказал демон. — Хочу посмотреть на тебя.

Только в этот момент Дженни внезапно осознала, что стоит совершенно голая перед мужчиной. Кожа полыхнула от смущения. Краска стыда залила лицо, спустилась на шею, грудь.

Она ни разу не раздевалась перед парнями. И даже в ее фантазиях, в которых Дженни представляла как это произойдет с Чарли, царил полумрак, охранявший ее стыдливость.

Белый свет из магического шара под потолком показался ей безжалостным, слишком откровенным. Жгущим, как тропическое солнце. Девушка съежилась, охватила себя руками за плечи, остро ощущая свою наготу и незащищенность.

— Повернись, — повторил он негромко, но так властно, что не было сил противиться этому приказу.

Прикрывая одной рукой грудь, другой лоно, Дженни повернулась. И вздрогнула, наткнувшись на горящий взгляд демона.

— Я сказал, что хочу тебя видеть, детка, — он взял ее за запястье, отводя руку в сторону — мягко, но непреклонно.

Сглотнул, глядя расширенными зрачками на ее грудь. — Ты красивая... На девятку потянешь.

Волна дрожи прошла по коже, заставила съежиться соски.

Странно заняло внизу живота и, несмотря на то, что в комнате было прохладно, Дженни бросило в жар от взгляда, которым демон пожирал ее тело.

Безумная, невозможная ситуация. Она стоит обнаженная и позволяет смотреть на себя самому ужасному, самому отвратительному парню в мире. Он потянул ее за другую руку, заставляя открыть лоно. И вдруг насмешливо ухмыльнулся.

— Сразу видно, что ты натурально рыжая, Дженни Рейд.

Она сперва не поняла, а потом вспыхнула, по цвету сравнявшись с его рубашкой. Выдернула руку и попыталась отвесить пощечину, но Раум играючи перехватил ее ладонь.

— Э, нет. Бить мы тебя сегодня не будем. А вот от зарослей тебе нужно избавиться.

Эти слова показались настолько дикими, что ярость схлынула, сменившись недоумением, а потом еще более острым чувством стыда.

— Зачем? — Затем, что ты слишком приметной масти. Ну и мне так больше нравится, — он пихнул ее в сторону ванной. — Пойдем, вымоем тебя, грязная девчонка.

Глава 5

При виде ванной, размером больше напоминающей небольшой бассейн, наполненный бурлящей водой, Дженни вдруг заартачилась и даже попыталась выставить демона вон.

— Я уже не ребенок и вполне способна помыться самостоятельно.

— Ага, — беспечно согласился демон, стягивая рубашку.

— Я не хочу! — Ты правда думаешь, что меня интересует чего ты хочешь? — Мы так не договаривались! — Детка, — задушевно откликнулся Раум. — Мы договаривались, что ты сегодня будешь карточным столом для меня и моих гостей. А перед этим надо привести тебя в надлежащий вид, и я это сделаю. Или собирай шмотки и уматывай отсюда.

На мгновение захотелось так и сделать. Заехать сволочному демону по лицу, одеться и уйти.

Но тогда получается, что все, через что уже пришлось пройти, было напрасным. И это унижительное обнажение и его наглый лапающий взгляд и все оскорбления, которые она безропотно сносила, а могла бы ведь и не смолчать! Дженни смерила демона презрительным взглядом и с каменным лицом шагнула в горячую воду. Раум не последовал за ней, как она ожидала. Вместо этого он взял губку, выдавил на нее немного жидкого мыла и склонился над девушкой.

Мокрая чуть шершавая губка коснулась груди, медленно прошла по телу — дразнящими и ласкающими движениями.

Спустилась ниже к животу, оставляя за собой душистый пенный след, и снова поднялась к груди, задевая ставшие вдруг необыкновенно чувствительными соски. Дженни поерзала в ванной, чувствуя, как злость снова сменяется непонятной истомой. Внизу живота сладостно запульсировало.

От бурлящей воды пахло жасмином и розой, прикосновения — такие откровенные, наглые — возбуждали вопреки ее желанию.

Демон прикасался к ней так уверенно и бесстыдно, как она сама не решалась, даже когда торопливо ласкала себя по вечерам. И он не спешил. Смаковал процесс, скотина! Потом рука с губкой переместилась вниз живота, в то время как вторая уже вовсю гуляла по груди Дженни.

Пальцы погладили напрягшийся сосок, сперва вскользь, вроде бы случайно.

Потом вернулись, задержались, пощипывая и выкручивая нежную плоть. Девушка прикрыла глаза и тяжело задышала.

Проклятье, это было слишком приятным!

Сволочной демон, что он делает?!

Ах-х-х!

Губка скользила по внутренней стороне бедра, и Дженни сама не заметила, как шире раздвинула ноги, погружаясь в какое-то подобие транса. Нужно было возмутиться, вырваться, огреть демона, что бы он не распускал руки. Но то, что он вытворял с ее телом, было слишком восхитительным. Жаркая пульсация поднималась от низа живота, и Дженни уже до смерти хотелось ощутить эти длинные умелые пальцы на самой чувствительной точке своего тела. Она чуть прогнулась и тихо застонала.

— Так и знал, что тебе понравится, детка, — пробормотал хриплый голос над ухом. Раум убрал руки с ее тела, мгновением позже за спиной звякнула пряжка ремня — демон раздевался, чтобы присоединиться к ней.

Но прозвучавших слов и краткой передышки хватило.

Девушка вздрогнула, приходя в себя.

Краска бросилась в лицо. Мгновенно вспомнилось все: насмешки, издевательства и унижительное действие, в котором ей сегодня придется участвовать. Как она могла так расслабиться? Почему позволила беззащитно лапать себя этому мерзавцу? Она отпрянула,

меряя его злым взглядом и процедила: — Если ты сюда залезешь, я уйду.

Да. Встанет и уйдет. Потому что если этот гад, явно знающий, где у Дженни волшебная кнопка, отключающая разум, влезет в ванную и прикоснется к ней, все может закончиться катастрофой. Если она отдастся ему сама, по доброй воле, то никогда не сможет уважать себя. Даже в зеркало взглянуть противно будет! Раум, уже успевший наполовину стянуть штаны, замер. Его глаза недовольно сузились, но демон как-то понял, что Дженни не шутит, поэтому только скривился и натянул их обратно.

— Смойвай мыло и вылезай.

Отлично! Это ровно то, чего Дженни и хотела. Она цапнула губку с края ванны и начала грубо растирать свое тело, стараясь не обращать внимание на демона, который стоял, не отрывая от нее горящего взгляда. И что он так пялится? Можно подумать, никогда голых женщин не видел. Сам же сказал: у него этих Сэнди-Мэнди целый вагон, на любой вкус.

Даже больше, чем присутствие демона, смущали мысли о собственном странном поведении. Дженни даже с силой ущипнула себя тайком за бедро пару раз, в надежде, что это вернет трезвость мысли. Помочь щипки не помогли, но больно стало. Даже слезы выступили на глазах.

Пятью минутами позже, отмытая до скрипа девушка шагнула на каучуковый коврик и принялась озираться в поисках полотенца, но демон покачал головой и ткнул пальцем в мраморную ступеньку у края ванной.

— Сядь туда.

— Зачем? — Будем избавляться от лишней растительности, — в руках Раума неведомо откуда взялась опасная бритва. Он тронул лезвие подушечкой большого пальца и зловеще улыбнулся. Так, словно планировал как минимум прирезать кого — от этой пародией на ножик.

— Нет, — заявила Дженни. Она сложила руки на груди, демонстрируя, что не тронется с места.

Один раз уже удалось продавить беловолосую сволочь.

Может, снова получится? Ему, похоже, очень хочется, что бы Дженни сегодня не ушла раньше времени, громко хлопнув дверью.

Демон мгновенно разгадал ее намерение. Словно по прямому каналу связи к мыслям подключился.

— Детка, не советую играть со мной, — угрожающе произнес он. — Или я могу найти восьмистам тысячам иное, куда более полезное применение.

Напоминание уничтожило весь боевой задор. Девушка поникла и покорно села на ступеньку. Богиня, он что же — действительно будет ее брить?! Зачем ему это надо? От этой мысли было стыдно и как — от противно. Кроме того, Дженни категорически не хотелось, что бы демон пялился на нее ТАМ. И уж тем более прикасался. А то еще накатит снова это странное умопомешательство.

Но сегодня ее желания не имели никакого значения.

Раум опустил присел перед ней, положил тяжелые ладони на колени и надавил, заставляя раздвинуть ноги. Вскинул бровь и насмешливо присвистнул, явно работая на публику.

— Не смотри, — прошипела красная от гнева и унижения девушка.

— Было бы на что, — с какой — от злой насмешкой откликнулся демон, нанося пену. — Мне, знаешь ли, нравятся ухоженные девушки. Разве малыш Чарли не объяснил тебе, что нужно следить за собой? Кровь бросилась в лицо. Дженни стиснула кулаки, чувствуя одновременно стыд, злость и дикое, совершенно неуместное возбуждение от развратной позы.

— Мне плевать, что нравится всяким извращенцам вроде тебя! — Оно и видно, — он взялся за бритву. — Не дергайся, или я не ручаюсь за последствия.

Дыхание перехватило от страха, когда острое лезвие коснулось обнаженного живота. Дженни закаменела, замерла, наблюдая за тем, как сталь соскребает густую пену с ее тела вместе с лишней растительностью. Бритва чуть царапала кожу — не болезненно, просто ощутимо — но

сама близость лезвия, заставляла девушку цепенеть. Сидя перед ненавистным мужчиной с широко раздвинутыми ногами — полностью обнаженной, лишенной возможности закрыться или даже пошевелиться — Дженни почувствовала себя беспомощной и уязвимой, и это ощущение странным образом способствовало возвращению возбуждения. Самая чувствительная точка ее тела налилась кровью и запульсировала, соски напряглись. Да что это с ней сегодня?! Она чуть было не заплакала от стыда и злости и снова сжала кулаки, молясь, чтобы Раум не заметил ее состояния.

Демон шумно вдохнул. На миг рука с лезвием остановила свое движение. Пальцы второй скользнули по влажным лепесткам, погладили мимоходом горевший огнем бугорок, и Дженни, чуть выгнулась, еле сдерживаясь, что бы не застонать.

— Я же сказал: не шевелись, — насмешливо заметил демон, продолжая одной рукой брить, а другой ласкать девушку.

— Прек... ра... ти... — с придыханием произнесла она, снова ощущая во всем теле предательскую слабость.

— Как закончу, так сразу.

Спорить не было сил. Девушка задыхалась, сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони и кусала губы. Только не стонать, не стонать и не двигаться! Жизненно важным стало дотерпеть до конца процедуры, не показывая, что развратные, отвратительные прикосновения этого мерзкого, наглого... Ох, Богиня, как же приятно! Дженни дернулась и испуганно вскрикнула, почувствовав, как один из искусных пальцев пытается проникнуть в ее девственную дырочку. И в тот же миг нежную кожу чуть кольнуло болью, а демон негромко выругался.

— А я предупреждал, что не надо дергаться, — пробормотал он, разглядывая небольшой порез. И раньше, чем тяжело дышащая девушка успела ему что-то возразить, наклонился и лизнул царяпину.

На мгновение зашипало, а потом боль утихла, как не бывало.

Но неугомонный демон не остановился на этом. Скользнув языком ниже, он облизал бесстыдно торчащий налитый кровью бугорок. Охватил его губами, чуть посасывая, и Дженни не удержалась и все таки застонала.

Как же хорошо! Она сама никогда не умела доставить себе такого удовольствия пальцами. Нежные и жалящие прикосновения языка сводили с ума, заставляя хныкать, ерзать и шире раздвигать бедра навстречу безжалостным ласкам.

Демон то облизывал, то слегка тербил ставший болезненно чувствительным бугорок. Отстранялся, что бы подуть и снова припадал к ее бедрам, прихватывая его зубами. Девушка уже не стонала, а вскрикивала в голос, перед глазами вспыхивали и рассыпались звезды, рождая во всем теле упоительное нестерпимое наслаждение.

Всего несколько умопомрачительно сладких минут, и Дженни выгнулась от самого сладкого и яркого оргазма в своей жизни. Всхлипнула и обмякла, ощущая во всем теле истому. В голове было пусто — ни мыслей, ни эмоций. Все это слишком дико и нелепо, слишком не вписывается в представление Дженни о самой себе. Она не будет думать об этом сейчас, иначе рискует просто сойти с ума.

— Ты вкусная, — сообщил демон, оторвавшись от ее бедер. Он поднялся и демонстративно облизнулся. — И громкая, я чуть не оглох. Смотрю, тебе понравилось.

Весьма заметный бугор на его штанах намекал, что Раума тоже не на шутку завело все, что он с ней делал. Он ухватил девушку за волосы и подтянул к своему паху.

— А теперь поблагодари меня.

— Иди ты... — вяло пробормотала Дженни. Она чувствовала себя такой слабой — просто медуза на берегу. Если демон сейчас перейдет от слов к насилию, у нее вряд ли получится сопротивляться... Злость при этой мысли вяло трепыхнулась и погасла.

— Неправильный ответ, — он ущипнул ее за сосок. Дженни даже не вскрикнула. Она ощущала только апатию и слабость. И еще ужасно хотелось спать.

— Эй?! — он выпустил ее волосы и встревоженно склонился над девушкой. — Что с тобой.

Она даже не ответила. Соскользнула на пол и свернулась клубочком. Мужской голос выругался над ухом, а потом демон отошел. Послышался шум воды. Дженни лежала на жестком полу, балансируя в полушаге от забытья.

Ведро холодной воды выплеснутое сверху вырвало ее из апатии. Девушка взвизгнула, попыталась вскочить, но сил хватило только слегка приподняться.

— Тише, тише, маленькая, — пробормотал демон над ухом.

Завернул ее в огромное пушистое полотенце и понес из ванной в комнату, на кровать.

Там он чуть отстранился, скептически осмотрел мокрую и продрогшую девушку. Судя по выражению лица увиденное ему не понравилось. А вот не надо было приставать. Придурок! — Ненадолго тебя хватило, Дженни-волчица. Человечки и то выносливее.

— Какая разница, — она пожала плечами. — Надевай маску, твои гости, наверное, уже заждались.

Даже лучше, что она чувствует себя такой вымотанной. Когда придет время для главного издевательства, Дженни просто ничего не почувствует. Может, даже удастся поспать на том столе.

Эта мысль насмешила, но хихикать тоже не было сил.

Раум сощурился, словно что-то прикидывая, а потом вздохнул.

— Ладно, тут моя вина. Так что справедливо, если я же все исправлю.

В его руках снова возникла уже знакомая бритва. Демон полоснул себя по запястью, а потом приложил кровоточащий порез к ее губам.

— Пей.

Повиноваться было проще, чем спорить и задавать лишние вопросы. К тому же в памяти что-то вертелось про добровольно отданную кровь демонов.

Кажется, она обладала особыми свойствами... Дженни бездумно отхлебнула. Кровь оказалась горячей, чуть сладковатой и острой, словно в нее кто-то щедро добавил имбиря и красного перца. Совсем не похоже на кровь, скорее уж на грог. Всего пара глотков и по телу побежала огненная волна, смывая усталость и апатию. Демон попробовал отнять запястье от ее губ, но Дженни вцепилась в его руку, жадно глотая драгоценные капли.

— Хватит, — он отпихнул ее.

— Ишь какая жадная! Поднес запястье к своим губам и лизнул, словно ластиком стирая порез.

— Слюна демонов — хороший регенератор, — пояснил он, в ответ на вопросительный взгляд девушки.

— Как самочувствие, Дженни-задохлик? Она прислушалась к себе. Самочувствие было превосходным.

В теле бурлила энергия. Дженни ощущала себя полной сил, словно только что проснулась. Хотелось прыгать, беситься, делать глупости... В следующую минуту девушка вспомнила все, что произошло в ванной и съезжилась, прикрывая лицо руками. Богиня, какой стыд! Что это было? Как она могла — вот так легко уступить домогательствам этого мерзавца? Почему даже не попыталась оттолкнуть его?! — Вижу, что хорошее, — промурлыкал ненавистный голос над головой. — Ты так мило стесняешься, Дженни-недотрога. Что же, осталось несколько последних штрихов, и можно будет начинать.

Не обращая внимания на полные ярости взгляды, которыми его прожигала девушка, демон подсушил ей магией волосы.

Потом несколькими небрежными пассажами навел иллюзию, превратившую спутанные рыжие кудри в тонкие и легкие волосы цвета белого золота. Скривился и покачал головой: — Тебе не идет быть блондинкой.

Ей пошло бы, покрась Раум ее в золотисто-пшеничный. Но этот невыразительный оттенок, хорошо подчеркивающий красоту тихих бледных девочек, словно вытягивал из Дженни яркие

краски, превращая медно-рыжую, белокожую, покрытую веснушками волчицу в невнятную серую моль.

Но менять настройки иллюзии демон не стал. Вместо этого, раздавил над Дженни колбу с закрепителем. В воздухе вспыхнуло и медленно осело опалесцирующее облачко — гарант того, что иллюзия не слетит внезапно.

Последней деталью стала позолоченная маска, полностью скрывающая лицо, и ошейник, который демон застегнул на ней, не слушая возражений.

— Отлично смотришься, сладенькая, — сообщил он, пожирая девушку глазами. — Пойдем-ка в салон. Гости уже прибыли, пора начинать.

Глава 6

Салон, в котором должна была пройти игра, Дженни разглядела плохо. Маска частично скрывала обзор, кроме того, девушка была слишком поглощена своими ощущениями. Тело горело. Соски съежились то ли от того, что в доме было прохладно, то ли от возбуждения, которое медленно, но верно разгоралось внизу живота. Раум провел Дженни по коридору, не позволив накинуть даже пеньюар. Как назло по дороге им дважды встретились служанки. При мысли о том, что должны были подумать о ней эти немолодые женщины с усталыми лицами, Дженни обмирала от ужаса и стыда. Но самое паршивое, что от всех этих мыслей возбуждение только усилилось. Она почувствовала, что снова становится влажной, и это не укрылось от демона.

— А я смотрю ты тоже маленькая извращенка, детка, — с придыханием прошептал он ей на ухо, вталкивая ее в комнату.

Она съежилась, ожидая встретить жадные развратные взгляды, но в салоне было пусто. Подчиняясь приказу Раума, Дженни подошла к низкому и длинному журнальному столику, залезла на него и легла, вытянувшись по струнке.

— Расслабься, детка, — промурлыкал насмешливый голос, а потом пальцы чуть сжали напряженный до боли сосок, сорвав с губ девушки короткий стон. — Ты так вкусно возбуждаешься, — его голос странно дрогнул. Раум медленно отступил, меряя взглядом обнаженную девушку.

— Слушай, — изменившимся тоном заговорил демон. — Если хочешь, я все отменю. Выгоню нахрен этих придурков, и будет просто секс, как ты и хотела в самом начале.

От мысли о том, чтобы спать с Раумом Дженни пришла в настоящий ужас. Короткий опыт в ванной подсказал, что ей вряд ли удастся изобразить отвращение или гадливость. Этот мерзкий сволочной демоняка слишком искушен и слишком хорошо чувствует где и как надо к ней прикасаться.

Одно дело стиснуть зубы и потерпеть, принося жертву во имя любимого. И совсем другое, бесстыдно стонать и кончать под проклятым гадом, давая ему все новые и новые поводы для насмешек и издевательств.

— Нет, — голос из-за маски звучал глухо.

Она почти с благодарностью вспомнила унижительные условия их соглашения. Если рядом будут присутствовать посторонние, Дженни точно не потеряет разум.

Его глаза раздраженно сощурились.

— Ну, как хочешь. Тогда терпи, сейчас будет горячо.

В его руках появилась толстая восковая свечка. Демон щелкнула пальцами, высекая огонек, поджег фитиль и наклонил ее над гладко выбритым лобком. Капли горячего воска обожгли нежную кожу. Дженни вскрикнула и дернулась, за что заработала смачный шлепок по бедру.

— Я же сказал: потерпи! — со злой ухмылкой сказал демон. — Должен же я подготовить освещение.

Она успокоилась и замерла на месте, стараясь дышать глубоко и размеренно. Капли продолжали падать, но первый шок уже прошел, и Дженни поняла, что воск не настолько горячий, чтобы обжигать по-настоящему.

Дождавшись, пока между бедрами соберется целая лужица полурасплавленного воска, демон укрепил в ней свечу. И взялся за вторую.

— Не дергайся, сладенькая, если не хочешь обжечься, — предупредил он.

Вторую свечу Раум поставил меж грудей. Дженни вздохнула, не отводя испуганного взгляда от маленького огонька на конце воскового столбика. Хорошо, что свечи низенькие и очень толстые, меньше шансов, что упадут. И все равно ощущать их на теле было страшновато.

— Отлично смотришься, — очень хрипло сказал демон. — Рот затыкать не буду, но в твоих же интересах молчать. Подожди здесь, детка. Мы скоро придем.

Он вышел, и магический шар под потолком погас. Дженни осталась обнаженной в пахнущей воском темноте, которую разгоняло только вздрагивающее пламя свечей.

Вряд ли между уходом и возвращением Раума прошло больше десяти минут, но и этот короткий промежуток показался Дженни вечностью. Она не сводила взгляда с трепещущего в темноте огонька, который медленно поднимался и опускался в такт ее дыханию, и чувствовала себя героиней сказки. Нагота, тьма, маска на лице и ошейник на шее, вынужденная неподвижность и прохладный полированный стол — все это настолько не принадлежало привычному обыденному миру девушки, что Дженни почти поверила, что видит сон.

Увлечательный, немного страшный и безумно возбуждающий.

А потом дверь скрипнула. Снова загорелся свет над головой.

— ... а это обещанный сюрприз. Сегодня у нас особый стол для игры, — послышался насмешливый голос ди Форкалонена.

Дженни скосила глаза, но ничего не увидела за краем маски.

Вертеть головой она опасалась — любое неловкое движение могло опрокинуть одну из свечей.

— Ого! — Твою ж дивизию... — Ну ты даешь! Кто-то пораженно присвистнул, кто — от восхищенно выдохнул. Посыпались смешки и восклицания.

Дженни зажмурилась. Щеки полыхали так, что удивительно, как маска еще не сгорела и не рассыпалась пеплом.

«Все в порядке! Они не могут видеть моего лица, они не узнают, что это я».

Она ощущала чужие взгляды кожей. Наглые и восхищенные, оценивающие и жадные. Слышались шаги — парни медленно обходили вокруг выставленной на всеобщее обозрение девушки.

— Красотка, — сказал кто — от. — Такие сиськи, — и чья — от наглая ладонь легла на грудь, сжимая похожий на горячий камушек сосок. Дженни дернулась и протестующе замычала.

Расплавленный воск выплеснулся на грудь и побежал дорожками вниз, огибая мягкие полушария.

— Эй, не лапать, — голос ди Форкалонена потерял ленивую насмешку, теперь в нем зазвучало угрожающее рычание хищника, на добычу которого посягнули. — Девушка здесь не для этого. Смотреть можно, трогать нельзя.

— Да ладно? — деланно удивился наглый тип. А в следующее мгновение захрипел.

Любопытство одержало вверх над стыдом. Дженни распахнула глаза. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как пальцы Раума сжимаются на шее неизвестного парня — легко и почти нежно.

— Я сказал: руками не трогать, — процедил демон. — Ты понял? — Понял, понял, отпусти, — прохрипел тот.

Остальные никак не отреагировали, словно все происходящее было в этой компании в порядке вещей.

— Итак, лорды и сэры, — объявил Раум, снова превращаясь из адского охотника в радушного хозяина. — Занимайте ваши места. Я прикажу подавать напитки. На столе не очень много места, поэтому используйте его разумно, — он опустил на живот Дженни тяжелый жетон, отлитый из какого — от сплава. — Здесь будет находиться банк.

По мере того как гости рассаживались, взгляд Дженни перебегал с одного на другого. Все они были молоды и весьма недешево одеты. Скорее всего, золотая молодежь. Адепты из академии, входящие в круг особо приближенных к Рауму.

Вокруг него вечно крутились девчонки и парни, привлеченные аурой влияния, популярности и больших денег, окружавшей сына лорда-протектора.

Взгляд выхватил знакомое лицо, и Дженни снова вздрогнула, облив себя воском.

Арман! Богиня, ей ведь не кажется, это тот самый Арман д'Крессен? Парень ее лучшей

подруги. Со вчерашнего вечера — бывший парень. Вампир, любитель выпивки и боев без правил.

Эталонный плохой мальчик, рядом с которым не место приличной девочке.

Приличной девочке много где не место. Например, голой на столе в окружении всяких придурков.

Вампир задумчиво изучал ее скользя взглядом по соблазнительным изгибам и выпуклостям, и Дженни почувствовала, как утихший было стыд разгорается с новой силой. Лучше бы она согласилась на секс! Одно дело позировать подобным образом перед чужаками, которых видишь первый и последний раз. Но Арман! Сколько раз она прямо в лицо высказывала ему все, что думает о нем! Богиня, только бы он ее не узнал! Служанка принесла виски со льдом. Раум щелкнул пальцами, поджигая сигару, и выпустил струю ароматного дыма в потолок.

Игра началась.

Глава 7

Раум тихо выругался и попытался сосредоточиться на картах.

Снова ведь продует, как на прошлом круге.

Сосредоточиться не получалось. Перед глазами маячила молочно-белая грудь — идеальный размер по его руке — с торчащим столбиком соска. Темно-розового, как и губы девушки. Хотелось склониться, втянуть его в рот, прикусить зубами и услышать тихий стон.

Запах ее желания щекотал ноздри, а от эмоций, которые источала Дженни, демон чувствовал себя пьяным, хотя к виски ни разу за весь вечер не прикоснулся.

Вкусная, сладкая... Такая ершистая и такая испорченная девчонка. Развратная недотрога — типаж, от которого ему всегда сносило голову, пусть и проблем с ханжами-скромницами в сотни раз больше, чем с честными шлюхами.

Он солгал, когда сказал, что малышка не интересна ему из-за неопытности. Как раз неискушенность, помноженная на чувственность — самое сладкое в таких девочках, как Дженни.

Профессионалки отдаются телом, а не душой, в них нет и следа этого трепета, стыда и подспудного возбуждения. Заниматься с ними сексом все равно что жевать недоваренную кашу без соли и специй. Шлюха, для которой секс это просто работа, не способна насытить вечно голодную сущность демона.

Раум уже сто раз пожалел, что выставил такое дурацкое условие. Наглые масляные взгляды парней бесили. Хотелось вскочить, зарычать, съездить по морде Доминика — он нарвался еще когда осмелился лапать Дженни без разрешения. Да и теперь разве что не ел девушку глазами.

И стоило бы учесть реакцию собственного тела. Он так и не получил разрядку после ванной, но временное опьянение чужой энергией, а потом тревога за Дженни заставила забыть о вожделении. И вот теперь при взгляде на нее — неподвижную, беспомощную, униженную и низведенную до положения безмолвного предмета, он почувствовал сумасшедшее возбуждение. Эрекция распирала брюки. Выгнать бы нахрен всех бездельников и дармоедов и трахнуть девчонку прямо на этом столе. Снова услышать, как она стонет и вскрикивает — глухо и безумно эротично. Он прикрыл глаза, вспоминая ее вкус на языке, нежную кожу под пальцами.

Проклятье, ну как можно было быть таким идиотом? — Эй, ди Форкалонен! Раум вздрогнул, поняв, что к нему обращаются уже третий раз.

— Чего тебе? — Твой ход вообще — от.

— Я — пас, — буркнул он, не глядя в карты.

Взгляд с ново остановился на платиновых локонах. Зря он создал иллюзию волос Таси. Дженни они категорически не идут. Нужно было просто сменить цвет на черный.

Хватит, пожалуй, искать в любой женщине ту единственную, которая его отвергла. В конце-концов, свет клином не сошелся на жене кузена Армеллина. Например, вкус эмоций Дженни оказался не хуже, а может и лучше, чем у белокурой анхелос.

Знать бы заранее. Но кто мог подумать, что рыжая девчонка, объявившаяся на пороге его квартиры со смехотворными претензиями, таит в себе такой бесподобный букет? Тогда она только вспыхивала — еле заметно, приглушенно, как все люди.

И вдруг сегодня ее аура раскрылась ярким пьянящим ароматом, насыщая и питая хищную внутреннюю сущность демона.

Не стоило хапать так много, девочка даже стоять не могла. В следующий раз он будет аккуратнее. Растянет удовольствие.

Если отжарить слишком много и слишком часто, люди быстро кончаются — теряют способность что-то чувствовать, превращаются в эмоциональных зомби.

Волчица... Да какая она волчица?! Одно название. Оборотни, как и абсолютное большинство

нечеловеческих рас, обладают врожденным ментальным барьером против таких, как Раум.

Только люди полностью беззащитны.

Снова кто-то что-то сказал над ухом.

— А? — демон повернулся к Арману, меряя вампира недобрым взглядом.

— Твоя очередь сдавать, — повторил тот.

Раум собрал карты и потянулся к колоде, лежащей на животе, мимоходом погладив пальцами сосок. Девушка еле слышно выдохнула сквозь зубы, а в ее ауре отчетливо плеснуло возбуждение. Маленькая развратница! «Я обязательно тебя трахну, сладенькая, — пообещал он мысленно. — Потом. А пока потерпи».

Посиделки закончились глубоко за полночь, когда Арман взял банк, и внезапно оказалось, что денежный лимит, у большинства гостей выбран полностью. Раум устраивал эти вечера не ради денег, поэтому не приглашал к себе малоопытных щенков вроде Маккензи — какой интерес обыгрывать до нитки желторотых юнцов? А умелый игрок всегда знает, когда нужно остановиться.

Хорошо, что это случилось не слишком поздно. Еще полчаса, и Раум сам бы всех выгнал.

— В этом доме сегодня нет свободных спален, поэтому вам придется уехать, — сухо объявил демон, не отрывая взгляда от распростертого на столе обнаженного тела.

Приятели оказались понятливыми — с другими Раум предпочитал не связываться. Только Доминик попытался было napроситься на ночевку.

— Я плохо объяснил? — обманчиво-мягким голосом спросил демон, в упор разглядывая зарвавшегося оборотня. Тот смутился и тоже засобирился.

Это было вопиюще невежливым, но Раум не пошел провожать гостей. С трудом дождавшись, когда за последним захлопнется дверь, задул свечу и потянул на себя, отделяя застывший воск от нежной кожи. Девушка недовольно зашипела сквозь зубы.

— Потерпи, — хрипло пробормотал демон, счищая с ее тела остатки воска.

Он обвел пальцами грудь — красивая форма. Округлая, как половинка персика, с твердым соском, похожим на крохотный бутон плотно сомкнувшего лепестки цветка. Опустившись на колени, демон припал ко второму соску.

И сразу же получил звучную оплеуху.

— Руки убери! — усталым и злым голосом сказала девушка.

Села, рывком, содрала с себя маску и потянулась трясущимися пальцами расстегнуть ошейник.

— Ты уверена, Дженни-недотрога? — мягко спросил он, стараясь не показывать, как его задела эта реакция. — Мы ведь уже выяснили, что как бы ты ни пищала: «Нет!», на самом деле ты этого хочешь.

— Абсолютно! — она, наконец, справилась с застежкой, и в лицо Рауму полетел ошейник. — А хочу я горячий душ, свою одежду и расписки Чарли. И вызови мне такси.

Такси? Ну уж нет! Пусть Раум был сыт, даже пресыщен ее стыдом, беспомощностью и тайным возбуждением, он все равно планировал еще поиграть с этой дерзкой девчонкой, эмоции которой оказались такими восхитительно сладкими. И что бы там Дженни ни думала, демон не собирился отпустить рыжую, не попробовав ее соблазнительного тела.

— Одежда и ванная в твоей комнате, детка. А такси подождет до завтра.

— Я здесь не останусь.

Он рассмеялся.

— Куда ты денешься? — Это не входит в наш договор, — прошипела Дженни, сжимая кулаки. Зеленые глаза метали молнии, губы приподнялись, обнажая клыки. Наверное, это могло бы смотреться внушительно, не стой она перед ним обнаженная с потеками воска на теле.

— Оденься сначала, паладин голопопый, — беспечно откликнулся демон, подхватывая недовольно взвизгнувшую девушку на руки и перекидывая через плечо. Не удержался и мимоходом погладил упругие ягодички, а потом звучно шлепнул. В окутавшем Дженни облаке возмущения и ярости снова мелькнула короткая вспышка возбуждения, и демон облизнулся.

Пусть строит из себя что угодно, но она определенно из тех девчонок, которым нравится, когда с ними обращаются подобным образом. И он будет полным кретином, если станет изображать джентльмена и просто отпустит ее, как бы она ни негодовала и не трепыхалась.

Но когда он поставил девушку на пол в ванной, то внезапно уловил ее усталость.

— Пожалуйста, уйди, — тихо сказала Дженни. — Я хочу смыть с себя все это и выспаться.

Несколько минут Раум колебался. Он не привык считаться с чужими желаниями, но девочка не лгала. Она действительно была измучена, что и неудивительно. Он впитывал ее эмоции весь вечер, странно что она вообще на ногах еще стоит.

А снова поить ее кровью — нельзя. Опасно. Для нее в первую очередь.

— Ладно, — согласился он с сожалением. — Постельное белье свежее. Если захочешь перекусить ночью, можешь смело звонить в колокольчик, у меня круглосуточное обслуживание, как в гостинице.

— Расписки, — мрачно напомнила девушка.

— Завтра.

— Что?! — она снова набычилась и уставилась на демона с возмущением.

— Ты ведь все равно здесь ночуешь, сладенькая. Так что расписки подождут. Спи. Я загляну к тебе пожелать доброго утра.

Он дважды снял напряжение в душе, вспоминая ее вкус, сводящий с ума терпкий запах желания и обнаженную хрупкую фигурку на столе, но ночь все равно вышла беспокойной. И сны были наполнены чувственной недотрогой с колючими зелеными глазами.

Уже под утро ему приснилось, как она стоит на коленях, лаская его член дразнящими и легкими прикосновениями языка. Он проснулся, когда первые лучи солнца заглянули в окно, с каменным стояком. Накинул халат и решительным шагом направился вниз по лестнице. Четыре часа — вполне достаточно для полноценного отдыха, теперь пришло время поиграть с малышкой.

Но, едва взглянув на пустую спальню и нетронутую постель, Раум все понял. И зарычал от разочарования.

— Около трех ночи, господин, — подтвердила его подозрения служанка. — Нет, такси не было. Она просто ушла.

— И вы ее выпустили?! — спросил он, обманчиво-ласковым голосом. Те, кто хоть немного знали Раума, бледнели и начинали оглядываться в поисках путей к отступлению, когда будущий лорд ди Форкалонен заговаривал с ними подобным тоном.

На усталом равнодушном лице женщине не отразилось никаких эмоций.

— Господин не давал никаких распоряжений на этот счет.

Можно было наорать на тупую клушу, но смысла в этом не было. Как не было и ее вины. Сам виноват. Даже не подумал, что рыжая может просто взять и уйти, без расписок своего драгоценного Чарли. Знал бы — приказал слугам не выпускать, привязал к кровати... Дурочка! Совсем мозгов нет?! Кто пойдет ночью пешком?! Ночная трасса не место для девчонки, если она не ищет неприятностей.

Упрямая... Демон вдруг обнаружил, что улыбается при мысли о ней. Строптивая, упертая, себе на уме. Привыкла добиваться своего, вопреки обстоятельствам. Раум тоже привык, а опыта и возможностей у него куда больше.

С трудом переборов порыв срочно отправиться на поиски, Раум велел подавать завтрак и вернулся в комнату.

Ладно. На этот раз дерзкая девчонка переиграла его. Но игра только началась.

Глава 8

Дженни до последнего не верила, что удастся так легко сбежать. Даже когда кованые ворота остались далеко позади и показалась ночная трасса, залитая лунным светом, девушка все еще ждала, что за спиной послышится шорох колес о гравий и ненавистный насмешливый голос спросит: «Куда это ты собралась, детка?».

Но все прошло гладко. Вызванное через постогограф такси уже ожидало у поворота. В половине четвертого утра Дженни добралась до кампуса. Живая и здоровая — это плюс. Без расписок — это минус. Возможно, не стоило так спешно бежать, но что — от подсказывало ей, что одним пожеланием «доброго утра» Раум не ограничится. Ночевка на его территории стала бы ошибкой.

Ладно, договор — от у нее с собой, а расписки Дженни получит от демона завтра.

По ночам двери общежития запирались, однако девушка поскреблась в окошко. Повезло — соседка сегодня ночевала дома.

— Что-то ты поздно, — меланхолично позевывая сообщила дриада. Обычно это она гуляла допоздна, а потом выстукивала по оконной раме затейливый ритм.

— Я сегодня рано, — фыркнула Дженни.

— Случилось чего? — Неа.

Этот ответ удовлетворил нелюбопытную соседку, и она снова нырнула в постель. Дженни последовала ее примеру, отключившись раньше, чем голова коснулась подушки.

Утром она первым делом схватилась за постогограф. Новых сообщений от ди Форкалонена не было, да это и неудивительно. Это ей, а не Рауму нужна повторная встреча.

«Я хочу получить расписки», — вывела она на дощечке. Экран постогографа мигнул и осыпался серебристой крошкой, отправляя сообщение. Дженни сидела, гипнотизируя его взглядом. Вот-вот придет ответ. Хотелось встретиться с Раумом и забрать бумаги до занятий, чтобы с чистой совестью вычеркнуть вчерашний невозможно унизительный вечер и беловолосого демона из памяти.

Прошла минута. Пять. Потом десять. Ответа не было.

Может, он сейчас в ванной? Или завтракает, а постогограф оставил в комнате? В прошлый раз Раум ответил ей почти сразу... Она подождала еще несколько минут для верности, а потом начала медленно собираться, поминутно поглядывая на экранчик.

Наверное, номер неправильный. Девушка потянулась за визиткой, смерила. Да нет — все верно. В чем тогда дело? Сообщение не дошло? Но магическая почта через астральные сети считалась самой надежной в мире. Дженни не приходилось слышать, чтобы отправленные подобным образом письма терялись.

Стоя уже одетой в дверях, она еще раз глянула на постогограф и почувствовала, как в душе вспыхивает ослепительная ярость.

Все он прекрасно видел! Просто опять издевается, гнида.

«По договору ты должен отдать мне расписки!» Это сообщение тоже осталось без ответа.

Прокопавшись со сборами, Дженни опоздала, за что схлопотала выговор от магистра Кемпински, который решил на ее примере объяснить всей группе, что на пары по магкоммуникации надо приходиться вовремя, и в качестве наказания почти пол-лекции терзал Дженни вопросами, гоня по уже пройденному материалу.

Дженни вымучивала ответы, то и дело косясь на экранчик постогографа. Девственно чистый и темный.

Когда магистр отпустил ее — злую, взвинченную до последнего предела, девушка плюхнулась на стул и немедленно потянулась за стилем.

«Значит, вот чего стоит слово ди Форкалонена? Отдай расписки!!! Немедленно!» Еще три или четыре гневных послания остались без ответа.

По прошествии полутора часов к исходу второй пары, когда Дженни была уже почти невменяема от тревоги и гнева, постогограф все же завибрировал, что бы выплунуть на экран глумливое сообщение.

«Детка, ты настырней коммивояжера. Подходи через двадцать минут на парковку».

— С-с-котина! — с облегчением выругалась Дженни вслух, чем заслужила странный взгляд от сокурсников.

К парковке она подходила кипя, как забытый на огне чайник, и отсутствие демона на условленном месте отнюдь не улучшило ее настроения.

«Ты где?!» — написала она, испытывая непреодолимое желание зарычать.

Разумеется, никакого ответа. Кто бы сомневался.

Дженни закусила губу и ухватила за дощечку, сочиня длинное и гневное послание, в котором очень образно высказывала все, что думает о лживых ублюдках, нежелающих держать слово. Напомнила об условиях договора и пригрозила карами, расписала свои дальнейшие действия.

В тот момент, когда она уже собиралась нажать «Отправить» на парковку зарулила знакомая ярко-красная «Мантикора».

Девушка вскинула голову, со смесью облегчения и злости наблюдая, как машина медленно скользит между рядами.

«Мантикора» остановилась рядом с ней. Тонированное стекло напротив водительского места дрогнуло и поползло вниз.

— Столько страстных посланий с утра пораньше, — промурлыкал демон. — Детка, я приятно поражен. Ты думала обо мне? — Думала. Слала лучи поноса. Где мои расписки? Он кивнул на соседнее сиденье: — Садись.

Пришлось послушаться, несмотря на дикое желание устроить скандал. В отместку Дженни намеренно со всей дури хлопнула дверь.

Демон нахмурился.

— Ты могла бы аккуратнее обращаться с чужой собственностью? Моя машина стоит сравнимо с долгом твоего Чарли.

— Ты мог бы отвечать на сообщения.

— Я ответил.

— Через четыре часа! Он пожал плечами: — Ответил, как увидел. Детка, тебе нужно поучиться терпению. Если верить святошам, это великая добродетель.

Дженни проглотила ответную реплику о том, что кое-кому следовало бы поучиться обязательности. Она не должна вестись. Раум ведь явно нарочно злит ее. Она вдруг поняла, что сжимает постогограф так сильно, что пальцы побелели, еще чуть-чуть и пластинка просто сломается в ее руках.

Усилием воли, девушка заставила себя выпустить ни в чем неповинный прибор.

— Расписки, — холодно сказала она.

Вместо того, что бы отдать ей желаемое, Раум схватил ее постогограф и, не обращая на ее попытки отобрать приборчик и гневные крики: «Отдай!», прочел так и не отправленное послание. Его бровь выразительно поползла вверх, а Дженни вдруг совершенно не к месту подумала, что брови у него темные. Странно, волосы белые, а брови темные... — Очень... впечатляюще, — насмешливо произнес демон, и девушка смутилась, вспомнив все, что понаписала в сердцах. — И что: ты действительно готова подать на меня в суд за невыполнение условий договора? — Конечно.

— Подумай, — его губы искривила ухмылка. — Очень-очень хорошо подумай, Дженни-скромняшка.

Она открыла было рот для гневной речи и вдруг задохнулась.

Представилось заседание: мировой судья в строгой мантии, куча журналистов и случайных зевак. И адвокат, который уточняет у нее, едва сдерживая сальную ухмылочку: «Итак по договору вы должны были лежать обнаженной на столе весь вечер пока шла игра?» Даже если она выиграет процесс, это позор на всю жизнь.

Про нее будут писать в газетах, и тыкать пальцами на улицах.

Ни один работодатель не возьмет настолько скомпрометированную девушку, а если и возьмет, то не как сотрудника, а как девицу для быстрого перепахивания на рабочем месте.

Богиня, она ведь это сама подписала! Как она могла быть такой душой! Да если Раум захочет, его экземпляр контракта станет роскошным средством для шантажа! — Вот именно, — жестко подытожил демон, наблюдавший за ее лицом.

— Но... — она почувствовала себя беспомощной, как маленький ребенок. Как в детстве, еще когда они с матерью жили в человеческой деревеньке и соседский Зак — мальчишка старше Дженни на три года, выше, сильнее и быстрее — любил издеваться над ней, доводя до слез. Отвратительное, гадкое чувство. Его ни разу не было в жизни Дженни с тех пор, как они уехали в земли Маккензи и рядом появился Чарли.

Губы задрожали от обиды, безмерной, как мировой океан, и глаза сами собой наполнились слезами. Она попробовала что-то сказать, но поняла, что если сделает это, то просто разрыдается.

Всматривавшийся в ее лицо демон выругался, а потом вздохнул.

— Вот только истерик не надо, Дженни-плакса, — он выгреб из кармана ворох мятых бумажек. — Хотя ты и считаешь меня бесчестным куском дерьма, я держу свое слово.

— Отдай! — она выхватила их у него из рук и прижала к груди, как величайшее сокровище и покосилась на дверь. Надо быстрее делать ноги, пока Раум не передумал! Но несмотря на соблазн, Дженни не двинулась с места. Надо сперва прояснить все до конца! — Договор... что ты собираешься с ним делать? Демон ухмыльнулся.

— А ты как думаешь? Она сжала кулаки, чувствуя, как в глазах темнеет от ярости и отчаяния. Раум явно имел на нее планы. Планы, которые она нарушила, сбежав из его особняка ночью. Смешно было надеяться, что демон оставит ее в покое так просто. Теперь будет шантажировать договором пока не получит свое. Богиня, как же это подло и мерзко. Впрочем, чего еще стоило ожидать от ди Форкалонена.

Где она ошиблась? Где просчиталась? Не нужно было подписывать тот договор? Но без договора у нее не было бы никаких гарантий, что Раум вернет расписки! Ага, как же! Можно подумать, с договором эти гарантии появились. Куда ни плюнь, все равно проклятый демон в выигрыше. А Дженни полностью от него зависит. Сейчас он потребует переспать с ним в обмен на молчание. И придется соглашаться. Или не соглашаться, попрощавшись с репутацией.

И как же от этого всего тошно... — И чего ты хочешь? Демон пожал плечами.

— Ничего.

— Ничего? — недоверчиво переспросила девушка.

— В контракте есть пункт о неразглашении. Но даже если бы его не было... — в его глазах вспыхнула злость. — Знаешь, наверное, мне стоило бы и вправду заставить тебя отсосать за эту бумажку, раз ты такого обо мне мнения. Какой смысл быть лапушкой, когда тебя по умолчанию считают подонком? Сначала ей стало стыдно. Настолько стыдно, что она уже открыла было рот, что бы извиниться.

Открыла и закрыла. Потому что сразу вслед за стыдом потом пришла мысль, что ди Форкалонен ничего не делает просто так. Если он отпускает ее, значит ему так выгодно. Может у него иные планы на Дженни? Узнать бы еще какие.

— Тогда я... пойду? Слова прозвучали вопросительно. Как будто она отпрашивалась у демона, как у мамы. Поняв это, Дженни разозлилась.

— Пойду! — повторила она решительно. И потянулась к ручке двери.

— Можешь, конечно, уйти, но пока я не погасил расписки, они будут действовать.

— О чем ты? — Детка, это же не просто бумажонки. На них магическая печать, а на твоём Чарли змея договора.

— Тогда погаси их! — Я могу, — он подмигнул. — Но советую просто переоформить обязательства на тебя. Если малыш Чарли будет знать, что должен тебе восемьсот тысяч, он превратится в редкостного зайку.

— Ты хочешь, что бы я шантажировала Чарли ими? — возмутилась Дженни. — Никогда! «Я же не ты», — хотела добавить она, но передумала. Не стоит усугублять.

— Дело твое. Тогда дай сюда, — он требовательно протянул руку, и Дженни, поколебавшись, вернула расписки. Раум дотронулся до перстня на левой руке, и камень в платиновой оправе замерцал алым светом, на фоне которого отчетливо выделялся черный контур герба ди Форкалоненов — змей, обвившийся вокруг кинжала. Демон коснулся каждой бумаги, оставляя четкий оттиск.

— Вот теперь все, — он задумчиво посмотрел на девушку своими глазами — красными, как камень в родовом перстне.

Дженни внезапно смутилась. Не к месту вспомнилась ванная в его доме, жадный взгляд, похотливо наглые и умелые прикосновения его рук. Странно заняло внизу живота, и девушка стиснула колени, пытаясь избавиться от наваждения.

Он же сволочь! Гад, скотина, любитель поиздеваться и поиграть на нервах! Он ее раздел, облапил, довел до оргазма, а потом заставил пройти через самое невероятное унижение в ее жизни. Да и сегодня издевался все утро. Она должна его ненавидеть! Тогда почему вместо ненависти она ощущает это странное томление? Демон внезапно подвинулся к ней ближе, навис над запрокинутым лицом. Дыхание перехватило, и все мысли вылетели из головы. Обжигающе-горячие пальцы погладили щеку, скользнули вниз к губам и медленно обвели их контур.

Надо вырваться... послать его... сказать, чтобы не распускал руки... Надо... Надо... Раум ухмыльнулся с таким видом, словно читал ее мысли, и они ему нравились. Наклонился, почти касаясь губами ее губ.

— Я оказал тебе услугу. Что нужно сказать? — Катись в бездну! — он отпрянула, тяжело дыша. Вжалась в дверцу машины, не отрывая от ди Форкалонена испуганного взгляда. Но демон больше не пытался сократить дистанцию.

Только смотрел на нее все с той же загадочной улыбкой.

— Катись в бездну! — повторила девушка, пытаясь себя в чем-то убедить. Схватила расписки и выскочила из машины.

За ней никто не гнался, но Дженни все равно покинула парковку бегом. Как будто хотела убежать от собственных мыслей.

Глава 9

Раум откинулся на сиденье и небрежным щелчком пальцев поджег сигару.

Что это вообще такое было? Дурной позыв к благородству? Стремление принять красивую позу? Девочка сидела рядом — руку протяни и возьми. А он не взял.

Позволил уйти, да еще и сам всучил расписки ее ненаглядного Чарли. Отдал один рычаг давления и на словах отрекся от второго.

Почему? Захотелось порисоваться перед жертвой? Ну молодец! Теперь добыча сорвалась с крючка, как хочешь так и лови.

И все же... Прелесть Дженни не в красивом теле — мало ли вокруг смазливых девок? Ее живые, трепещущие чувства. Душа, как бы высокопарно это не звучало — вот что делает ее такой особенной. Эмоции, страсти, раскрасившие ауру девушки в бесподобные оттенки. Такие вкусные-вкусные эмоции. Злость и смущение, надежда и страх. А как сносило голову от ее вожделения — вот где настоящий пир.

Когда она заподозрила шантаж, все это почти исчезло.

Покрылось горькой и гадкой коркой отвращения. Ощущать ее было неприятно.

Нет, Раум правильно поступил, отпустив. Да, он может надавить, заставить. Может даже сломать Дженни, но зачем? И что потом делать со сломанной игрушкой? Разве не интереснее не принудить, но соблазнить? Чтобы отдалась по доброй воле. Человеческие самки легко ведутся на флер больших денег и власти. И еще легче надумывают себе несбыточное.

Конечно, все это наносное, самообман. Сладкая конфетка с дерьмом вместо начинки. Люди не умеют любить. «Любовью» они называют собственные мечты о красивой жизни. И очень обижаются, когда объект притязаний разбивает надежды на осколки с особым цинизмом.

Раум затянулся и высунул руку в окно, чтобы стряхнуть пепел. Кроме вкуса хорошего табака демон все еще ощущал букет выплеснутых девушкой эмоций. Изумительно! Разговор не занял и десяти минут, а Раум чувствовал себя более сытым, чем после двухчасовой оргии с несколькими человечками. А ведь они даже близко к сексу не подошли. Просто поговорили.

Раньше так бывало только с Тасей... Сигара выпала из ослабевших пальцев. Он уставился перед собой невидящими глазами.

Тася... Да, вкус ее эмоций был иным. Более легким что ли... Воздушным, невесомым. И все же... Эта абсолютная отзывчивость. Эта фантастическая чувственность, этот сводящий с ума контакт, когда ничто кроме женщины рядом не имеет значения... Почему он сразу не вспомнил, что уже сталкивался с чем-то подобным?! И где вы, скажите на милость, видели рыжую волчицу? Рыжую, с зелеными глазами, ага. Все волки поголовно — брюнеты или шатены с карими, черными или желтыми глазами. Ах да, она же и оборачиваться не умеет.

Не умеет оборачиваться, не обладает врожденной ментальной защитой, но способна насытить демона полностью за один короткий разговор. И при этом сама Дженни отнюдь не выглядела измученной. После того самого первого раза в ванной она словно перестала реагировать на то, что Раум тянул из нее эмоции. Необычная выносливость для человечки.

А ведь Тася тоже после первого раза потеряла сознание. Зато потом... Сердце забилось часто. Раум облизнул пересохшие губы, уже не пытаясь задавить безумную надежду.

Неужели правда? И ему действительно повезло, второй раз в жизни повезло встретить анхелос. Свободную, а значит ничью.

Анхелос, которая по какому-то нелепому стечению обстоятельств даже не догадывается о своей сущности. Быть может, ее а нам тоже похитили, как было с Тасей.

Если так, то Дженни — сокровище, за которое удавится любой демон.

Если так, то отпускать ее нельзя.

Только анхелос способны до конца насытить вечно голодную сущность демона. Но их осталось слишком мало. Так мало, что до недавнего времени Раум вообще не верил в сказки про давно вымершую расу. И когда в его жизнь вошла Тася — светловолосое чудо с внешностью наивной

девочки-подростка — он поступил с ней так же, как привык поступать со всеми женщинами.

Ошибка, мысли о которой до сих пор отзывалось в душе досадой и яростью. Причина, по которой Раум старался даже не вспоминать лишний раз о своем слишком удачливом кузене и его молодой жене.

Анхелос умеют любить по-настоящему. Любить, невзирая на деньги и статус. Только за то, что ты — это ты. Умеют отдавать, ничего не ожидая взамен. И от мысли, что он когда-то встретил женщину, способную на подобное, но в своем извечном цинизме упустил, Рауму хотелось выть.

Он бы убил Армеллина, если бы верил, что это хоть что-то изменит. Но пример второго кузена — Дэмиана — был слишком наглядным. Раум отнюдь не рвался повторять его судьбу. Он всегда был благоразумным мальчиком. Настолько благоразумным, что сам пошел к мозгоправу, выбрав лучшего из лучших. Почти год работы с зависимостью. Четыре месяца жестокой ломки, бессонных ночей, когда он топил тоску и жажду в виски, прятался от нее за карточным столом и в борделях. Когда снова и снова покупал и соблазнял женщин хоть немного похожих на ту, единственную.

Потом стало легче. Снова вереница случайных связей. Новые друзья... Даже не друзья — так, приятели, призванные заполнить возникшую душевную пустоту.

Мозгоправ намекал, что Раум вместе с Тасей лишился не только желанной до умопомрачения женщины, он лишился близких. Круга общения. Тех, кого признавал за равных.

— Не мелите чушь, док, — насмешливо ответил демон. — Я ни секунды не скучаю по этим неудачникам.

Тот только улыбнулся своей раздражающей сочувственной улыбкой и перевел разговор на другое. Он знал, что клиент лгал.

Да, братья ди Небирасы являлись для Раума куда большим, чем случайные шавки и подпевалы. Да, он был к ним привязан.

Смешно сказать, но наследник лорда ди Форкалонена считал кузенов своими друзьями. Даже больше, чем просто друзьями... Они, искалеченные жизнью и судьбой не меньше, чем сам Раум, только по-другому, равные по крови и статусу были его семьей. Он уважал ди Небиросов, даже если высмеивал. Знал, что они принимают его. И что находятся рядом не потому, что рассчитывают получить какую-то выгоду.

Ни о ком из тех, с кем он общался сейчас, Раум не мог сказать того же.

Хотя, конечно, это совершенно не отменяет того факта, что оба ди Небираса — редкостные придурки. Дэмиан — псих, Армеллин — зануда. Вот только почему-то мир был куда более уютным местом, когда они втроем учились в академии и делили его особняк. Наверное, те несколько лет Раум был счастлив.

А потом появилась Тася, и все покатило в бездну.

Маленькая блондинка с кукольной внешностью. Робкая, нежная, чистая. И потрясающе чувственная. Ее подчиненное положение, неспособность дать отпор и скрытое возбуждение, будили самые темные, самые низменные желания. И Раум играл с ней — жестоко и изобретательно, заходя все дальше за край.

Когда игра обернулась против игрока? Превратилась в жажду присвоить и обладать светловолосым чудом в одиночестве? Он помнил свою ревность — Раума штормило от нее. И в то же самое время он, чувствуя, как рушится хрупкий, с таким трудом выстроенный мирок, пытался привести мучительную раздробленность к общему знаменателю. Найти точку равновесия. Разделить яблоко раздора на троих, сделать их всех в каком-то извращенном смысле семьей.

Дурная была затея. Любимую нельзя разделить с кем-то.

Даже если этот «кто-то» твой брат и лучший друг.

Больше Раум такой ошибки не допустит. И никому не отдаст свою женщину.

И неважно, что сама Дженни пока не в курсе, что она его женщина. Она узнает, когда придет время. Когда он сплетет свою сеть, когда поздно станет бежать.

Демон вынул постोगраф и отправил ряд распоряжений для начальника службы безопасности корпорации, а потом снова откинулся в кресле с довольной улыбкой.

Вот так! Самое позднее завтра вся информация о Дженнифер Рейд ляжет к нему на стол. Если в ее происхождении есть темные пятна, Раум это обязательно узнает. А еще он получит данные медицинских обследований Дженни и покажет лучшему специалисту по анхелос. И когда его догадка подтвердится... Обольстить. Влюбить. Привязать к себе неиссякаемый источник вкусных и питательных эмоций. Застолбить свои права на нее, заставив правдой или неправдой выйти за Раума замуж. И сделать все, что бы девушка как можно дольше не догадывалась о своей сущности.

Главное самому не попасться в ту же ловушку. Хватит с Раума всего этого дерьма с любовью. Но Дженни не узнает, что она для него всего лишь кормушка с дармовой энергией. Раум позаботится, чтобы ей было хорошо с ним. Очень-очень хорошо. Так, чтобы и смотреть не думала в сторону других мужчин.

Он вспомнил мечтательное выражение, которое появлялось в глазах рыжей, когда речь заходила о неудачнике Маккензи, и заскрипел зубами. С малышом Чарли надо разобраться в первую очередь. Сегодня! Сейчас же! Демон дернулся было открыть дверь, но замер, остановленный новой мыслью. Снова вернулся на водительское сиденье, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, разжимая кулаки.

Нет, нельзя прибегать к силе. Дженни из тех жалостливых дурочек, которые грудью встают на защиту убогих и обиженных. А малыш Чарли явно не погнушается пожаловаться подружке на злого демона, который его обижает.

Надо по-другому...

Она так старалась не думать о ди Форкалонене, что заметила пропажу постोगрафа только после лекций. Зато вспомнила, где видела его последний раз сразу же.

В машине Раума. Демон прочел послание и положил прибор на кожаный подлокотник, а Дженни отвлеклась на расписки и не забрала.

От этой мысли девушка пришла сначала в гнев, а потом в ужас. Можно не сомневаться, что такой мерзавец, как ди Форкалонен, не побрезгует прочесть всю переписку, все сохраненные заметки! Было ли на кристалле что-то компрометирующее? Кажется, нет. С десяток записок — в основном от Чарли. Те, которые он писал ей в свой самый первый год в академии, когда память о детской то ли любви, то ли дружбе была еще свежа. И несколько от мамы, в которых она рассказывала, как у нее дела. В остальном — ничего личного. Расписание занятий, книги, заметки, связанные с учебой, адрес неплохого ателье, контакты подруг и друзей... Ну и хорошо. Однако постोगраф все равно необходимо забрать у демона.

Сделать это, однако, оказалось не так просто — занятия у шестикурсников уже закончились. Дженни дважды прошла парковку вдоль и поперек, но так и не увидела красной «Манतिकоры». Уехал... Можно вызвать такси и отправится в его городскую квартиру, но кто сказал, что Раум сейчас там, а не где-нибудь в баре с очередной Кэнди? А если и там: что он сделает, если обнаружит Дженни на пороге? Проверять отчего-то не хотелось. Она еще помнила как странно светились глаза демона прошлым вечером. Интуиция подсказывала, что побег был правильным решением.

Единственным верным решением в подобной ситуации.

Ладно, в бездну его! Постोगраф можно забрать и завтра. А сейчас хорошо бы, наконец, успокоить Чарли.

Оборотня она нашла в столовой. Он сидел над чашкой чая.

Бледный, осунувшийся. Под глазами залегли темные круги, во взгляде застыло обреченное и затравленное выражение.

Дженни сбилась с шага, затем остановилась, разглядывая его с нежностью. Переживает! Сегодня — последний из отмеренных Раумом трех дней. Чарли, наверное, думает, что его уже ничто не спасет.

Но все равно даже не попытался сбежать. И отцу не написал с просьбой о помощи. Вот такой он — ее Чарли. Честный и гордый. От мысли, что в ее силах сейчас одним словом прогнать это выражение обреченности с его лица и вернуть улыбку в груди потеплело.

Она перехватила поднос и подошла к его столику.

— Ты ничего не ешь? Не голоден? — Дженни! — он вздрогнул всем телом и поднял на нее взгляд.

По лицу скользнуло выражение затаенной надежды. И сразу пропало. — Ну как? — Отлично, приятель, — Дженни подмигнула. А потом медленно, наслаждаясь произведенным эффектом, извлекла из сумочки смятые долговые расписки, на каждой из которых красовалась личная печать ди Форкалонена — свидетельство того, что долг погашен.

— Это... — он поперхнулся, подался вперед, пожирая бумаги горящим взглядом. Схватил и пересчитал, обнюхал... Разве что не лизнул. — Дженни, это они! Здесь все, до последней! — Я знаю, — кивнула она, с трудом удерживая невозмутимое выражение лица. От его радости на душе стало светло и легко.

Чарли спешно расстегнул пуговицу на манжете и закатал рукав, обнажая предплечье. С мгновение он смотрел на абсолютно чистую кожу, покрытую темными короткими волосками, а потом облегченно выдохнул.

— Как ты смогла их достать?! Девушка поморщилась.

— Лучше не спрашивай.

Но даже напоминание о вчерашнем унижении не испортило ей настроения. Все было не зря, ведь она спасла Чарли! В его глазах мелькнуло что-то странное, но Дженни не придавала этому серьезного значения, потому что в следующий миг оборотень щелкнул пальцами, вызывая огонек, и поджег смятые бумажки.

— Зачем? Они ведь все равно погашены? — Мало ли, — Чарли пожал плечами. — Спасибо, Дженни. Я... я твой должник.

Она недовольно мотнула головой.

— Да ну, не говори ерунды. Маккензи своих не бросают! — Точно! — он улыбнулся, и в карих глазах заплескали веселые искорки. Совсем как в детстве, когда Чарли задумывал очередную рискованную авантюру. — Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером?

Глава 10

Фильм был скучным. Актриса-человечка с густо выбеленным лицом и подведенными черной тушью глазами картинно страдала, пытаясь выбрать между двумя своими возлюбленными — мрачным вампиром (разумеется, его тоже играл человек, с криво приклеенными клыками) и мускулистым оборотнем (принадлежность к расе символизировали заросшие шерстью уши). Мужчины хмурились и метали друг в друга гневные взгляды под бравурную и пафосную музыку. В конце появился демон и нагло увел девицу у двух слишком увлекшихся противостоянием соперников.

Типичный сюжет для подобных лент. Синематограф считался развлечением — низким, второсортным. Основными потребителями синема были люди, поэтому и сценарии для них писались соответствующие.

Наблюдая за ужимками и гримасами актеров, Дженни с Чарли покатывались со смеху на заднем ряду. Иногда оборотень склонялся к ее уху и шепотом комментировал происходящее. Дыхание обжигало кожу, и девушка на миг замирала, не понимая смысла слов, просто вслушиваясь в горячий шепот.

Свидание! У Дженни самое настоящее свидание с парнем ее мечты! Нет, они бывало и раньше ходили вместе в синема. Как друзья. Но в этот раз Чарли заплатил за ее билет. То есть: он пригласил ее не как друга, а как девушку, а это совсем другое.

Ну разве не чудо? Фильм закончился, но чудеса продолжились. Они с Чарли вышли из душного кинотеатра и шагнули в теплый осенний вечер. Прошлись по улице небогатого, но вполне respectable района Нью-Эбора, под желтыми пятнами фонарей. Из открытых окон кафе через дорогу доносились томные звуки джаза.

— Зайдем в пиццерию? Дженни вспыхнула от счастья и кивнула.

Потом они пили содовую, ели пиццу и болтали. Обсуждали сначала фильм, потом учебу.

— У меня есть два билета на концерт «Нежных упырей».

— Серьезно? — изумилась Дженни.

«Нежные упыри» — культовая бойз-бэнд десятилетия, была знаменита восхитительными рокабилли ритмами, чарующим вокалом солистов и самым дурацким названием в мире.

Собственно, именно упырей (точнее, вампиров) в ней не было — дети ночи считали ниже своего достоинства кривляться на сцене на потеху толпе. Были два брата оборотня — перевертыши в барсов — клавиши и гитара, тролль-ударник, саксафонист- джинн и даже человек с бас-гитарой.

Распались «Упыри» почти год назад, разбив сердца миллионов фанаток. И вот недавно в прессе прогремела новость о триумфальном воссоединении коллектива. Все истинные поклонники (а Дженни причисляла себя именно к таковым) посчитали своим долгом посетить это мероприятие, цены на билеты у перекупщиков приближались к космическим, но и те достать было нереально.

И вот оказывается у Чарли есть аж два билета.

— Откуда?! Как?! Он поморщился.

— Выиграл в карты.

— Ты опять играл? — Нет, — он нахмурился и на лице отобразилась обида. — Как ты могла такое подумать?! Я больше никогда не сяду за стол.

Девушка смущенно улыбнулась.

— Извини.

Действительно, как она могла заподозрить Чарли в чем-то подобном! Оборотень выложил на стол два картонных прямоугольника с золотым тиснением.

— Вот. Выиграл почти две недели назад. Совсем забыл про них. Думал продать за день перед концертом, когда цены взлетят.

— Разумно, — согласилась Дженни. И жадно покосилась на билеты, испытывая невыносимое желание схватить и утащить.

Ну как можно продать билеты на концерт «Нежных упырей»?! Это же... они же... Они такие! — Но в итоге решил отдать тебе, — небрежно продолжил Чарли.

Дженни восторженно взвизгнула и бросилась ему на шею.

Чмокнула в щеку и тут же залилась краской и отползла обратно на свое место.

Как-то это неправильно — вешаться на парня. Особенно если этот парень тебе ну очень нравится, и так и хочется на него повеситься.

Чарли, впрочем, совершенно не выглядел недовольным таким проявлением благодарности. Скорее наоборот.

— Спасибо! — прочувствованно пробормотала девушка, убирая подарок. — Ты пойдешь со мной? У мужчин «упыри» вызывали неконтролируемую злобу.

Слушая желчные, полные яда комментарии, Дженни всегда удивлялась — откуда такая ненависть? Слово само существование этих красивых как с картинки, талантливых мальчиков оскорбляло любого представителя сильного пола.

Чарли в этом отношении отличался от ровесников. Да, он тоже был равнодушен и к текстам «упырей», и к волшебным голосам солистов-оборотней. Но Дженни ни разу не слышала от него уничижительных и гадких слов в адрес своих кумиров.

— Конечно, если пригласишь.

От его улыбки Дженни почувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

— Приглашу, — прошептала она, убирая подарок.

— Повезло, что ди Форкалонен не взял их.

— Что?! — от упоминания демона она вздрогнула и чуть не пролила колу.

— В качестве ставки. Сказал: «Я что — похож на визжащую тринадцатилетнюю нимфетку с мокрыми трусиками?», — оборотень очень похоже изобразил интонации Раума, его манеру растягивать слова.

Легко на помине! Стоило упомянуть наследника ди Форкалонена, как тот возник на пороге кафе. Взгляд демона обежал зал и остановился на Дженни.

— О не-е-ет! — простонала она.

Вечер же так чудесно начинался! Вот надо было явиться Рауму, что бы все испортить! В том, что демон пришел именно для этого девушка ни секунды не сомневалась.

На мгновение воспоминание о вчерашней дико непристойной игре заставили ее щеки полыхнуть румянцем. А потом Дженни до смерти испугалась, что Раум расскажет Чарли, чем именно она заплатила за долговые расписки. И это сейчас, когда он впервые обратил на нее внимание после стольких лет безнадежного ожидания! «Если он сделает это, я умру! Просто умру!», — твердила девушка, затравленно наблюдая, как Раум пересекает зал.

Чарли проследил за ее взглядом и тоже резко стушевался, оборвав свою речь на середине.

— Доброй ночи, детка, — поприветствовал ее Раум голосом до того вкрадчивым и приторным, что аж во рту сладко стало. — Я проезжал мимо и увидел тебя в окне. Решил зайти поздороваться.

И не дожидаясь приглашения, сел на свободный стул и завладел последним куском пиццы.

Дженни набычилась, чувствуя, как страх и смущение уступают место ярости. Этот мерзкий, наглый, отвратительный демон! Да что он себе позволяет! — Вообще-то тебя не звали, — зло выговорила она, четко артикулируя каждую букву.

— Меня это совершенно не беспокоит, сладенькая, — безмятежно заверил ее демон.

Девушка бросила просительный взгляд на Чарли. По-хорошему именно мужчина должен был

выгонять незваного гостя из-за стола. Оборотень смущенно кашлянул.

— Послушай, Раум... — А, привет, малыш Чарли, — с таким видом, словно только его заметил, отозвался ди Форкалонен.

— Тебе не кажется, что твое присутствие здесь неуместно? — Отнюдь. Я так понял, у вас тут сценка: «Спасенный юноша благодарит героическую деву, освободившую его от злобного демона». Ну и подумал: без злобного демона не получится кворума.

— Обойдемся, — нелюбезно буркнула девушка. — Вали отсюда, гов... — она осеклась, заметив косой взгляд Чарли.

Вспомнилось, как в прошлом году на его дне рождения Чарли рассуждал, что ужаснее сквернословящей девушки только девушка, которая курит. Дженни еще тогда порадовалась, что не курит и зареклась, что никогда даже попробовать не станет... А вот ругалась она частенько, был грешок. И оборотню никогда это не нравилось, в детстве он обещал рот с мылом ей вымыть, если будет при нем выражаться.

Так что вместо оскорбления она просто проггла демона уничижительным взглядом, мысленно обещая оскальпировать его по примеру давних степных предков, если он не уберет немедленно свою задницу из пиццерии.

— Уйду, детка. Считаю, меня здесь уже нет, — демон похабно подмигнул Чарли. — Ты уж постарайся как следует ночью отработать свое спасение, Маккензи. Надеюсь, девушка останется довольна.

Это уже тянуло на прямое оскорбление, и Чарли вскочил, сжимая кулаки.

— Ты что себе позволяешь?! На мгновение Дженни удивилась: почему он медлит? Почему просто не даст Рауму в морду? Чарли никогда не был трусом.

А потом вдруг вспомнила, что подобный удар от оборотня мог расцениваться демоном, как вызов на дуэль, и заледенела, мысленно умоляя парня не делать глупости. Потому что настоящая дуэль проходит в истинном облике, и никакой оборотень не выстоит против демона дольше пяти минут. Раум может порвать Чарли просто на кровавые клочки, а ему за это ничего не будет! Раум прожевал пиццу, беззастенчиво отхлебнул из стакана оборотня и рассмеялся.

— Шутка! Кстати, — это он произнес уже обращаясь к Дженни.

— У меня для тебя кое-что есть, детка.

С этими словами он положил на стол сверток. Дженни взяла его под подозрительным взглядом Чарли, ощущая непреодолимое желание стукнуть этим самым свертком демона по голове.

К сожалению, она догадывалась, что внутри. А на новый постограф копить минимум три месяца.

— Она так торопилась сегодня покинуть мою машину, что забыла кое-что, — пояснил, словно между делом Раум для оборотня. — Почти как в сказке. Ну, той, про туфельку.

Дженни вздрогнула и умоляюще уставилась на Чарли.

— Это не то... не то, что ты думаешь, — пробормотала она, густо заливаясь краской.

Что бы он ни подумал, реальность куда непригляднее и безнравственней.

— Да я ничего и не думаю, — оборотень отвел глаза и тоже отчего-то покраснел.

— Это твое обычное состояние, малыш Чарли, — сладким голосом пропел демон.

— Ну все, с меня хватит! — Дженни тоже вскочила, чувствуя, что еще миг и съездит ему по лицу. — Если ты не хочешь уходить, уйдем мы. Пошли, Чарли! Он все-таки испортил ей свидание! Сволочь! Мелкая, мстительная сволочь.

Вслед ей полетело вкрадчивое: «До скорой встречи, Дженни-колючка.», и девушка не удержала. Обернулась и пожелала, пристально глядя в бесстыжие красные глаза.

— Чтоб ты сдох, говнюк.

Встреча действительно получилась куда более скорой, чем девушке бы того хотелось. Раума она увидела уже на следующий день, когда шла по дорожке от учебного корпуса к малому испытательному полигону, где у всех группы намечались практические занятия. Демон выглянул из-за дерева и заступил ей дорогу.

— Привет, сладенькая.

Одет в своем обычном стиле — с закосом под гангстера. Не в скучный серый костюм, как одевались настоящие гангстеры, которых уже лет тридцать, как стараниями имперской службы безопасности пересажали или казнили.

Скорее подобный наряд можно было видеть на актерах, изображавшие их в синематографе или театре. Черные брюки в крупную белую полоску, жилет в тон брюкам и лимонно-желтая рубашка. На ком-то другом это смотрелось бы ужасно — клоунские шмотки. А ди Форкалонен выглядел стильно, словно сошел с картинки журнала мужской моды. Как ему это удается? — Отвали от меня, придурок, — буркнула Дженни, пытаясь обойти его.

Он издал смешок.

— Почему ты такая грубая? Неужели не учили, как должна себя вести воспитанная девушка? — Учили... Дженни остановилась. Огляделась по сторонам — нет ли кого рядом? А потом повернулась к беловолосому и вывалила на него отборнейшую многоэтажную конструкцию, подробно разъяснив где, в каких позах и с какими предметами видела его и всех его родных.

Аж на душе полегчало! Мечтала об этом с первой встречи.

Одно обидно — вместо того, чтобы взбеситься или оскорбиться демон от души расхохотался. На его красивом породистом лице не было и следа злости, только веселое изумление, и, кажется, даже одобрение. Словно грязнейшая брань совершенно его не задела и не оскорбила.

От этого стало паскудно. Как если бы она хотела облить демона помоями, но не удержала тяжелый таз и опрокинула все на себя. Действительно захотелось помыть язык с мылом.

— Чего тебе надо? — спросила она устало, понимая, что прогнать демона не удастся, да и сам он не отстанет. — Я выполнила свою часть сделки, ты свою. Зачем ты меня преследуешь? — Преследую? — он картинно изумился. — Детка, я просто шел по своим делам, увидел тебя, решил поздороваться и узнать, как вчера прошло награждение героической девы.

Девушка поморщилась, словно глотнула уксуса по ошибке.

Ужасно прошло. Всю обратную дорогу Чарли молчал и так старательно отводил от нее взгляд, что ей захотелось посмотреть в зеркало и проверить не выскочили ли на носу прыщи. Уже когда такси высадило их у ворот Аусвейла и уехало, Дженни решила.

— Ты неправильно понял. Между нами нечего не было.

«Угу, — послушно согласился ехидный внутренний голос. — Этот ублюдочный демон всего лишь видел меня голый, облапил везде где только можно и довел до оргазма. Ах да, а потом его придурочные дружки весь вечер играли на мне в карты. А так — совершенно ничего.» — Не надо, Дженни, — грустно ответил оборотень. — Это ваши дела. Я не хочу знать о них.

Она сама не поняла почему почувствовала такую обиду после этих слов, будто Чарли предал ее и отрекся, поэтому сухо попрощалась и бегом направилась к своему корпусу. А потом почти час плакала в подушку прежде чем уснуть.

А ведь Раум скорее всего знал, что так и будет. Для этого и заявился, для этого и сидел в пиццерии, доводя Чарли до бешенства своими насмешками.

— Богиня, как же можно быть таким куском дерьма, как ты? — с тоской спросила девушка. — Тебе самому не противно рядом с собой? — Бывает иногда, — согласился Раум с лукавой улыбкой. — Но потом я оглядываюсь по сторонам, и вижу, что мир по большей части состоит из моральных уродов или ничтожеств, вроде твоего Чарли, и попускает.

Обалдевшая было от такого признания Дженни, мгновенно снова взвилась от ярости, услышав с каким презрением демон произнес имя ее любимого.

— Заткнись! Ты не стоишь его мизинца! — Да ну?! — его глаза опасно блеснули. Демон сделал шаг вперед, и Дженни попятилась, вдруг ощутив неуверенность и страх. — Что, малыш Маккензи так хорош? Может, сравнишь сначала? Помнится, в ванной тебе все понравилось... — Не хочу сравнивать! Ты омерзителен! — с отвращением выговорила Дженни. — Даже будь ты последним парнем на земле, я не подошла бы к тебе ближе, чем на сто шагов.

Он снова шагнул, и Дженни снова попятилась, ощущая все большую панику. Что ему нужно? Зачем он так смотрит? Не отрывая испуганного взгляда от демона она сделала пять шагов назад и ойкнула, наткнувшись спиной на ствол дерева.

Бежать! Но куда? Справа и слева колючий кустарник, за спиной ствол дуба. Далеко не убежать, демон догонит в два счета. Кричать? Здесь никого нет, а даже если кто и придет на помощь, что она скажет? Сын лорда-протектора странно смотрел на меня? — Не подходи! — голос сорвался на писк. Демон ухмыльнулся, и вдвое сократил и без того невеликую дистанцию.

Была не была! Дженни рванулась вперед, надеясь проскочить мимо демона и выбежать на дорожку, но в последнюю минуту Раум перехватил ее. Поймал и прижал к себе. Она взвизгнула и замолотила кулаками по его плечам. Так нечестно! Он слишком высокий, слишком сильный, ему даже не нужно принимать истинный облик, чтобы справиться с ней... — Маленькая лгунья, — нежно прошептал демон. И поцеловал Дженни.

Наверное, она не этого ожидала. Думала, он будет снова пытаться облапить. Или еще чего похуже.

Его губы были одновременно настойчивыми и мягкими.

Нежные, неторопливые, изучающие. Дразнящие прикосновения языка возбуждали, и Дженни вдруг поняла, что отвечает.

В голове зашумело, по телу мгновенно растеклась слабость, словно Раум выпил из Дженни весь гнев. Она покачнулась и оперлась на демона, чувствуя, как стальной захват превращается в поддерживающие объятия. Он сжал девушку крепче и углубил поцелуй, делая его жарче, бесстыднее.

Слабость сменилась возбуждением, и теперь Дженни уже сама прильнула теснее к Рауму, чувствуя, как в теле разгорается знакомый пожар. Рука демона скользнула вниз по спине, опустилась на попку и стиснула ягодицу сквозь ткань платья.

Это слишком фривольное прикосновение привело ее в чувство. Дженни всхлипнула и отпрянула, разрывая объятия.

Раум мог бы удержать ее, но не стал этого делать. На его лице сияло довольное и шкодливое выражение, как у кота, сожравшего втихаря кринку сметаны, а глаза сияли.

— Значит, — промурлыкал он, — не ближе, чем на сто шагов? Да, Дженни-сама-честность? Она демонстративно сплюнула и вытерла губы краем рукава.

— Это только, чтобы ты отвязался, скотина.

Раум знал, что она лгала. Не мог не знать, он был демонски проницателен, словно умел читать мысли Дженни. Но на мгновение его лицо все же исказила гримаса, губы недовольно скривились и глаза сузились от гнева. Девушка поняв, что сумела все-таки задеть наглеца, мысленно восторжествовала.

— И хватит меня преследовать ди Форкалонен, — насмешливо добавила она. — Найди себе какую-нибудь Кэнди, если ты весь такой одинокий.

Выпалив это, она развернулась и помчалась по дорожке в сторону полигона. А то вдруг Раум как ответит? Или, не дай Богиня, снова попробует поцеловать ее? Нет уж! На этот раз последнее слово точно останется за Дженни! Демон проводил девушку взглядом. Выражение досады исчезло с его лица, на губах снова заплясала полуироничная-полуиздевательская улыбка.

— А я уже нашел, Дженни-врушка, — задумчиво, словно обращаясь к самому себе, пробормотал он. — Только она этого еще не поняла.

Глава 11

Но список отмеренных Дженни на день неприятностей на этом не закончился. В столовой она столкнулась с Арманом.

Как будто утренней встречи с придурком ди Форкалоненом было мало.

Ну, как столкнулась? Можно не сомневаться: вампир приперся туда специально, чтобы потрепать ей нервы. Обычно- то он брезговал бесплатной едой, положенной студентам по контракту. Предпочитал специальные вампирские кафе, где вместе с блюдом к столу подсаживался человек-донор, и можно было запивать стейк еще горячей кровью. Из горла, так сказать.

Арман поймал ее как раз в тот момент, когда Дженни, нагрузив поднос едой, выискивала среди сидящих за столиками студентов знакомые лица. Нарисовался перед носом, ухмыльнулся, обнажив клыки.

— Есть разговор.

— Ага, щаз, уже бегу.

Как назло сегодня в столовой не наблюдалось никого из друзей и приятелей с ее курса. Пришлось устроиться в одиночестве за столиком в углу.

Ну и разумеется вампир не отстал так просто. Дождался пока Дженни устроится, снимет тарелки с подноса, а потом примостился на свободном стуле рядом.

— Я не привык, чтобы меня отшивали, сучка, — взгляд у него был неприятный. Какой-то липкий, хотя странно — как это взгляд может быть липким? Девушка посмотрела на потертую кожаную куртку, рваную майку под ней, серьгу в ухе и скривилась.

В этом весь Арман д'Крессен. Позер. Косит под бродягу — новая мода среди мажоров академии. Имидж вольного стрелка и последнего романтика. Пожалуй, вампиру он даже шел.

Невнятные обтрепанные шмотки, купленные за бешенные деньги у моднючего молодежного дизайнера, отлично сочетались с восково-бледной голубоватой кожей и запавшими темными глазами.

— Привыкай. Все бывает когда-нибудь в первый раз, упырек.

Одно удовольствие было наблюдать, как его перекосило от этого обращения.

Кто-то считал Армана красавчиком, но Дженни он был неприятен почти физически. Ей не нравились его руки — всегда холодные и влажные, не нравились бледные губы. Но особенно Дженни не любила его самонение, чем-то роднившее Армана с Раумом ди Форкалоненом. Неудивительно, что они друзья — вампир и демон, два сапога и оба дырявые.

— А теперь свали в туман, или я пожалуйсь охране, что ты пристаешь, — закончила она, принимаясь за бифштекс.

По правилам академии все адепты равны между собой, независимо от происхождения. Если Арман будет возникать, его не просто вышвырнут а еще и морду начистят. Тролли- охранники — ребята простые.

— На столе у ди Форкалонена ты не была такой разговорчивой.

Вилка выпала из задрожавшей руки, перекатилась по столу и звякнула об пол. Побледневшая девушка вскинула взгляд на вампира. Он... знает?! Но откуда?! — Не понимаю о чем ты, — сдавленно выговорила она.

— Напомнить? — он оскалился с видом победителя. — Кстати, мне понравились твои сиськи. А еще у тебя очень приметный шрам вот здесь, — Арман погладил, а потом стиснул ее правое плечо. — Нельзя не узнать, — выдохнул он ей в лицо.

От него пахло сырой кровью, и девушку затошнило. То ли от запаха, то ли от страха.

Платье, в котором она была на балу в прошлом году! У него были открытые плечи. Вэл еще расспрашивала откуда взялся такой странный шрам, похожий на морду дракона. Тогда Дженни казалось, что Арман совершенно не следит за разговором. А он, оказывается, еще как

следил. И запомнил.

— Думаю, парням будет интересно узнать, кто скрывался под маской, — издевательски продолжил вампир. — Доминик уже несколько раз спрашивал меня об этом. Как думаешь: сказать? Она представила, что будет, если Арман расскажет, и тошнота усилилась. Позор на всю академию. Слава продажной девки. Нельзя будет выйти из комнаты, чтобы не наткнуться на парня, который захочет ее облапить. А если слухи дойдут до преподавателей... Подлец! Дженни всегда знала, что он — подлец. Гнилой и мелкий, несмотря на высокое происхождение.

— Чего ты хочешь? Денег? — А у тебя есть? — Нет.

Сотня золотых, которые мама положила на ее счет, для вампира так — мелочь на вечерние развлечения.

— Тогда натурой, — он снова показал клыки. — Всегда мечтал тебя трахнуть, норовистая сучка.

Ее передернуло от омерзения. Спать с Арманом это... это все равно, что с клопом.

Она достаточно наслушалась от Вэл такого, о чем предпочла бы никогда не знать, поэтому была в курсе, что вампир любил «перекусить» во время секса, вонзив клыки в шею партнерше.

Вэл на следующий день ходила вялая, прятала следы бурной страсти под шарфом и страдальчески морщилась, когда Дженни едко и зло прохаживалась по поводу «эротических игр с едой».

Как можно трахаться с кем-то, кто воспринимает тебя куском мяса? Вроде вот этого бифштекса у нее в тарелке? Вместе со страхом в душе вскипела злость. Да за кого вампир ее принимает?! С чего решил, что она покорно побежит раздвигать ноги?! — Никогда! Я скорее лягу под вонючего бомжа.

— Бомжа я тебе устрою, — с угрозой в голосе пообещал Арман.

— Если не будешь слушаться, ляжешь и под него. Выбери: или я, или толпа, которая пустит тебя по кругу, — он перегнулся через стол, нависнув над Дженни. Цепкие пальцы до синяков стиснули плечо, а в темных глазах полыхнула злость. — Ты много о себе мнишь, сучка. Ходишь задрав нос, смотришь на парней, как на говно. Им будет приятно узнать, что под видом недотроги скрывается обычная шлюха. Если ты даешь ди Форкалонену, то чем они хуже? — Я не даю... — Рассказывай.

— Послушай, Арман... — Вот ты как заговорила, — он больно ухватил ее за нижнюю челюсть, заставляя приоткрыть губы. В глазах вампира вспыхнула темная злоба. — Сразу имя мое вспомнила. Нет уж, это ты послушай, высокомерная шлюшка. Ты теперь будешь открывать свой ротик только для того, чтобы сосать. У меня большие планы, так что готовься. Как думаешь: твоя подружка согласится на тройничок, если третьей будешь ты? Наверное, по замыслу вампира эта речь должна была окончательно сломать и без того напуганную девушку. Но вместо страха она ощутила, как еле тлевший гнев превращается в огненную лавину. Ярость родилась внутри, сметая беспомощность, иссушая слезы. Дженни оскалилась и зарычала — глухо, утробно, как рычат волки, предупреждая — не лезь. А потом с наслаждением впиалась зубами в его руку.

Это было странно. Дико, необычно для Дженни. Или совершенно естественно для оборотня, которым она была только по документам. Именно так поступила бы любая волчица на ее месте.

Любая, но не Дженни, которой от рождения не досталось ни звериного облика, ни инстинктов.

Зубы на удивление легко прокололи кожу и вошли в плоть, рот наполнился кровью — водянистой и с неуловимым привкусом тухлятины. Мгновение Дженни смотрела снизу вверх в искаженное от боли лицо, а потом сглотнула гадкую жижу и демонстративно выплюнула окровавленную конечность.

— Еще раз подойдешь ко мне, — медленно и четко произнесла она. — Умрешь. Ты понял, д'Крессен? Непостижимо, но она могла бы поклясться, что сумела напугать его. Арман знал, что она — полукровка, что неспособна к обороту, но видимо что-то было такое в ее лице в этот момент, что вампир не мог не поверить. Только на мгновение, но он испугался Дженни. И тут же возненавидел ее за это.

— Ты пожалеешь, сучка.

— Ты тоже.

Она выразительно покосилась на его кисть. Восемь кровавых лунок полукружьем отмечали след укуса. На воздухе кровь вампира мгновенно свернулась, но девушка все равно залезла в сумочку и протянула носовой платок.

— Перевяжи, — насмешливо посоветовала она. — Чтобы не было лишних вопросов.

Не взял. Сунул постаравшую конечность в карман, отступил, стараясь сохранять независимый вид. Дженни смотрела ему в спину с настороженностью и опаской. Трус и подлец — гнусное сочетание, такого врага нельзя оставлять без внимания.

Уже у самого выхода из столовой вампир снова обернулся, посмотрел на нее, и Дженни прочла по его губам: «Ты пожалеешь!»

К обеду она так и не притронулась. Во рту все еще стоял гнилостный привкус вампирьей крови, а душу в клочья раздирала стая кошек.

Нет, Дженни не жалела, что в такой категоричной форме отвергла предложение Армана. Но с угрозой нужно было что-то делать. Немедленно! Она обхватила голову руками, тщетно пытаясь унять панику.

Думай, Дженни, думай! Быть может, прямо сейчас этот гнусный тип с сальной улыбкой на лице раскрывает ее личность одному из участников той игры.

Нужно что-то, что заставит его замолчать! Что-то или кто-то.

Перед мысленным взором раскинулся пасьянс — сотни карточек с именами. Друзья. Знакомые. Преподаватели.

Дженни тасовала их, отбрасывая одну за другой. Не то. Снова не то... Есть! Несколько мгновений она обдумывала эту идею. Глупо.

Можно нарваться посильнее, чем с Арманом. Но разве у нее много вариантов? Она потянулась к постографу, загрузила расписание учащихся по специальности «Магтехнологии в бизнесе и администрировании». Как раз через двадцать минут у семикурсников начиналась лекция по ментальным защитам в переговорах. Если повезет, и Раум будет там...

Глава 12

Раум был. Она издалека выхватила взглядом его фигуру в толпе припевал. Некоронованный король академии шагал, не обращая внимания на трущихся рядом шестерок. Гангстерская шляпа с широкими полями бросала тень на его лицо, скрывая выражение глаз, но Дженни отчего-то подумала, что в них должно читаться высокомерие и скука. Именно с такими интонациями Раум общался со своими друзьями на вечере игры в покер. И именно так он разговаривал с Кэнди.

Она вышла из-за колонны и направилась ему наперерез.

— Нам нужно поговорить.

— Ты кто такая? — возмутилась какая-то девица из свиты ди Форкалонена — блондинистая, тощая и высокая, едва ли не выше самого демона.

— Совсем первокурсники обнаглели, — прогудел здоровенный парень, очевидно полагавший себя телохранителем его лордейшества и довольно грубо тотеснил Дженни в сторону.

Тут же подтянулись его дружки, отгородив девушку от демона.

— Раум! — выкрикнула она, чувствуя, что еще немного и подхалимы просто спихнут ее с лестницы.

Взгляд демона остановился на девушке.

— А ну оставьте ее! — приказал он. Словно свору собак осадил.

Негромко, но до того властно, что не послушаться было невозможно. За первым приказом, последовал второй, еще более бескомпромиссный.

— Все ушли. Быстро.

Толпа припевал рассосалась так же быстро, как возникла.

Всего пару минут спустя на крыльце корпуса стояли только Раум и Дженни.

— Нужно поговорить, — повторила Дженни, злясь на себя, что не догадалась воспользоваться постогографом. У нее же есть номер. Хотя, учитывая с какой скоростью он отвечает... — О чем, детка? — удивительно, но она только теперь поняла, что с ней демон общается совсем иначе, чем со своими друзьями. Да, в его голосе всегда звучала насмешка, но вот подспудного презрения Дженни не ощущала.

Она огляделась и поежилась: — Не здесь.

Обсуждать подобную щекотливую тему на крыльце, где так легко подслушать, не было ни малейшего желания.

Заинтригованный демон не стал спорить и молча последовал за девушкой через парк к беседке, увитой чуть пожухлым плющом.

Здесь Дженни быстро и без эмоций пересказала свой разговор в столовой с Арманом.

Раум выслушал ее с непроницаемым лицом и чуть рассеянной ироничной улыбкой.

— Все это очень интересно, детка, — задушевно отозвался он. — Но при чем здесь я? — Ты создал эту ситуацию. Ты и должен с ней разобраться.

— Должен? — его улыбка стала шире. — Да ну? Это кто сказал? — Ты обещал, что никто меня не узнает! — Не помню такого.

— В договоре... — В договоре сказано, что я должен принять меры, чтобы тебя никто не узнал. Я принял их, — он показательно развел руками.

— Что поделать, если не сработало? Сердце упало в пятки. Мгновение Дженни колебалась.

Гордость подсказывала выкрикнуть демону в лицо: «Ну и хрен с тобой, сама разберусь!» и уйти. Но ведь в том и проблема, что сама она никак не разберется! — Раум, пожалуйста... — к горлу подступили слезы.

— Уже лучше, — с улыбкой ответил демон. — Смотри-ка, ты не только приказывать умеешь, Дженни-колючка.

Ладно, если ему так этого хочется... Дженни вздохнула и выдавила: — Я прошу тебя помочь.

— Хорошо, — кивнул демон. — Но я не помогаю бесплатно.

— И чего ты хочешь? — ей показалось, что она попала в какой-то дурной закольцованный сон. Если сейчас и Раум потребует от нее секса, Дженни точно съездит его по морде и уйдет. А с Арманом потом что-нибудь сама придумает... Он чуть склонился над ее лицом и искушающе улыбнулся.

— Поцелуй меня.

— И все? — растерялась девушка. — Просто поцеловать.

— Не просто, — поправил ее демон. — Это будет очень-очень глубокий и страстный поцелуй, Дженни-ледышка. Мне должно понравится, так что ты постарайся.

А, почему нет? В конце-концов, это же просто поцелуй! Дженни уже целовалась с ним утром... Она представила, как это будет, и от этой мысли во рту внезапно пересохло.

— Хорошо.

— Сейчас, — уточнил Раум. — Я работаю только по предоплате.

— М-м-м... ладно, — девушка вытерла невесть отчего вспотевшие ладони о подол платья и шагнула к нему ближе.

По телу растеклось непонятное возбуждение. Странно, но в эту минуту ди Форкалонен не показался Дженни таким уж отвратительным. Быть может потому, что в памяти еще жив был разговор с вампиром. И пусть желания и методы Раума мало чем отличались от желаний и методов д'Крессена, на фоне Армана демон выглядел даже милым.

Нет, все это слишком сложно. Она не будет думать об этом.

Не сейчас по крайней мере. Сейчас ей надо поцеловать этого проклятого, нахального самоуверенного демоняку. Страстно поцеловать. Так, чтобы ему понравилось. И при этом постараться не потерять разум самой.

Ох и сложная задачка! Раум стоял и ждал. На его губах все так же играла насмешливая улыбка, но в глазах что-то изменилось. В них заплясало пламя — опасное и притягательное одновременно.

Дженни шагнула к нему, ощущая непонятную робость, словно этот поцелуй был чем-то большим, чем очередное издевательство со стороны сволочного ди Форкалонена.

Неуверенно положила руки ему на плечи, привстала на цыпочки и коснулась губами губ.

Ей казалось, что она готова к утреннему помешательству, но на этот раз все было еще хуже. Как будто штормовая волна накрыла с головой, смяла, повлекла за собой в темный омут.

Объятия. Вкус его губ, дразнящие и ласкающие касания, от которых в груди рождается томный стон. Руки Раума беспрепятственно гуляли по ее телу, а Дженни не только не возражала, но и покорно изгибалась, постанывая в его объятиях, опьянев от дразнящих и жарких прикосновений.

Желание, кипело в крови неукротимым огнем. Чужие ловкие пальцы поглаживали и тискали грудь, сжимали сквозь ткань платья напряженные до боли соски, и каждое такое прикосновение отзывалось во всем теле короткой сладостной вспышкой удовольствия. Рука демона скользнула за спину, пытаясь расстегнуть крючки платья. Дженни почувствовала бедрами его возбуждение, и поняла, что ее собственные трусики стремительно становятся влажными, и что идея отдаться ему — прямо здесь, сейчас, в этой беседке уже не кажется невозможной... И только бившаяся в висках мысль, что так нельзя, неправильно помогла справиться с наваждением. Вынырнуть, оттолкнуть от себя демона, вырваться из губительных объятий.

— Детка... — он шагнул было за ней, тяжело дыша. Сейчас Раум уже не казался безупречным и лоценым светским бездельником. Красные глаза потемнели от расширенных зрачков.

Шляпа слетела, пока они тискались, волосы выглядели растрепанными. Ну да — правильно. Дженни сама же их и растрепала. Когда вжималась в него мгновением раньше.

— Не подходи! — она оскалилась, демонстрируя клыки, и снова попятилась. Под каблук попал камушек, Дженни неловко взмахнула руками и непременно бы упала, если бы демон не подхватил ее.

Снова от прикосновения перехватило дыхание. Внутри что-то сжалось — обреченно и сладко — словно предчувствуя, что еще одного поцелуя ее выдержка не переживет. Как можно сопротивляться этому безумию? Да и нужно ли? Она бросила быстрый взгляд в сторону выхода и мгновенно вынырнула из сладкого омута. Потому что напротив беседки в пяти шагах от входа в стоял Чарли. Стоял и смотрел на нее. На них с Раумом. С таким странным выражением... Должно быть, она изменилась в лице, потому что Раум тоже обернулся.

— А, малыш Маккензи, — протянул он с кривой ухмылкой, прижимая к себе девушку жестом собственника. — Любишь подглядывать за взрослыми, когда они развлекаются? Чарли побледнел от оскорбления. Но не ушел, как втайне испугалась девушка. Наоборот шагнул к беседке.

— Дженни, с тобой все в порядке? Он к тебе пристаёт? — Нет, — она грубо пихнула демона в бок и все-таки вырвалась. — Все хорошо. Мы... мы просто разговаривали.

Угу, разговаривали. Чай гоняли, да все о высоком. О поэзии, музыке.

В следующее мгновение она поняла, что оборотень мог стоять тут уже некоторое время, и пришла в ужас. Если Чарли пробыл здесь хотя бы пять минут, то прекрасно видел, как Дженни тискалась с демоном, как сама обнимала его и разве что не отдалась прямо тут. Богиня, что он о ней подумал?! Щеки запульсировали от притока крови. Захотелось стать невидимой, а еще лучше раствориться в воздухе и сделать вид, что ее и вовсе здесь не было.

— Видишь, малыш, — рука демона снова по-хозяйски опустилась на талию Дженни. — Все хорошо. А теперь иди, куда шел.

— Чарли... — ее голос дрожал и звучал жалко. — Это... Что тут скажешь? «Это не то, что ты думаешь»? Так ведь как раз то.

— Пусть возвращается к своим делам, — в голосе Раума зазвучала сталь. — А мы вернемся к своим. У нас ведь осталось одно незаконченное дело, детка.

— Не думаю, — холодно откликнулась девушка, скидывая его руку. — Мне кажется, мы обо всем уже договорились.

Свою часть сделки она выполнила. Теперь дело за демоном.

— Чарли, подожди меня! Оборотень помедлил, но остановился. Когда Дженни догнала его, посмотрел на нее, как на предательницу, но ничего не сказал. Ни по поводу Раума, ни вообще. Девушка подхватила его под руку и потащила по аллее в сторону общежития.

Между лопатками ужасно чесалось, словно слишком пристальный взгляд сверлил спину. Она не оборачивалась, но почему-то была уверена, что беловолосый демон так и стоит у входа в беседку и смотрит им вслед.

Голос преподавателя что-то нудел и нудел над ухом про особенности построения четырехмерных плетений в трехмерном пространстве, но Арман не вслушивался. Вместо этого он вспоминал разговор в столовой и сжимал зубы, чувствуя, как непроизвольно увеличившиеся клыки царапают щеки изнутри.

От гулявшей в крови дикой ярости тело то и дело норовило запустить боевую трансформу. Приходилось сдерживаться.

Вдох-выдох. Глубоко и медленно.

Вот ведь наглая шлюха! Охреневшая наглая шлюха, которой стоило бы выбить все зубы, а потом поставить на колени и пусть делает то, для чего все шлюхи предназначены природой! Арман бросил недовольный взгляд на ладонь. До крови прокусила, сучка. Она хоть не ядовитая? А то что-то долго заживает, прошло почти полчаса, а на руке до сих пор красовалось ряд треугольных ранок полукругом.

Она пожалеет! Арман еще заставит бесхвостую суку рыдать, валяться в ногах и умолять о

прощении! Почему он не сделал этого в столовой? Почему позволил ей так нагло говорить, почему растерялся и отступил? Он ведь растерялся, не испугался, а именно растерялся, когда почувствовал, как похожие на острые иглы зубы впиваются в ладонь. И ушел не из-за страха. Просто от неожиданности.

Было бы кого бояться. Человеческая девка, вообразившая себя волчицей.

Рыжую стерву, которая таскалась за его сильфой, он мечтал нагнуть с первой встречи. Распечатать девственную щелку, засадить, чтобы только визжала и всхлипывала.

Не потому, что рыжая такая уж секси. Хотя секси, любой бы не отказался вдуть, кроме ее дружка-импотента. Сиськи — крепкая двойка, жопа сочная, ножки вообще загляденье. Ходит, маячит под носом, как сочный бифштекс. Так бы и укусил.

Полукровка — почти человекка, а люди были и будут едой, для таких, как Арман.

Но нагнуть он ее мечтал не поэтому. Просто, чтобы поставить на место. Чтоб не мнила о себе слишком много. Не смела кривить губы и глядеть на него, как на мерзкое насекомое.

Пару раз Арман попробовал подкатить. Приобнять ее там, ненароком. Отвесить пошловатую, но лестную шутку о ее внешности — обычным девкам нравились такие фривольности от красивого и популярного парня. Даже на танец как-то приглашал, идиот.

Лучше бы не пробовал. Рыжая сучка вылила на него столько презрения, что он чудом удержался от того, чтобы не придушить ее.

— Насосался, упырь? — шипела она при встрече, когда он, подкрепившись от сильфы, сталкивался с ней на пути из общежития. Арман в ответ витиевато посылал ее по матери, а сам мысленно наматывал роскошные рыжие пряди на кулак или устраивал тройничок с тощей белобрысой сильфой.

Но добровольно такая не даст, а нарываться на проблемы с кланом Маккензи, принуждая силой, не хотелось. Благо под рукой всегда была ее безотказная подружка, да и других девок хватало.

Ладно, ей же хуже. Видит бездна, он хотел по-хорошему, предложил ей честную сделку. Но норовистая сука не оценила.

Вампир черкнул пару строк на дощечке постографа, назначая встречу Доминику. Здоровяк точно обрадуется, когда узнает, чьи сиськи ему так и не дали облапить в тот вечер. Другим тоже будет интересно. Пойдут слухи... обязательно пойдут, Арман об этом позаботиться.

Ярость как-то незаметно испарилась, и настроение улучшилось. Еле дождавшись окончания лекции, вампир вскочил и насвистывая направился в сторону паба. До встречи с Домиником оставалось почти двадцать минут. Если оборотень не припрется раньше, Арман успеет не только дойти, но и выпить кружку пива. Отец может хоть сто раз повторить, что пиво и виски — напитки для плебеев и оборотней, а выбор вампира — сухое вино. Срать Арман хотел на эти рассуждения. Ему нравится пиво и бои без правил, а не перебродивший виноградный сок и невнятная нудятина для старперов вроде гольфа.

Но дойти он не успел.

Словно из под земли по бокам выросли два мордоворта- тролля и аккуратно взяли его в «клещи».

— Господин д'Крессен, вам придется пройти с нами, — звучным басом известил громила справа.

— Чего? — Наш босс желает вас видеть, — добавил громила слева.

Босс? Какой еще босс? Кто они? Что им нужно?! Это из-за «пыли»? Твою мать, так и знал, что не стоило брать долбанное зелье! И что теперь? Тюрьма, суд, каторга... Зачем он вообще купил проклятый порошок, если так и не решился ни попробовать, ни выкинуть? Придурок! Паника схлынула так же стремительно, как и накатила.

Арман вспомнил, что заветный пакетик «Огненной пыли» остался дома в тайнике внутри «Наставлений страждущим».

Бесполезная книжонка, которая есть в каждом доме, и которую никто и никогда не возьмет

прочесть по собственному желанию.

Второй здоровой мыслью было, что эти двое никак не тянут ни на полицейских, ни на бандитов. Клоуны какие-то. Все это слишком уж нарочито, напоказ. Как сцена в синематографе для человеческого плебса.

— И кто ваш босс? — он старался, чтобы голос звучал небрежно. Вроде удалось.

— Узнаете при встрече.

— Хрена лысого. Я никуда с вами не пойду.

— Придется, — хором откликнулись громилы. Что-то кольнуло шею, а мгновением спустя отнялись ноги, и Арман непременно рухнул бы, не подхвати его правый тролль, словно сомлевшую девицу. Левый вынул из кармана флакон и выплеснул его содержимое вампиру в лицо, обдав запахом дешевого бренди. Теперь Арман походил на сильно перебравшего богатенького студента, которого под руки волокут домой секьюрити.

— Отлично. Пакуем его, — раздалось над головой.

Глава 13

Только когда беседка с беловолосым демоном осталась далеко позади Дженни позволила себе сбавить шаг и отдышаться.

Что это, мать его, такое было?! Что с ней творится рядом с Раумом ди Форкалоненом?! Это какая-то магия? Но ментальные воздействия без письменного разрешения реципиента строжайше запрещены! Кроме того, на лекциях им говорили, что незаметно взломать сознание взрослого психически здорового индивида невозможно.

А если не ментальная магия, то что?! Умопомрачение? Духи с феромонами? Раум ди Форкалонен — отвратительный, избалованный, пресыщенный, наглый и просто невозможный тип! Самый ужасный парень на свете. Так почему стоит ему прикоснуться к Дженни, как она теряет волю и готова позволить ему все? — Дженни... — услышав свое имя над ухом, девушка вздрогнула. Поглощенная мыслями, она совершенно забыла о Чарли, который все это время шел рядом.

— Ты что-то сказал? Оборотень подарил ей обиженный взгляд.

— Я спрашивал: что происходит между тобой и ди Форкалоненом? — Ничего, — буркнула девушка, чувствуя, как щеки волей-неволей покрываются румянцем.

Она сама бы очень хотела, чтобы ей кто-нибудь объяснил, что происходит.

— Я видел вас в беседке, — обвинительно продолжил Чарли. — Я старший из мужчин Маккензи в радиусе сотни миль вокруг.

Кроме того, я будущий глава клана, поэтому просто обязан вмешаться.

В его голосе зазвучали занудно-нравоучительные нотки.

Совсем такие же, как у его отца, когда Оуэн Маккензи принимался читать нотации. Как будто ей и без того мало проблем с Арманом, Раумом и собственными дикими реакциями на последнего.

— Ди Форкалонен — очень плохая пара для приличной девушки. Я верю в твое благоразумие, но общение с ним может просто скомпрометировать тебя.

Да уж, что есть, то есть. Вечер в роли карточного стола — не только волнующее эротическое переживание, но и изрядное пятно на репутации юной девы. Если, конечно, об этом кто-то узнает... Раум пообещал, что заткнет вампира. Сможет ли он это сделать? — Я, как старший мужчина и будущий глава клана, требую, чтобы ты пообещала больше не общаться с ним... Хоть эти слова и были продиктованы заботой о ней, Дженни внезапно ощутила дикое раздражение.

— И где ты был, старший мужчина, когда я поехала к Рауму вытаскивать твою задницу из неприятностей? — резко ответила она. — Что-то не припомню, чтобы тогда ты возражал против нашей встречи.

Чарли закусил губу и побледнел, и Дженни мгновенно ощутила раскаяние.

— Прости... — пробормотала она, отводя глаза. — Я сама не понимаю, что несу. Все как-то неправильно... Неправильно, что ее тело так легко отзывается на малейшее прикосновение беловолосого демона. Как чутко настроенный инструмент в руках музыканта. Неправильно, что ей не хочется умереть со стыда при воспоминаниях о том вечере. Точнее, хочется, но это чувство, какое-то не всеобъемлющее, а словно навязанное извне. Она знает, что должно быть стыдно, поэтому стыдится. И стыд этот щедро приправлен возбуждением. Пару раз даже (о ужас!) закрадывались крамольные мысли, что все было не так ужасно. Что можно было бы повторить, только без посторонних... Все неправильно. На душе и в мыслях полный раздрай. И воспоминание о вчерашнем неудачном свидании с Чарли почему-то совершенно не расстраивают и не трогают. А ведь раньше она бы неделю терзалась мыслями на эту тему.

Прокручивала в голове, что он сказал, что она ответила и мечтала, как все могло бы быть иначе.

И злость эта на Чарли совершенно неправильная. Нехорошо злиться и огрызаться, когда о тебе проявляют заботу.

— Я не буду больше с ним общаться, — пообещала она. — Даже близко не подойду. Раум — гадкий тип, не хочу иметь с ним никаких дел.

На его лице отобразилось облегчение.

— Я рад. Ты для меня очень близкий друг, Дженни. Я переживаю за тебя.

Вроде теплые слова, но от них стало как-то горько на душе.

Друг, всего лишь друг. Так много и так мало. Наверное вчерашнее испорченное ди Форкалоненом свидание убедило Чарли, что не стоит пытаться перешагнуть тщательно выстроенную за годы границу. Беловолосая скотина все-таки добился своего. Ух, вот бы отомстить ему! Тоже испоганить свидание с девушкой его мечты! Ага, как же. Откуда у эгоистичного и самовлюбленного ди Форкалонена девушка мечты? Дженни попыталась представить влюбленного Раума и чуть было не расхохоталась в голос.

Как будут выглядеть ухаживания в его исполнении? «Приезжай ко мне вечером, отсосешь». А комплименты? «У тебя красивые сиськи, детка».

Нет, такие как Раум любят только самих себя. Поэтому он и непробиваемый. Наши близкие — брешь в нашей обороне.

Любовь к кому-то, страх за того, кого любишь, делает тебя слабым. И она же делает тебя сильным. Очень-очень сильным, способным совершить невозможное. Но Рауму этого никогда не понять.

Ну его, беловолосого придурка. Верно говорят: «Не тронь — вонять не будет». Лучшее, что Дженни может сделать в этой ситуации — послушать Чарли. Не вспоминать. Избегать встреч.

Не вступать в разговоры. Не вестись на подначки и провокации.

А со странной реакцией собственного тела она разберется.

Вот прямо на днях разберется, записавшись к доктору и все выяснит. Может, пришло время попить какие-нибудь зелья? *** Была долгая дорога до парковки, когда его волокли под руки. И поездка на заднем сиденье «Гидры» — угольно-черной, прямоугольной, похожей на саркофаг на колесах. Нет, Арман не терял сознание, мог все слышать и видеть. А вот двигаться не мог. При попытке закричать из горла вырывались только невнятные звуки, похожие на стоны.

В мыслях царил паника и каша. Клоуны на проверку оказались вовсе не клоунами. Арман сходил с ума от страха, ярости и полной невозможности хоть что-то сделать. Кто бы мог представить, что вампира из уважаемой и небедной семьи могут вот так в наглую запросто похитить посреди кампуса?! Что им вообще нужно? Куда они его везут?! Надвинутая на глаза шляпа мешала отслеживать дорогу, а сами громилы трагически молчали, не реагируя на его мычание.

В тишине и беспомощности прошло около получаса, а потом автомобиль затормозил на безлюдной улочке у неприметной задней двери. Громилы вытащили Армана наружу и подвели к двери, открывшейся по условному стуку. Потом его волокли по какому-то темному коридору. И, наконец, впахнули в небольшую комнатку, отделанную черным в серебристых проблесках камнем. В центре стоял окруженный кожаными диванчиками и пуфиками стол, потолок над головой имитировал звездное небо. Из-за двери в стене напротив доносился томный блюз.

Что-то знакомое. Какой-то клуб? Такое ощущение, что Арман здесь уже был когда-то... Один из мордоротов небрежно сгрузил вампира на ближайший диванчик, а второй отрапортовал, обращаясь к массивному черному креслу во главе стола: — Посылка доставлена, босс.

— Вколите ему антидот, — распорядился насмешливый мужской голос.

Этот голос... Если бы вампир в этот момент мог говорить, он бы выматерился, вывалив семизэтажную конструкцию.

Ну конечно. Не зря он заподозрил в мордоротках актеров.

Шоумен недоделанный, чтоб его. Владелец газет, театров и киностудий. Небось и громил этих набрал из массовки к какому-нибудь фильму о похождениях гангстеров! И да: конечно же Арман был здесь! «Космос» — одно из самых пафосных ночных заведений столицы, недавно сменившее владельца. И полгода не прошло, как они всем покерным клубом пьянствовали

тут, отмечая это событие. По приглашению кого? — Твою мать, ди Форкалонен, — просипел он, чувствуя, как после укула по телу бегут болезненно кусачие мурашки, возвращая утраченную чувствительность. — Ты что устроил? — Маленькое предупреждение, — кожаное кресло медленно повернулось, и сидевший в нем беловолосый демон неприятно улыбнулся. — Просто чтобы донести всю серьезность моих намерений.

— О чем ты? Хотя все происходящее и было тщательно разыгранным спектаклем, Арман невольно снова почувствовал неприятный холодок страха. Долбанный демон умел выглядеть угрожающим.

Со стороны может и кажется, что Арман и Раум — друзья, но вампир отлично знал, что это не так. Все демоны — пафосные выродки, считающие себя венцом творения, прочие расы им не ровня. И ди Форкалонен не исключение. Он — скучающий король, в окружении свиты. Умеет развлечься на широкую ногу и легко платит за всех, кто его сопровождает, поэтому никогда не останется без лизоблюдов.

А еще с ним весело. Все время придумывает что-то эдакое.

Животики надорвешь. Как в тот раз, когда демон устроил дикую давку и пробку в центре города, швыряя из окна своей квартиры золотые. Зрелище вышло отменное, вся тусовка хохотала, наблюдая как плебеи ползают в грязи, выискивая монеты, и рвут за них друг другу глотки.

Входить в ближний круг ди Форкалонена — престижно.

Отблеск сияния демона невольно ложится на тех, кто трется рядом. Но Раум никому не друг, потому что презирает всех. И над своим окружением, бывает, шутит еще злее, чем над чужаками. Это приходится терпеть. Делать вид, что все в порядке и фальшиво ржать вместе со всеми.

— Я не люблю, когда трогают мои игрушки д'Крессен, — очень медленно и четко выговорил Раум, сверля его взглядом.

— Какие иг... — начал было Арман. А потом вспомнил рыжую сучку, укусившую его в столовой. — Так это из-за шлюхи Маккензи?! — И я не люблю, когда пачкают мои игрушки грязными словами, — задушевно добавил демон. — За такое можно и язык вырвать.

Арман сглотнул. Показалось, что слова про вырванный язык вовсе не были преувеличением. Или были? С ди Форкалоненом никогда до конца не поймешь, когда он серьезен, когда издевается, а когда просто блефует.

Сейчас он выглядел серьезным. Очень серьезным, и Арману против воли стало страшно. Если Раум захочет вырвать ему язык — сделает это голыми руками. Вампир демону не противник.

— Я очень не люблю, когда кто-то пытается посягнуть на мое, д'Крессен. Настолько не люблю, что могу убить за это.

Пока что похищение — шутка. Но если я узнаю, что ты снова приставал к моей девочке или если вдруг пойдут слухи. Даже если другие студенту вдруг начнут называть ее нехорошими словами, шутки закончатся очень быстро. Сечешь? — Секу, — просипел Арман.

Какого хрена?! Из-за какой-то долбанной шлюхи? Да эти девки сменяются у ди Форкалонена каждую неделю, и еще не было такого, чтобы демон возражал, когда после него сучкой желал попользоваться кто-то из свиты! — Вот и хорошо. Я рад, что ты такой понятливый, д'Крессен.

Сейчас ты встанешь и уйдешь. А завтра подойдешь к Дженни и от всей души попросишь у нее прощения.

У Армана отвисла челюсть.

— Чего? — Объяснишь, что был неправ, погорячился.

— Раум, какого... То есть: почему? Что за нахрен?! Почему он должен унижаться перед шлюхой? — Потому что я так хочу, — с ухмылкой объявил демон. — А еще потому, что ей будет приятно.

Арман почувствовал, как глаза застилают пелена ярости.

Арман д'Крессен, чей род насчитывает почти десять поколений, должен просить прощения у

безродной девки- полукровки?! И за что? За то, что пожелал присунуть?! Да он ей честь этим оказал! Разве это не она сотни раз оскорбляла его пренебрежительным взглядом? Не шипела сквозь зубы: «Упырь», не отстранялась брезгливо, стоило им случайно соприкоснуться рукавами в толпе? Да Арман целый год терпел рядом с собой слезливую идиотку-сильфу только потому, что видел, как бесится рыжая, когда видит их вместе! А еще эта стерва его укусила в столовой! И что — он должен теперь все забыть? Спустить ей это? «Должен», — сказал взгляд демона — жесткий и насмешливый, и вампир едва не зарычал от позора, уже сознавая, что все сделает. Прогнется, не станет ссориться с Раумом. Позволит рыжей стерве вытереть о себя ноги. И ради чего? Да просто потому, что ди Форкалонену захотелось поглумиться над приятелем.

— Ты все понял, д'Крессен? — Угу, — буркнул он, сжимая кулаки в бессильной ненависти.

От беспросветной унизительности ситуации потемнело в глазах.

«Отомщу!» — эта простая и логичная мысль враз принесла облегчение. Мечь, как известно, сервируют и подают холодной. Арман не станет торопиться. Он затаится, поймает удачный момент и ударит.

Не стоило ди Форкалонену устраивать все подобным образом. Похищать, угрожать и разговаривать так, словно Арман д'Крессен его холоп, мелкая шавка! Он не позволит так с собой обращаться. Раума достать будет сложно, а вот рыжая сучка... Кто-то должен заплатить Арману за унижение. Если не сам демон, то его девка.

Вампир выдохнул, разжал кулаки и даже криво улыбнулся.

— Я все понял, Раум. Завтра же извинюсь.

— Ну вот: другое дело, — беловолосый вынул из кармана жилета золотые часы и бросил выразительный взгляд на циферблат. — Все, вопросов больше не имею. Тебя проводят.

Глава 14

Демон дождался, когда дверь за Арманом и сопровождавшими его двумя мордоротами закрылась и повернулся к вошедшей вместе с секьюрили сексапильной блондинистой девице в строгом костюме.

— Лили, душа моя, что у нас там дальше по плану? Секретарша поправила узкие очки, в которых не нуждалась, но носила, поскольку считала, что они придают ей деловой вид.

— Доктор Макмиллан прибыл и ждет. Пригласить? — Валяй.

Она процокала к двери, намеренно виляя задницей, и Раум проводил ее раздраженным взглядом. Очередная человеческая самка в поисках покупателя, готового заплатить за ее молодость и красоту достойную, по ее мнению, цену. Считает, что вытащила счастливый билет, когда устроилась личной помощницей к демону.

Надежды новой секретарши читались так явно — в якобы случайных прикосновениях, в соблазнительно оттопыренной попке, когда она нагибалась подобрать упавший лист бумаги, в старательно демонстрируемой ложбинке декольте — что становилось смешно и скучно. Наверное, поэтому Раум до сих пор не уложил ее на стол и вообще не притрагивался уже две недели, с того собеседования, на котором оценил умение мисс Стил печатать на машинке и работать языком. Сосала она вполне качественно. С аппетитом, профессионально так сосала. С деловым настроением, любовью к должностным обязанностям. И у Раума были все основания полагать, что в остальных вопросах мисс Стил будет не менее компетентна.

В том-то и проблема. Скучно. Блекло, тухло, никак.

Скуч-но.

По-настоящему живых и ярких эмоций от самовлюбленной недалекой эгоистки, можно добиться, если сначала внушить определенные надежды, а потом грубо, с особым цинизмом разбить их о жестокую реальность. Вот тогда будет все: и страсть, и упоительные мечты, и бездна отчаяния, и ненависть, и мольбы с заламыванием рук.

Но все равно слишком много усилий ради весьма скромного результата. Кроме того, Рауму надоело менять секретарш.

Ему в принципе надоели человечки: их блеклые и скудные эмоции, их жадность и безотказность. Надоела необходимость раз за разом играть на самом низменном и гадком, чтобы добраться до самых вкусных и ярких чувств. Да и вообще: последние три дня он ощущал себя сытым.

А ведь после того, как Таисия исчезла из его жизни, Раум почти позабыл каково это — всегда быть расслабленным, ленивым и сытым.

Демон вспомнил робкое прикосновение нежных губ, трепещущее тело в объятиях, взрыв, феерию чужих эмоций — сомнения, гнев, робость, возбуждение, желание. Все вместе и одновременно, полыхающие, яркие и живые чувства, которые можно пить губами, руками, выпитывать всем существом.

Вспомнил и мечтательно улыбнулся.

Сладкая Дженни. Дженни-пироженка, Дженни-шоколадка.

Дженни-нихрена-не-волчица, если Раум еще не ослеп и не свихнулся.

Сокровище для любого демона. Встретить такую как она — все равно, что взять джек пот. Второй раз за два года — да он долбанный счастливчик! Счастливчик из счастливчиков.

Первый раз не повезло. Он сглупил. Не разобрался в ситуации, упустил свой шанс. Кузен Армеллин оказался умнее.

Но сейчас у Раума нет конкурентов. И эту девушку он никому не отдаст.

Дверь снова отворилась, впуская Лили в сопровождении немолодого мужчины в очках. Раум поднялся и протянул руку.

— Доктор Джордж Макмиллан? Я — Раум ди Форкалонен.

Спасибо, что согласились на встречу, — он мазнул взглядом по секретарше. — Лили, оставь нас.

Она вышла, а демон указал на кресло рядом.

— Присаживайтесь, док.

Мужчина скептически осмотрел интерьер и последовал приглашению.

— Вы весьма оригинальны в выборе места для офиса, господин ди Форкалонен.

— Это не офис. Скорее площадка для неформальных встреч.

Вам объяснили какого рода консультация меня интересует? — Да. Но я сразу сказал вашему человеку, что это маловероятно... — Ни слова больше! Просто посмотрите бумаги.

Большая кожаная папка скользнула по столу к мужчине. Тот раскрыл ее и приподнял бровь.

— Медицинская служба академии Аусвейл? — Именно.

Откуда у вас это? Демон поморщился.

— Да какая разница, док? Купил, выкрал. Читайте! Тот пожал плечами и послушался.

Раум ждал, стараясь ничем не выдать своего нетерпения.

Секундная стрелка на висевших над дверью часах еле ползла, словно на нее наложили замедляющие чары. Разудалый свинг, звучавший за дверью, раздражал, как занудное зудение комара над ухом.

Спустя вечность и бесчисленное количество открученных стрелкой кругов по циферблату, гость отложил бумаги. Демон встрепенулся.

— Ну?! — Как я и подозревал — обычные анализы, — Макмиллан раздраженно поморщился.

— Не вижу ни единой причины для такой секретности. И ни единой причины для моего присутствия здесь.

Демон впился взглядом в лицо мужчины.

— Вы уверены?! — Абсолютно. Я, конечно, специалист по анхелос, с оборотнями работаю не так часто, но зооморфная форма, скорее всего, из псовых, это видно по характерному спектру вот здесь, — палец с желтым ногтем очертил дугу на снимке ауры.

— У кошачьих идет отклонение в синий, а у медвежьих наличествуют бурые вкрапления, — он принялся перебирать бумаги с анализами, по очереди комментируя каждый документ.

— Женская особью. Судя по анализам крови, здорова и пригодна к размножению. Магический потенциал по шкале Ритген-Маккерсона — двести тридцать восемь АМЕ, что несколько ниже нормы, однако не критично. Подробнее вам расскажет профессионал соответствующего профиля, — он резко захлопнул папку и посмотрел на Раума.

— Я только не понимаю одного. Почему вы решили, что эта девушка имеет какое-то отношение к анхелос? — Оборотень? — Раум медленно сжал пальцы в кулак, испытывая большое желание с размаху долбануть им по столу. — Она не может быть оборотнем, док! — Она не может быть никем другим, — безапелляционно заявил мужчина.

— Доктор, — как всегда в минуты гнева, голос демона зазвучал задушевно и ласково. Подчиненные, услышав эти интонации, бледнели, но Джордж Макмиллан слишком плохо знал Раума. — Вам ведь известно, как демоны питают свой истинный облик? Тот кивнул.

— Так вот: я чувствую ее. Всегда, когда она рядом. И лучше, чем многих людей, — демон в упор посмотрел на гостя.

— А еще я могу от нее питаться. И как такое возможно, если она оборотень? Это откровение совершенно не смутило доктора.

— Врожденная эрозия ментальной защиты. Или травма. Вещь редкая, но встречается у высших рас. Эмоциональный спектр оборотней очень близок к человеческому. Вот если бы вы заявили, что питаетесь от вампира или себе подобного, это была бы сенсация. А подобная

сцепка с оборотнем, не противоречит ни одной из существующих энергетических теорий.

Раум стиснул пальцы в кулак. Каждое слово приглашенного специалиста отдавалось в висках, убивая надежду.

— Но она неспособна к обороту. Полукровка, наполовину человечка... — Тем более, — Макмиллан укоризненно покачал головой.

— Это все объясняет. Полукровки почти всегда рождаются с дефектами, не зря еще сто — сто пятьдесят лет назад их выбраковывали и уничтожали в младенчестве, чтобы не портить популяцию. Сейчас так не делают и пожалуйста — что мы имеем? — он брезгливо отодвинул папку.

— Мономорфия и врожденная эрозия ментальной защиты. И низкий магический потенциал отсюда же. Кстати, это еще относительно мягкий вариант, возможны и более жуткие уродства.

— Хорошо, последний вопрос, док. Если наша м-м-м... связь с девушкой продолжится, то что будет дальше? Она эмоционально выгорит, как обычная человечка? Или сможет сохранить личность, как анхелос? — Учитывая мономорфию? — Макмиллан пренебрежительно скривился. — С вероятностью в девяносто пять процентов отношения будут развиваться по человеческому сценарию.

Энергию надо откуда-то брать, господин ди Форкалонен.

Нормальный оборотень черпает силу из своей связи с истинным обликом, а у таких уродцев ресурс ограничен. Хотя скорее всего кровь волков позволит ей протянуть в два-три раза дольше, чем чистокровной человечке.

Это было болезненным ударом.

Дженни вкусная, но не бесконечная шоколадка. Рано или поздно кончится. И Раум, заглядывая в ее навсегда потухшее лицо будет знать, что это его вина. Это он уничтожил горевший в ней огонь, выпил страсть из души, оставив красивую и пустую оболочку.

Обидно... Но не повод отказываться от соблазна. Девушка слишком аппетитный, слишком лакомый кусочек. Если не Раум, то другой демон рано или поздно заметит малышку. И использует по полной — тут можно не сомневаться.

Нет уж! Это его девочка. Он первый ее нашел и никому не собирается отдавать! Жаль, что Дженни ждет такая судьба. Но Раум постарается сделать процесс максимально приятным для рыжей.

— И думаю, что это будет лучшим вариантом для данной девицы, — неожиданно жестко завершил доктор. — Я за поражение в правах и уничтожение настолько больных особей.

Ее родителей следовало бы привлечь к суду за появление подобного потомства. Если бы еще существовали евгенические комитеты, как при прежнем императоре, я бы настаивал на принудительной стерилизации.

Увлечшись рассуждениями, он не заметил гримасы, исказившей лицо демона. Впрочем, выражение злости почти сразу исчезло, сменившись преувеличенно любезной улыбкой.

— А вы, значит, радеете за чистоту крови, док? — Именно! — в голосе мужчины зазвучала гордость.

— Я — пурист. Межрасовые браки — зло, которое однажды приведет нас всех к гибели. Природа мудра, она позаботилась, чтобы от смешанных браков не было потомства. Те, кто создал универсальные чары для зачатия, совершили преступление.

Рожая детей с помощью магии, мы производим больных, нежизнеспособных и уродливых мутантов. Очень жаль, что нынешний император не желает этого понимать! — «Катар ту эймос»? — доброжелательно поинтересовался демон. — Наслышан о вашей деятельности.

Об активистах движения «За чистоту крови» действительно слышали все жители империи. Нет, «катары» не выступали против смешения кровей, например, между джиннами и сильфами. «Зачистотников» возмущали исключительно союзы людей с высшими расами.

Особенно лютовали активисты лет тридцать назад на юге, так и не смирившимся до конца с отменой человеческого рабства. На юге их действия не ограничивались плакатами с призывом

поставить на место «низших». Человеков, осмелившихся вступить в брак с представителем любой иной расы, ждала травля. Угрозы, ненависть со стороны диаспоры, мелкие пакости от соседей. Доходило до рукоприкладства и настоящих издевательств. А пару раз все заканчивалось и вовсе трагично для людишек, вознамерившихся портить своей дрянной жидкой кровью наследственность старшей расы.

После нескольких громких дел с самосудом император направил в южные провинции спецкорпус службы безопасности. Особисты быстро навели порядок. С десятков громких судебных дел, несколько странных несчастных случаев и с борцами за чистоту крови было покончено. Рассказы о деятельности «Катар ту эймос» перешли в разряд страшилок, а их традиционный наряд — белый балахон и скрывающий лицо колпак с прорезями для глаз — прочно вошел в фольклор и анекдоты.

— «Катар ту эймос» — банда клоунов, — мужчина брезгливо поморщился. — Цели у них может и достойные, но методы... Вы видели эти мешки, которые они на себя надевают? Ночные погромы, сожжения людишек заживо — какая-то дикость и глупость. Нет, стране нужен порядок и внятная евгеническая политика, а для этого лучше действовать сверху. И если я, всего лишь скромный исследователь, далекий от власти, то вы, молодой человек, как сын лорда ди Форкалонена могли бы убедить императора прислушаться к голосу разума! — Вы преувеличиваете влияние моего рода, — Раум встал и протянул подписанный чек. — Не смею вас больше задерживать, доктор. Вот гонорар за услуги. Надеюсь, что все здесь прозвучавшее останется между нами.

Последние слова были не вопросом и не пожеланием, но приказом.

— Я умею хранить секреты, господин ди Форкалонен. И подумайте о моих словах. Мир на пороге катастрофы. Если не прекратить смешение крови, всего через несколько поколений нас ждут десятки тысяч слабых, больных и уродливых детей, вроде вашей Дженнифер Рейд... — Достаточно, — резко оборвал его демон. — Я вас не задерживаю, Макмиллан.

Еще несколько минут после ухода доктора Раум сидел, переваривая полученную информацию. Как ни обидно, но свадьба отменяется. Однако есть и плюсы. Он больше не обязан думать о чувствах Дженни и заботиться, чтобы ей все понравилось. Обратней, в отличие от анхелос, законы империи не защищают с параноидальным рвением. Им даже разрешено (точнее — не запрещено) подписывать рабские контракты.

Раум все еще может сделать рыжую своей игрушкой. Как и собирался с самого начала. Он даже должен это сделать, чтобы застолбить свои права на нее и уберечь от посягательств других демонов.

Вот только как уговорить девочку на подобный шаг? Дженни явно не из тех, кто легко расстанется со свободой в обмен на деньги.

Можно, конечно, пойти традиционным путем. Поухаживать, предложить встречаться. Но насколько интереснее обладать игрушкой полностью, знать, что она не имеет права сказать «нет». И раз уж она не анхелос... Демон потянулся к постографу и быстро набросал распоряжения для службы безопасности.

Пока достаточно будет продолжать слежку. Нужно собрать как можно больше информации о девушке и ее родных. В жизни очень много проблем, которые можно решить с помощью денег, а деньги у Раума есть.

Он поймет на что можно поймать рыжую волчицу, а потом сделает предложение, от которого она не сможет отказаться.

Глава 15

«Жду тебя в кабинете мантики сразу после этой лекции», — Дженни перечитала сообщение на экранчике постогорафа и аж зашипела от возмущения. Что этот демон о себе возомнил, когда решил написать ей? Да еще в таком тоне, словно приказ отдавал своей подчиненной.

Или это из-за того поцелуя в беседке? Надеется, что Дженни так понравилось, что она прискачет повторить? Она прикрыла глаза и воскрешая в памяти ласковые и настойчивые прикосновения его губ. Раум целовался совсем не так, как Чарли. И не так, как те мальчишки, которые приглашали Дженни на свидания в ее первый год в Аусвейле.

Он делал это без малейшего следа юношеской неуверенности и торопливости, чувственно, глубоко и безумно возбуждающе.

Дженни вспомнила его язык, ворвавшийся в ее рот — вроде как негигиенично и вообще фу, но она не чувствовала ни малейшего протеста ни тогда, ни сейчас, когда думала об этом.

Наоборот, это казалось правильным. Хотелось впустить его, ощутить в себе, стать ближе. Так близко, как только возможно.

Где-то внизу живота родилась томительная слабость.

Сволочной демон умел целоваться... да и не только целоваться.

Хотела бы она повторить? Да.

И нет. Только не с Раумом ди Форкалоненом. И вообще: Дженни обещала, что не будет больше с ним общаться! Усилием воли девушка отогнала воспоминание о развратных искушающих прикосновениях. И не отказала себе в удовольствии проигнорировать полученное сообщение.

Это подействовало. Всего пять минут спустя, экранчик постогорафа мигнул снова.

«Подтверди, что придешь».

Она злорадно хихикнула, вспоминая свои метания тем утром, когда требовала от беловолосого распiski. Так ему. Пусть попробует свою же пиллюлю.

Девушка отложила постогограф в сторону и постаралась сконцентрироваться на лекции, но взгляд нет-нет, да и возвращался в темному экранчику. Ну же. Давай, Раум.

Возмущайся, требуй ответа, мучайся! Прочувствуй на себе каково было Дженни в то утро.

Если демон будет достаточно убедительным, то после пятого сообщения она ему даже ответит.

Но экранчик оставался темным, и это злило. Дженни даже проверила на всякий случай не сломан ли прибор. Нет, все в порядке. Просто проклятый ди Форкалонен не спешил выставлять себя на посмешище.

Уже перед окончанием лекции экран мигнул и высветил: «Похоже, ты занята. Жаль, у меня новости по поводу нашего общего клыкастого друга. Значит, в другой раз. Через неделю или две».

Дженни не удержалась и тихо выругалась. К гадалке не ходи — он это специально. Вот же демон! Конечно, она обещала, что не будет больше общаться с Раумом. Но сначала надо узнать, получилось ли у него надавить на вампира. Это слишком важно.

«Я приду!» — спешно вывела она.

«Поздно, детка. У меня планы на ближайший час» Ну точно специально! Издевается, гад! Вот не умеет он по— нормальному.

Шла бы речь о чем-то другом, Дженни не стала бы больше унижаться. Но воспоминание об угрозах Армана отдавались в душе тоскливым холодком. Она до сих пор спрашивала себя не сделала ли ошибку, когда обратилась к Рауму за помощью? Сможет ли демон приструнить своего дружка? «Тогда давай после занятий» Снова почти пятнадцать минут тоскливого ожидания, на протяжении которых Дженни то тянулась к постогографу, чтобы сочинить гневное письмо, то снова выпускала его из рук.

Нужно проявить выдержку. Она достаточно позорилась перед демоном.

«Я посмотрю, как будет со временем. Отпишусь в конце следующей лекции» — Пас-с-куда, — ругнулась девушка, чувствуя в душе почти восхищение перед Раумом. Надо же быть такой последовательной сволочью! И разумеется, отписался он в конце следующей лекции только после того, как Дженни не выдержала и отправила ему короткое: «Ну как?» Снова бесконечно долгое ожидание и, наконец: «Буду» Ну спасибо, что снизили, ваше высочество.

В кабинет мантики Дженни уже поднималась изрядно на взводе. Дверь была незаперта. Девушка ввалилась в аудиторию, не озаботившись стуком. И замерла, увидев Армана д'Крессена.

Вампир стоял в углу, скрестив руки на груди и пялился на панно, иллюстрировавшее взаимосвязь символов в различных рунических системах, с таким видом, словно в жизни не видел ничего интереснее.

Дженни оскалилась и почувствовала, как короткие волоски на руках сами собой встают дыбом при виде врага. Снова захотелось зарычать, как тогда в столовой.

Что д'Крессен делает здесь, на месте ее встречи с Раумом?! — Опаздываешь, детка, — раздался насмешливый голос из-за кафедры. Беловолосый демон поднялся из преподавательского кресла. — В следующий раз я не стану тебя ждать.

— Зачем ты меня позвал? — сердито спросила девушка. — И зачем здесь он? — А, мой друг Арман хотел что-то тебе сказать, — Раум подмигнул. — Не так ли, 'Крессен? Вампир сглотнул и прожег Дженни полным дикой ненависти взглядом.

— Да. Я... — он замолчал — злой и какой-то жалкий.

— Ну же, — подбодрил его демон. — Смелее, дружище.

— Я хотел извиниться, — выдал Арман, и в его глазах Дженни прочла, что мысленно в эту минуту вампир расчленяет ее на части. — Я был невежлив. Беру назад все свои слова.

— Как-то неубедительно, — покачал головой Раум. — Не забывай: девушка должна тебя простить. Ну-ка, попробуй еще раз. Верю, что у тебя получится.

Арман выдохнул сквозь зубы и заговорил. Что очень сожалеет. Что было глубоко неправ. И что тайна Дженни уйдет вместе с ним в могилу. И что никогда больше не позволит себе вольности в ее адрес.

Пораженная девушка слушала, как он распинается, не ощущая злорадства. Только легкий холодок страха. Даже ей, почти не знающей Армана, было видно, как корежит вампира от каждого произнесенного слова. Какой властью обладал Раум ди Форкалонен, если сумел заставить своего друга не только оставить Дженни в покое, но и раболепно выпрашивать прощения? Она не любила, и даже презирала Армана, но при виде унижения давнего недруга, не почувствовала никакого удовольствия. Наоборот захотелось как можно скорее закончить этот балаган.

— Хватит, — довольно резко оборвала девушка поток излияний.

— Я тебя прощаю. Иди отсюда! Надо, обязательно надо высказать все, что она думает по поводу этой сцены ее организатору. Но не при вампире же! Арман бросил вопросительный взгляд на демона, дождался одобрительного кивка и рысью помчался к двери. По дороге он снова подарил Дженни полный ненависти взгляд, но больше ни словом, ни жестом не показал своего настоящего отношения.

Раум хорошо выдрессировал своих шавок.

— Ну и что это было? — резко спросила девушка, когда за вампиром захлопнулась дверь и шаги в коридоре затихли в отдалении.

— Моя часть сделки, сладенькая, — он поманил ее к себе пальцем, но Дженни сделала вид, что не заметила этого жеста.

— Я не привык что-то делать наполовину. Он запомнит, что обижать мою девочку — себе дороже.

— «Твою девочку»?! — она задохнулась от возмущения. А потом взлетела по лестнице и встала напротив наглого, бесстыжего демоняки, уперев руки в бока. — Это с каких это пор я «твоя девочка» ди Форкалонен?! Ты головой не стукнулся? — С того дня, как я решил, что ты —

моя, — демон выскользнул из кресла и встал рядом. Совсем рядом, невыносимо близко. — Это было... дай-ка вспомню. Точно. В то утро, когда ты выпрашивала у меня расписки для малыша Чарли.

Он шагнул ближе, и Дженни отступила, ощущая, как кровь приливает к щекам. Сердце суматошно заколотилось. Странно, но слова демона кроме возмущения отозвались в душе чем-то щемяще-сладким.

Разве это плохо быть «чьей-то» девочкой? Разве не об этом мечтает любая девушка в академии? Но ведь Раум имеет в виду «моя» явно не в том смысле, который обычно вкладывают влюбленные юноши, когда ухаживают и предлагают встречаться. Проклятье, он даже у самой Дженни не поинтересовался, что она думать по этому поводу и хочет ли быть «его девочкой»? Кем он ее считает? Одной из своих доступных девок?! Или думает, что если Дженни согласилась тогда на унижительную сделку, то теперь принадлежит ему до конца жизни?! Что вообще значит «моя»? Это раб может быть «чьим-то».

— Я не твоя! — Моя, — с взбесившей ее самоуверенностью отозвался Раум. — Ты сама это чувствуешь, Дженни-любительница-врать-себе.

— Фигушки. Я — своя собственная и еще Чарли... Его лицо на мгновение исказилось от злости.

— На хрен Чарли! Дженни еще попятилась, чувствуя, как под его горящим взглядом что-то плавится внутри, а голова становится легкой и бездумной. И ойкнула, когда наткнулась на стоящий у стены журнальный столик.

В следующее мгновение Раум преодолел разделявшее их расстояние. Чуть толкнул, принуждая опуститься ягодицами на столешницу. Одна рука демона легла на талию девушки, пальцы второй зарылись в густые рыжие пряди, заставляя Дженни запрокинуть голову и заглянуть ему в глаза.

— Даже если раньше этот хлюпик и трахал тебя, теперь ты — моя, Дженни-конфетка, — произнес он, не отрывая от нее потемневшего взгляда.

— Ты сходишь с ума от моих прикосновений. Ты пришла ко мне, когда была нужна помощь.

Не к этой пародии на волка... — Потому что все из-за тебя... — пискнула Дженни и уперлась выставленными ладонями ему в грудь, пытаясь отстраниться, но это было все равно, что пытаться сдвинуть каменную статую.

От возбуждения, которое читалось в расширенных зрачках демона, стало жутко. А еще жутче от собственной беспомощности, абсолютной неспособности что-то сделать.

Девушка ощутила себя куклой. Игрушкой в руках демона.

И в то же самое время, по коже снова пробежало постыдное и неуместное возбуждение. Дженни вдохнула запах мужчины рядом — элитный парфюм, еле заметный аромат дорогих сигар от одежды и еще что-то почти неуловимое — мужское, дразнящее и волнующее. Мелькнуло странное противоестественное желание лизнуть Раума. Попробовать на вкус его кожу, пройти языком от видневшейся в расстегнутом вороте рубашки ямке между ключицами, подняться вверх по шее, кадыку, гладко выбритому подбородку, прикусить мочку уха — можно даже до крови... — Я сама решаю, чьей мне быть. Я — свободная волчица! Его ноздри дрогнули, словно демон принюхивался, а губы изогнулись в ухмылке.

— А ты ведь хочешь меня, Дженни-разум-не-в-ладах-с-чувствами, — пробормотал он. И потянул девушку на себя, заставляя прижаться к нему теснее, обнять раздвинутыми ногами его бедра. И эта слишком откровенная, недопустимая близость посеяла в душе Дженни настоящую панику. Ноющее возбуждение внизу живота усилилось. Ей одновременно хотелось, чтобы Раум отпустил ее. Ушел, навсегда исчез из ее жизни. И чтобы не исчезал никогда. Дженни закусила губу, надеясь, что боль прогонит умопомрачение.

— Не хочу и никогда не хотела! — в панике выкрикнула она. — Я хочу Чарли... — На хрен этого слизняка, — прорычал демон. И впился в ее губы злым поцелуем, словно пытался заклеить ее таким образом.

На этот раз Раум был резок, почти груб. И нетерпелив. Его рот терзал и наказывал ее губы, а пальцы скользили по блузке, расстегивая пуговицы. Одна, другая, третья. Руки нырнули под ткань, добрались до застежки бюстье и расправились с ней в одно мгновение. Дорогое сукно его жилета кольнуло обнаженную грудь, а потом полные опасной силы пальцы до боли

стиснули напряженные соски, заставив девушку застонать.

— Нет, — пробормотала она, когда он оторвался от ее губ.

Надо бежать... Кричать... Сопротивляться... Но лоб полыхает, и в теле убийственная слабость. Так же было, когда Дженни пошла с другими волчатами купаться на реку поздней осенью, а потом неделю лежала в лихорадке.

— Да, детка, — с мрачным торжеством отозвался демон.

Она вскинула руки, замолотила кулаками по его плечам, и это не понравилось Рауму. Он дернул блузку — не расстегнутые пуговицы застучали по полу. Стянул ее ниже, связывая руки Дженни ее же одеждой. И снова склонился над ее грудью — лаская, пощипывая и прикусывая съезжившиеся соски.

Нет, демон не стремился доставить наслаждение своей жертве, и его прикосновения отнюдь не были бережными.

Скорее они были агрессивными, собственническими, несли с собой кроме удовольствия легкую боль. Как будто Раум желал пометить ее, оставить на коже и в душе отпечаток, знак своего права владеть ею. Но даже эти грубоватые ласки тело Дженни приняло, отзываясь на них горячими спазмами внизу живота.

Девушка всхлипнула, чувствуя, как гнев и страх растворяются в волнах болезненного наслаждения. Исчезают, превращаются в безудержное желание отдаваться и обладать. Подалась вперед, плаваясь от прикосновений, чуть выгнулась, подставляя грудь, и уже не желая, чтобы сладкая мука заканчивалась.

Глава 16

Раум четко уловил это. Момент, когда она сдалась, перестала сопротивляться, когда задышала чаще и глубже, выгибаясь ему навстречу, и чуть сбавил темп. Злость, желание вытрясти, выбить из ее мыслей соплика Маккензи ушло, и прикосновения, щипки и укусы демона стали нежнее. Ему не хотелось причинить девушке боль. По крайней мере, не сильную и не сразу.

Он оторвался, чтобы подуть на грудь. Прохладный ветерок прошелся по раздраженной коже, успокаивая, лаская, и девушка еле слышно эротично вздохнула, словно против воли.

Раум снова втянул в рот съезжившийся бледно-розовый бутончик. Прикусил, обвел языком. От девчонки вкусно пахло — не парфюмом, скорее гелем для душа. Простенький букетно-конфетный запах, он прекрасно подходил к этой нежной золотистой коже с еле заметными пятнышками веснушек. К рыжим кудрям, неуловимой сладости губ и взрывному коктейлю эмоций.

Демон стиснул второй сосок, и Дженни тихо застонала. В палитре ее чувств снова вспыхнуло смятение и паника, но над ними обоими главенствовало возбуждение. Главное — не ослаблять напора. Не давать ей задуматься, не позволять самой решать.

— Я не хочу... Пусти... — заплетающимся языком выговорила девушка.

Ну уж нет. Если ее отпустить, рыжая начнет шарахаться от него, и тогда приручить ее будет куда сложнее. Кроме того, Раум хотел ее. Эрекция разрывала штаны, он дожидаться не мог, когда войдет в это покорное, пахнущее желанием тело.

— Врешь, Дженни-горячая-штучка.

Демон забрался ладонью под юбку, скользнул вверх по чулку — хороши все-таки ножки у девчонки. И все остальное хорошо.

Узенькая галия переходит в соблазнительные бедра. Попка округлая и упругая, грудь просто загляденье. Почему он когда-то сказал, что Дженни — тянет максимум на восьмерку? Десятка, твердая десятка. А когда рыжая целовала его — неумело, но страстно, отдаваясь этому занятию целиком, без остатка, он терял голову, забывал обо всем кроме хрупкого девичьего тела в объятиях и кружащего фейерверка восхитительных эмоций.

Рука погладила внутреннюю сторону бедра, добралась до насквозь мокрых трусиков. Раум не удержался и рассмеялся.

— Это называется «не хочу»? — пропел он.

— Да у тебя тут озеро.

Отвел в сторону влажную кружевную полоску, скользнул пальцами по покрытым любовным соком складочкам. Девушка всхлипнула — уже не от возбуждения, от возмущения. И дернулась, пытаясь уклониться от прикосновений.

— Нет. Не смей! — Хватит, Дженни-ханжа, не притворяйся, — Раум склонился, чтобы снова поцеловать ее, заглушая недовольный лепет, но девушка сердито мотнула головой и оскалилась. — Ты же мокрая...И узкая, — изумленно присвистнул он, с трудом вводя один палец в скользкую дырочку. — Обалдеть, какая ты узкая.

Ты что — девственница? Быть не может, чтобы Маккензи ни разу не воспользовался возможностью трахнуть влюбленную в него до умопомрачения девчонку. Да и особой стеснительностью Дженни не отличалась. Или они практикуют другие способы? Девственница? Это сразу объясняло ее смятение, при попытках перейти куда-то дальше петтинга. Она же просто боится, глупенькая.

Девственница... Раум почувствовал не только вожделение, но и нежность к своей жертве. Невинность — это пикантно, вкусно. Эмоции девушки, для которой все происходит впервые, особо изысканное блюдо. Его надлежит сервировать должным образом и вкушать, смакуя мельчайшие нюансы. Дженни-конфетка-с-начинкой, трахнуть ее сейчас, мимоходом удовлетворив похоть, будет просто глупо. Он сделает все красиво. Так, чтобы они оба смогли насладиться каждым мгновением ее первого раза.

Увлеченный этими мыслями, он не сразу уловил, как изменилось настроение девушки. Не понял, что ее уже не возбуждает затеянная им игра, а сопротивление давно сменилось с

символического на вполне реальное.

Только когда она дернулась и забилась отчаяннее, чем рыба, вытащенная на берег, Раум понял, что перегнул палку. Но было уже поздно... *** Разбуженное демоном желание слетело резко, как слетает сон, если вылить на голову ведро холодной воды. Дженни вдруг поняла, что сидит в пустой аудитории — полуобнаженная, руки связаны за спиной рукавами собственной блузки, бедра широко раздвинуты и чужие наглые пальцы по-хозяйски лапают ее между ног.

Как она могла так просто уступить, сдаться?! Даже не дралась по-настоящему, не позвала на помощь, не попыталась его укусить... Она задергалась, пытаясь отстраниться, вырваться, свести ноги — сделать хоть что-то, а Раум словно и не заметил. Вместо этого он вогнал палец глубже в ее тело, и это бесцеремонное проникновение заставило ее почувствовать себя куском мяса, который ощупывают в магазине перед покупкой.

Из глаз Дженни брызнули злые слезы. Она ощущала себя униженной и абсолютно беспомощной. Глумливые слова демона: «Ты же мокрая» стояли в ушах, жгли ощущением невозможного стыда.

Она напрягла все силы, дернула руками и блузка из плотной ткани вдруг треснула, словно была ветхой тряпкой. Девушка зарычала и ударила.

Это не были бесполезные и слабые тычки, которыми она осыпала демона до этого. Она ударила вниз, целя в пах, без колебаний, но с желанием уничтожить, сокрушить, причинить как можно больше боли. И почти попала.

Попала бы, если бы как раз в этот момент Раум не решил прекратить ее лапать. Кулак врезался в его руку, сменил траекторию и попал в живот. Демон коротко охнул: — Твою мать, Дженни. Ну у тебя и удар.

Он чуть отступил, и девушка воспользовалась этим, чтобы вырваться. А потом, наверное, свихнулась, потому что вместо того чтобы бежать (хотя куда можно убежать в таком виде?) набросилась на своего мучителя.

Следующие несколько минут им было не до разговоров.

Дженни рычала, молотила кулаками, пиналась и кусалась, пытаясь всеми правдами и неправдами добраться до недруга.

Полукровка? До демона? Это даже не смешно! Но ее злость была так велика и всеобъемлюща, что она забыла о своей слабости. Удары раз за разом не достигали своей цели, но даже это ее не останавливало.

Сквозь затмевающую разум ярость пробивались изумленные слова: «Дурочка... Ты что творишь? Психованная какая-то! Дженни!» — Так все! Хватит! Одна-единственная пощечина сделала то, чего не смогли все уговоры — выбила из нее ярость берсерка. Дженни остановилась, приложила ладонь к горячей щеке и несколько мгновений смотрела на демона, часто моргая, в безуспешной попытке удержать слезы. Она не хотела, категорически не хотела, чтобы он видел ее слабость.

— Детка... — укоризненно начал Раум, и тут она не выдержала.

Шарахнулась от него, забилась в дальний угол и все-таки разрыдалась.

Когда демон приблизился, она оскалилась, не чувствуя в себе сил снова драться. И когда он ее обнял, попыталась укусить, но совсем вяло. Зубы скользнули по рукаву, капнувшие слезы оставили два темных пятнышка на ткани.

— Дурочка, — пробормотал Раум, нежно прижимая ее к себе и глядя по встрепанным волосам. — Детка, зачем ты так? Могла просто сказать. Я же не насильник... — Я говорила, — прорыдала Дженни.

— Но ты хотела.

— Откуда тебе знать, что я хотела?! — она попыталась отпихнуть его.

— Детка... — Не называй меня так! И пусти! — истерика неудержимо возвращалась. — Ненавижу! Ненавижу тебя, ди Форкалонен! Раум переждал второй приступ молча, прижимая девушку к себе, и не обращая внимание на тычки, удары и попытки укусить. Когда ярость снова сменилась слезами, демон коротко поцеловал ее в висок и продолжил.

— Прости, я увлекся. Я не собирался обижать тебя, маленькая.

Мне не нравится, когда женщине со мной больно и страшно. И я бы не стал приставать, если бы не видел, что ты сама этого хочешь.

— Не хочу! — девушка зарычала при виде понимающей улыбки на его лице. — Я говорила тебе, что не хочу! — Девчонки все время так говорят, чтобы не выглядеть слишком доступными, — легкомысленно отмахнулся демон. — Это правила игры, детка.

И прежде, чем возмущенная девушка успела обрушить на него всю силу своего негодования, Раум разжал объятия, коротко поцеловал ее в макушку и со словами: «Подожди, я скоро» вышел.

От изумления слезы высохли сами собой. Дженни вскочила, намереваясь бежать, бежать как можно дальше, пока он не вернулся. И остановилась у двери.

Ну да — бежать. Вот прямо в таком виде — сверкая голой грудью? Она несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаиваясь.

Демон ушел, оставив ее разбираться с этой ситуацией в одиночестве. То ли радоваться, то ли паниковать. Наверное, все-таки радоваться. Вся эта история подтверждает, что от помощи ди Форкалонена больше проблем, чем толку.

Ее еще потряхивало от воспоминаний, но все же уход Раума помог взять себя в руки. Дженни успокоилась и начала думать.

Итак, задача номер один — раздобыть одежду.

Остатки растерзанной блузки валялись на полу, а рукава, удерживаемые пуговичками на манжетах, все еще болтались на запястьях. Дженни медленно отсоединила их, подобрала разбросанные у кафедры лоскутки. Огладила плотную ткань и снова поразилась, как у нее получилось так легко порвать ее.

Словно ветхую тряпку.

Рядом с кафедрой нашлось и бюстье, к счастью целое.

Дженни надела его, и почувствовала себя чуть увереннее. Но даже в таком виде покинуть аудиторию и показаться другим студентам было решительно невозможно.

Она собрала все видневшиеся лоскутки, сложила и задумалась, вспоминая композитарные чары. По программе второкурсники должны были проходить их только в следующем месяце, но Дженни полистала учебник и даже рискнула применить, восстанавливая разбитую кружку. Правда результат эксперимента вполне можно было выставлять в музее авангардного искусства, и если из блузки получится что-нибудь похожее, то пялиться на Дженни будут не меньше, чем если она пойдет вовсе без одежды... Нет, не получится. В прошлый раз расчеты заняли почти шесть часов, а у нее тогда были под рукой все учебники и таблицы с коэффициентами сопротивления материала. Что же делать? Придумать другой план Дженни так и не успела. Клацнула ручка двери, створка начала открываться, и девушка в панике нырнула за кафедру.

— Детка, это я. Вылезай, — послышался голос демона.

Дженни помедлила, но поднялась. Скрестила руки на груди и прожгла демона уничижительным взглядом.

— Не дури. Смотри, что я достал, — демон медленно развернул сверток. Это оказалось платье-футляр из темно-зеленого атласа. Даже на первый случайный взгляд его цена превышала стоимость половины ее гардероба.

— Это мне? — нерешительно уточнила она.

От его ухода до возвращения не пошло и пятнадцати минут.

Как и где демон умудрился взять женскую одежду так быстро? — Кому же еще? Он поднялся на кафедру, и девушка попятилась.

— Если хочешь примерить обновку, придется подойти.

— Отдай! — потребовала она.

Он улыбнулся — до того мило, ну просто пай-мальчик.

— Конечно отдам. Я для тебя его принес. Но тут застежка на спине, тебе все равно одной не справиться.

Девушка злобно зыркнула исподлобья и промолчала, уже понимая, что беловолосый снова победил. Упрямитесь просто глупо.

— Иди сюда, Дженни. Я, конечно, чаще раздеваю женщин, но помочь с одеванием тоже могу.

Она подошла и встала, повернувшись к нему спиной.

Расстегнула юбку и послушно подняла руки, позволяя надеть на себя подарок. Удивительно, но платье оказалось впору — словно шили специально на Дженни. Раум откинул спутанные кудряшки со спины, медленно застегнул пуговички — одну за другой, а потом прижался губами к шее сзади, опалив кожу дыханием. Дженни зашипела от злости вырвалась и повернулась, прожигая демона яростным взглядом.

— Ты опять, ди Форкалонен?! Он обезоруживающе улыбнулся.

— Детка, прости за то, что здесь было. Я не хотел тебя обижать. И чтобы искупить свою вину, — тут выражение его лица стало одновременно невинным и хитрющим, как у нашкодившего кота, — я приглашаю тебя на ужин.

Что за демонское обаяние у этого мерзавца?! Даже несмотря на весь гнев, который она ощущала в адрес Раума, ей захотелось улыбнуться и ответить: «Да!» — Давай, детка, — его голос упал до искушающего шепота. — Только ужин, в людном ресторане. Обещаю, что буду лапушкой, и не стану позволять себе вольностей, пока сама не попросишь. А потом можно прогуляться на моей яхте по заливу. Ты когда-нибудь ходила под парусом? Она помотала головой, чувствуя, как теряет волю под его страстным взглядом. Это ведь ненормально, вся ее реакция на Раума — ненормальна. Магия? Феромоны? — Ты мне нравишься, Дженни. Очень нравишься.

Если бы не было этой сцены в кабинете, не было насмешливого: «Обалдеть, какая ты узкая. Ты что — девственница?», Дженни бы согласилась. Разве не лестно услышать от самого Раума ди Форкалонена, что ты ему нравишься? Да половина девочек академии из трусов бы выпрыгнули ради подобного признания.

— Нет, — глухо ответила Дженни. Нагнулась, чтобы подобрать юбку, сложила и аккуратно завернула в нее обрывки блузки, сунула в сумку. Запоздало пришла мысль, что можно было написать Вэл через постогограф, попросить принести сменную блузку. Сильфа, конечно, забросала бы ее вопросами, но зато удалось бы обойтись без помощи Раума. Дженни не хотела чувствовать себя обязанной ему даже в такой малости.

Хорошая мысль. Жаль, поздно додумалась. Слишком уж она привыкла полагаться во всем только на себя.

— Тогда завтра? — он поймал ее за руку и снова улыбнулся, пуская в ход свое сногшибательное обаяние. — Или на выходных. Детка, я обещаю, что не притронусь к тебе без разрешения даже если ты будешь тонуть в заливе.

— Ты в своем уме: приглашать на свидание сразу после попытки изнасилования?! — она стряхнула его руку так, словно это было гадкое насекомое.

Теперь в его глазах вспыхнула злость.

— Вот врать не надо. Если бы я хотел тебя изнасиловать, изнасиловал бы.

— Не сомневаюсь. Ты ведь делаешь все, что захочешь, тебе никто не указ. Я не пойду с тобой никуда, ди Форкалонен. Не смей приближаться ко мне, или я заявлю в полицию! Что бы он там ни говорил, Дженни не его собственность.

Хотя бы потому что может отказаться.

По тому, как закаменело его лицо, Дженни поняла, что наконец-то сумела по-настоящему уязвить демона. Еле удержалась, чтобы не съежиться, показывая свой страх, но Раум смолчал. Даже не стал ее удерживать, когда она прошла мимо него и взялась за ручку двери.

Она покинула кабинет, гордо выпрямив спину. Прошла до лестницы шагом, всеми силами стараясь не сорваться на бег.

Внутри все сжималось, в ожидании неминуемой расплаты от разъяренного демона. Только когда впереди показалась лестница, Дженни облегченно выдохнула и позволила себе ускорить шаг.

Добраться до общежития. Сменить платье. Вызвать курьера, чтобы отнес эту тряпку обратно ди Форкалонену. И записаться на прием к врачу — завтра, сегодня, немедленно! Она должна знать, откуда это противоестественное влечение к демону!

Глава 17

— Эй, ди Форкалонен? Демон остановился и вслед за ним остановилась его свита — шестеро адептов с последнего и предпоследнего курсов. Все как один — дети небедных и знатных родителей, золотая молодежь. На лицах припевал появилось неподдельное возмущение, словно Чарли позволил себе фамильярно окликнуть самого императора.

Сам некоронованный король академии только улыбнулся с фальшивым радушием.

— Чего тебе, малыш Чарли? — Есть разговор.

— Я не принимаю без предварительной записи, — демон отвернулся, явно собираясь уйти. Свита тоже отвернулась, окатив Чарли на прощание волной презрения.

Оборотень сжал кулаки. Глупая затея. Он знал, что с Раумом бесполезно разговаривать. Но не оставлять же все как есть? Чарли — старший из Маккензи в столице, и он мужчина. Он должен что-то сделать! Защитить женщину своего клана.

Юноша ускорил шаг и догнал компанию.

— Это по поводу Дженни, — выпалил он, не обращая внимания на неприязненные взгляды припевал.

Раум снова остановился.

— Ну, раз по поводу Дженни... — протянул он. — Тогда вещай, Маккензи. У тебя пять минут.

Чарли еле сдержался, чтобы не выругаться.

— Наедине, — уточнил он, ответив свите таким же злым взглядом. — Без этих... И пять минут — это мало.

— Прости, малыш, — в голосе демона зазвучала неприкрытая насмешка. — Но мое время расписано по минутам. Если хочешь личную аудиенцию, приходи сегодня вечером в «Счастливую семерку». Там и поговорим.

— Эй, подожди! Но удалявшийся демон словно не услышал окрика. А когда Чарли попробовал снова догнать его, шагавший в хвосте группы джинн обернулся и недовольно оскалился: — Тебе сказали — вали отсюда.

Все, что осталось Чарли — проводить свиту во главе с Раумом полным бессильной злобы взглядом.

*** У дверей клуба Чарли снова заколебался. Ему не хотелось возвращаться сюда, к месту, которое стало свидетелем его позора. Не хотелось смотреть в глаза всем, кто был в тот вечер в «Счастливой семерке» и видел его проигрыш. И меньше всего хотелось отвечать на вопросы где именно он взял деньги, чтобы расплатиться с ди Форкалоненом.

Если уж совсем начистоту, то ему вообще отчаянно не хотелось начинать этот разговор. Но надо. Если не он, то кто? Поэтому он толкнул створку и шагнул внутрь.

В клубе все было так же, как и неделей раньше.

Приглушенный свет отражался в полированных поверхностях, плясал на дорогой отделке стен, хрустальных бокалах с виски.

Пахло дорогими сигарами, деньгами и сдержанной роскошью.

На этот аромат, Чарли в свое время и повелся. На атмосферу шика, элитарности всего происходящего. За столами сидели его ровесники, такие же адепты академии, вчерашние дети, но в клубе они казались старше, внушительнее. Суммы с множеством нулей, фигурировавшие на расписках, добавляли происходившему солидности, делали каким-то значимым.

Идиотизм? Несомненно. Но чтобы понять это, надо проиграть восемьсот тысяч, пережить полные мучительного отчаяния три дня, отказаться от мысли просить у отца помощи и смириться с тем, что твоя жизнь кончена. И все это для того, чтобы узнать, что твоя подруга детства сумела спасти тебя, сделав... Что? Что-то страшное. Унизительное. Подарившее демону власть над ней.

Он предпочел бы ничего не знать об этом. Не вспоминать, не думать. Не встречаться с горькой правдой и собственным невозможным долгом перед девушкой. Чарли чувствовал себя беззащитным перед ними.

Но долг и вина грызла изнутри, требовали что-то сделать.

Задать тот самый вопрос, узнать подробности.

Вчера он все-таки решился спросить у Дженни, как у нее получилось выманить расписки у демона. Подруга детства вздрогнула, покраснела и резко ответила: «Не важно! Чарли, я не хочу говорить об этом. Не напоминай мне про ди Форкалонена!», подтвердив тем самым страшные догадки.

А кроме девушки о цене, уплаченной за расписки, знал Раум.

Раум, который теперь крутился вокруг рыжей полукровки так, словно ему медом намазано.

Чарли вспомнил подсмотренную сцену в беседке и чуть не зарычал от злости. Это его Дженни! Его подруга, младшая сестра, а может и что-то большее... Что-то, чему он никогда не давал волю, потому что знал: его долг, как будущего вожака, найти себе волчицу среди дочерей союзных кланов.

Дженни... Разбитые локти, колени, встрепанные кудряшки, и зеленые глазищи — всегда, с той самой первой встречи смотревшие на него с таким восхищением и такой верой, что Чарли чувствовал себя рядом с ней повелителем вселенной. Сначала просто подруга. Неловкая городская девчонка, чужачка, она нуждалась в его покровительстве. И дарила в ответ беззаветную преданность. Это ведь так сладко — быть для кого-то героем. Даже если этот «кто-то» — рыжая полукровка без способности к обороту.

Она долго оставалась для него ребенком. Подругой, милой смешной сестренкой. До тех самых пор, пока ему не пришлось почти на пять месяцев покинуть земли Маккензи, чтобы объехать с отцом все прочие кланы. Ритуальное знакомство, налаживание связей, братание с другими вожаками и их наследниками. Пять месяцев в дороге, бесчисленные имена и лица, цифры и данные, которые необходимо было запомнить.

Вернувшись, он вдруг обнаружил, что нескладная девчонка расцвела. Движения, всегда бывшие резкими, мальчишескими, наполнились неуловимой грацией. Округлились формы, блузка на груди призывно топорщилась, притягивая взгляд. Дженни сама не понимала, как она хороша, но вот другие понимали прекрасно. Чарли видел, какими взглядами провожают ее вчерашние волчата, да и взрослые волки, и в ярости сжимал кулаки. Собрав своих вассалов, он категорично и жестко запретил им подходить к девушке, если только они не собираются жениться на полукровке. Это не всем понравилось, но волю будущего вожака приняли, не ропща.

А потом он сам же нарушил свой запрет с тем поцелуем в малиннике. Сладкие пухлые губы, девичье тело в объятиях, его смелость и ее робость. И неожиданная, но очень острая реакция собственного тела — больше всего Чарли боялся, что Дженни заметит или догадается, что с ним происходит, поэтому отстранился тогда почти сразу.

А потом пошел к отцу и сказал, что хочет жениться на Дженнифер Рейд.

Оуэн Маккензи смерил наследника испытующим взглядом, тяжело вздохнул и запер дверь, чтобы не вошел никто посторонний. А потом заговорил.

О долге, об ответственности перед другими волками, которые рассчитывают на вожака. О слабом потомстве, которое родится от слабой матери. О том, что иногда приходится делать то, что делать совсем не нравится. Что будь Дженни его истинной парой, можно было бы дать благословение на подобный брак, а так — не поймут. Полукровка без способности к обороту плохая жена для вождя.

«Забудешь, — сказал отец. — У тебя впереди академия. Через шесть лет все будет иным. Шесть лет — это очень много в твоем возрасте, сын» И Чарли согласился. Показал себя взрослым, принял горькую пилюлю ответственности. Отрекся даже мысленно от рыжеволосого чуда.

Он попрощался с Дженни наскоро, неловко. Стараясь не замечать отчаяния в устремленных на него заплаканных глазах.

Боль от расставания смешивалась с радостным предвкушением.

Впереди ждала иная, взрослая жизнь.

Она оказалась интересной, но куда более сложной, чем та, в синих холмах на земле Маккензи. Там слово Чарли было непререкаемым авторитетом среди ровесников, здесь уважение приходилось завоевывать с нуля.

В клане ничего нельзя было утаить любое событие становилось достоянием сообщества. Любую твою ошибку могли припомнить и двадцать, и сорок лет спустя, чтобы попрекнуть в споре. Да ладно твою. Твоего отца или деда. В столице никому ни до кого не было дела. Слишком много людей и нелюдей, все куда-то спешат, всем наплевать на всех.

Можно прожить десять лет и не узнать, как зовут соседей.

Чарли с головой нырнул в суетную, кипящую студенческую жизнь. Сотни новых имен и лиц, новые правила. То, что было раньше значимым и правильным, в городе стало несущественным. То, что осуждалось отцом и старейшинами, считалось постыдным, сделалось нормальным, естественным.

Когда отец год спустя спросил, как теперь Чарли относится к Дженнифер, наследник заверил его, что совершенно переболел детским увлечением. И это было правдой... Ну, почти правдой. Потому что Дженни стала еще красивее за прошедший год. И глядела на него все с таким же ожиданием и восхищением, все так же ожидая от Чарли первого шага.

Только память об отцовских словах, понимание, что он не сможет предложить ей ничего больше, чем короткий студенческий роман, не давало оборотню сделать этот самый шаг.

Будь на ее месте любая другая, он бы не стал сдерживаться.

Но это была Дженни. Женщина из его клана, подруга детства, почти сестра. Он не мог так с ней поступить. Поэтому оставался рядом с ней — другом, родственником, вожаком. И с тайной гордостью сознавал, что он по-прежнему единственный и главный мужчина в ее жизни.

До того, как появился Раум ди Форкалонен.

А вот и он — легок на помине. Сидит в углу со стаканом и неизменной сигарой.

— О, малыш Чарли, — демон насмешливо скривил губы. — Ты все-таки пришел? Отрадно.

Чарли остановился, меряя демона неприязненным взглядом.

Больше всего ему хотелось врезать наглому беловолосому гаду.

Разбить губы в кровь, выбить парочку зубов. И популярно объяснить, чтобы держался от Дженни подальше.

Но увы — Раум ди Форкалонен вряд ли позволит себя безнаказанно ударить.

— Я хотел разговора наедине, — он обернулся на сидевших за ближайшим столом товарищей по клубу. Как назло, сегодня в «Счастливой семерке» был аншлаг. Все столы заняты, официанты с ног сбивались, пытаюсь успеть с заказами.

— Тогда пойдем, — демон поднялся с этакой элегантной расхлябанностью и поманил Чарли за собой.

Глава 18

Демон повел его куда-то в глубь клуба, где Чарли не доводилось бывать раньше. Они прошли общий зал, поднялись по лестнице и попали в коридор, похожий на интерьер недешевой гостиницы. Ковровая дорожка и двери, снабженные панелями с магическим кругом. Демон приложил руку к ближайшей. Контур октаграммы вспыхнул, и дверь приглашающе приоткрылась.

— Вип-комнаты, — пояснил Раум в ответ на вопросительный взгляд Чарли. — Их бронируют, когда не хотят, чтобы посторонние знали о деталях игры.

«Значит, Раум забронировал ее для нашего разговора заранее», — мгновенно сообразил оборотень. И нахмурился.

Внутренность комнаты полностью соответствовала ее предназначению. Овальный стол, нераспечатанные колоды карт в деревянной коробке, кресла, пепельницы и мини-бар в углу. Уютно, неярко и ни одна деталь не отвлекает от игры.

Демон опустил в ближайшее кресло, закинул ногу на ногу и со словами: «Излагай, малыш Чарли» потянулся к коробке с сигарами.

Оборотень выдохнул. Сейчас. Сейчас он задаст вопрос, и обратно пути уже не будет... — Почему ты отдал расписки Дженни? — А, — Раум поднял голову, одарив собеседника насмешливым взглядом. — Так она тебе не сказала? И снова вернулся к сигарам.

Чарли исподлобья смотрел, как ди Форкалонен обрезает кончик, как прикуривает, выпуская облако густого дыма.

Ядреный запах табака поплыл в воздухе, раздражая чувствительное обоняние оборотня.

— Попробуй включить логику, малыш, — добродушно закончил демон. — Наверное, она смогла предложить что-то взамен. Что-то такое, за что не жалко отдать восемьсот тысяч.

Чарли выдохнул, чувствуя, как почти теряет самоконтроль от бешенства — поведение совершенно недопустимое для будущего главы клана. Все подозрения и предположения, которыми он мучился последние дни, внезапно обрели плоть, материализовались в облике наглого беловолосого демона.

Захотелось убить сволочь, разорвать голыми руками.

Оборотень оскалился, показывая клыки и глухо зарычал.

— Ну-ну, разрывался он, — демонстрация неприязни Раума несколько не напугала. — Где ты был, такой грозный, когда девочка пришла ко мне просить за тебя? И почему отпустил ее одну? Эти слова были подобны удару по лицу. Заслуженному удару.

Чарли сгорбился. Ревность, гнев, желание защитить и нестерпимая вина и стыд за собственную трусость жгли изнутри, подобно кислоте.

— Я не знал... — И конечно не догадывался? — с улыбкой закончил демон. — Плохо быть таким наивным, малыш Чарли. Недопустимо.

Сквозь стыд и вину снова пробилось глухое раздражение. Да, Чарли виноват! Но он виноват перед Дженни, так по какому праву эта беловолосая сволочь упрекает его?! — Что ты заставил ее сделать? — Заставил, — Раум выразительно приподнял бровь. — Ты меня с кем-то путаешь. Я не заставляю девочек. Обычно в этом нет нужды.

— Не важно! Что она сделала за расписки? — с упрямством мазохиста переспросил наследник Маккензи.

Пусть ди Форкалонен скажет это вслух. После этого... нет, Чарли не вызовет его на дуэль — это бесполезно, даже самый слабый демон способен не особо напрягаясь разорвать любого оборотня на кровавые клочья. Да и в том, что случилось вины самого Чарли куда больше.

Он просто пойдет и женится на подруге детства. И никогда, никогда в жизни ни словом, ни жестом не попрекнет Дженни в том, что ей пришлось сделать.

Отцу придется смириться. А что до ответственности перед кланом... Возможно, вот она —

настоящая ответственность.

Искупить последствия своей глупости, взять на себя заботу о девушке, которая спасла его.

— Думаю, если Дженни не захотела посвящать тебя в наш общий маленький секрет, то и мне не следует, — когда демон произнес имя Дженни, по его губам скользнула странная мечтательная улыбка. — Это все, чего ты хотел, малыш Чарли? — Не все! Я хочу, чтобы ты оставил девушку в покое! — Хоти дальше.

— Я серьезно, ди Форкалонен! — Я тоже, Маккензи, — Чарли не поручился бы, но на мгновение ему показалось, что за дико раздражающей улыбкой демона скрывается злость. Нешуточная, ничуть не меньшая, чем испытывал сам оборотень. — Ну, или можешь попробовать заставить меня держаться от нее подальше. Я с интересом понаблюдаю за твоими попытками.

— Зачем она тебе? Ты же получил, что хотел! — Она мне нравится, — Раум прищурился. — Дженни-огонек. Не думаю, что она подходит тебе, Маккензи. В отличие от тебя, у малышки есть яйца.

— Достаточно! — взревел Чарли, вскакивая.

Он убьет этого ублюдка! Просто порвет на части! — Хочешь вызвать меня, Маккензи? — демон тоже встал. В его глазах вспыхнула злая радость. — Давай! Я даже отдам тебе право первого удара.

Оборотень несколько раз медленно вдохнул и выдохнул, разжал кулаки и снова сел.

— Я не самоубийца, — горько ответил он. — Будь у меня хоть один шанс из ста, я бы вызвал тебя, ди Форкалонен. Я тебя ненавижу.

— Что-то часто в последнее время я слышу эту фразу, — задумчиво пробормотал демон. — Жизнь определенно удалась.

Ладно, Маккензи. В бездну дуэль, как насчет покера? — он потянулся к деревянной коробочке на столе.

— Я больше не играю.

— Один раз, — демон ищущим образом улыбнулся. — Решим наши разногласия по-джентльменски, Маккензи. Проигравший уйдет с дороги победителя и не станет докучать Дженни своим вниманием.

Оборотень сглотнул. Перспектива избавиться подобным образом от ди Форкалонена показалась на диво привлекательной. Одна удача, одна счастливая комбинация, и проклятый демон исчезнет из их с Дженни жизни. И все будет по-старому... Не будет. Потому что прошлого не переписать. И то, что он сделал, когда проиграл огромные деньги, и то, что сделала она, когда пошла к ди Форкалонену, чтобы выкупить их своим телом, навсегда останется между ними. Детской дружбы не вернуть, а Чарли по-прежнему виноват перед девушкой.

Но все же, если Раум перестанет маячить рядом постоянным напоминанием, станет легче.

Сможет ли он выиграть у демона? В первые дни в клубе Чарли шла карта. Новичкам везет, и он не стал исключением.

Легкие деньги — впервые так много. Не нужно вспоминать о рачительности и ответственности всякий раз, когда лезешь за кошельком, можно просто тратить. На себя, Дженни, угощать приятелей в пабе за свой счет.

Все ли везенье кончилось в ту роковую ночь? Или немного еще осталось? Совсем чуть-чуть, на одну игру, на самую главную игру.

А если он проиграет? Тогда Дженни останется одна. Никто не поддержит ее, не даст совета, не защитит от беловолосой сволочи.

Соблазн был велик, ему почти невозможно было сопротивляться. Раум — хороший игрок, но если речь всего об одной партии удача решает больше, чем все умение блефовать.

И в одной-единственной игре Чарли вполне может пойти карта... — Нет, — глухо выдавил

Чарли. — Я поклялся, что больше не сяду за стол.

— Надо же: какой правильный мальчик. Выполняет обещания, — с издевкой протянул демон. Он не изменился в лице, разве что глаза зло сощурились, но Чарли показалось, что Раум разочарован его отказом.

— Я тоже выполняю свои, Маккензи.

Обещаю, что не отступлю и не исчезну. Ты же видел: я нравлюсь рыженькой. А она такая хорошая, искренняя, правильная девочка. Готова сделать для любимого что угодно.

Как думаешь: сколько времени пройдет прежде чем она станет полностью моей? — он в упор посмотрел на Чарли и спросил с явным намеком в голосе.

— И что я тогда заставлю ее делать для своего удовольствия? В груди что-то тоскливо сжалось и оборвалось. Никогда в жизни наследник Маккензи не чувствовал себя настолько беспомощным.

— Если ты ее обидишь, если хоть пальцем тронешь, — проговорил он, бессильно сжимая кулаки, — от я... — То ты будешь смотреть на это и жевать сопли, — насмешливо оборвал его Раум.

— Потому что ты трус, Маккензи.

Трус и нытик.

Это стало последней каплей. Оборотень взревел и бросился на врага, на лету превращаясь в волка. Клацнули зубы, почти смыкаясь на незащитном горле, когти коснулись кожи, раздирая в клочья одежду... «А ведь если я убью его, меня посадят», — мелькнула несвоевременная и дурацкая мысль, — «Вызова на дуэль по всем правилам ведь не было» В следующее мгновение мир вокруг взорвался болью. Чарли полетел в сторону, ударился спиной о стену и сполз по ней, тщетно пытаясь вдохнуть.

— Дурак ты, Маккензи, — бросил Раум, с досадой изучавший разорванный рукав. Проступивший на коже узор из серебристо-белой чешуи медленно исчезал. — В следующий раз я тебя убью, так что если хочешь жить, лучше не попадайся мне на глаза.

Чарли со стором перевернулся, потянулся ощупать живот и удивился, не обнаружив крови. Ему казалось, что демон одним ударом превратил его внутренности в кровавый фарш, но нет.

Похоже, он даже не был ранен.

Демон дернул за шнур вызова прислуги и приказал появившемуся мгновением спустя в дверях работнику: — Мы тут немного порезвились. Регенератор и новый костюм для мистера Маккензи. Размер, — он бросил короткий взгляд на Чарли. — Шестнадцатый должен подойти. Стоимость запишите на мой счет. И ремонт тоже.

«Какой ремонт?» — вяло удивился Чарли. А потом поднял голову и увидел проломленную настенную панель над головой.

Раум снова опустился в кресло и взялся за еще дымящуюся сигару.

— А ты не такой трус, как я думал, Маккензи, — продолжил он светским тоном. — Но ты дурак. Если бы я был на твоём месте, я бы промолчал. А потом подстроил бы несчастный случай.

Драться честно — глупо. Особенно с тем, кто сильнее тебе в несколько раз.

Чарли попытался что-то ответить, но из горла вырвался только полуприглушенный хрип. Вдохнуть удавалось через раз, хорошо хоть жгучая режущая боль в животе медленно отступала.

Демон успел выкурить еще одну сигару, а Чарли более-менее прийти в себя и даже найти силы, чтобы сесть, прислонившись к стене, когда вернулся слуга. На подносе в его руках лежала запаянная ампула с лекарством, шприц и новехонький мужской костюм — зеленый жилет, брюки, белая рубашка. Костюм один в один повторял униформу работников клуба, но без нашитой на груди и спине золотой цифры семь и золотого галстука.

— Надеюсь, ты сделаешь верные выводы из этой ситуации, — подвел итог Раум, набирая

регенератор в шприц.

— А ну запрокинь шею! Чарли стиснул зубы, но послушался, позволяя врагу оказать себе первую помощь.

— Минут через десять станет легче. Через полчаса будешь, как огурчик, — демон запанибратски хлопнул его по плечу, заставив глухо застонать от боли.

— Прости, но сидеть все это время мне с тобой недосуг. Подумай о том, что я сказал, Маккензи. Я оставляю Дженни в покое только если проиграю или умру. Так что если все же решишь защитить ее от плохого парня, ты знаешь, где меня найти.

Несмотря на боль, Чарли выругался сквозь зубы. О да — он отлично понял все, что хотел сказать демон. У Чарли только два пути остановить его — сыграть и выиграть. Или подстроить несчастный случай для Раума.

Два пути и оба слишком рискованные. Слишком велик риск, слишком много теряешь в случае проигрыша.

Но что, если есть третий путь?

Глава 19

Визит в клинику получился неожиданно дорогим удовольствием, пришлось наполовину опустошить свой счет.

Можно было сэкономить, посетив муниципальную больницу рангом пониже, в которой Маккензи обслуживались по договору клановой страховки. Но тогда информация о ее обращении рано или поздно легла бы на стол к жожаку. А Дженни отчего-то очень не хотелось, чтобы родные знали о причинах, побудивших ее пойти к доктору.

Ну и сервис в «Нью-Эбор Мемориал Госпиталь» был не чета муниципальному. Никаких тебе очередей из страждущих в зале регистрации. Ремонт, как в дорогом отеле, а чистота такая, что с пола можно есть.

И ждать пришлось не больше двух минут. Дженни даже устроиться на кожаном диванчике не успела, как подошла медсестра чтобы проводить ее в приемный покой.

Целитель оказался молодым и весьма привлекательным. А еще он был оборотнем — типичным степным волком с темно- русыми волосами, карими глазами и округлым внушающим доверие лицом.

Поняв это, Дженни испытала одновременно облегчение и смущение. Кому как ни оборотню разбираться в физиологии сородичей? Но с другой стороны: вдруг он окажется знакомым кого-то из Маккензи? Это только кажется, что империя огромна и народу в ней немерено. А на деле главы кланов регулярно встречаются и неплохо знают друг друга. И вот совсем не улыбается мысль, что однажды на какой-нибудь межклановой сходке всплывет неуместное влечение полукровки Дженнифер Рейд к демону.

«Доктор Иэн Мактулл» — сообщил бэджик на груди целителя.

Дженни попыталась вспомнить все, что слышала о роде Мактуллов. Кажется, их земли располагались далеко на юге, а сам клан занимался в основном разведением лошадей... Далеко же занесло этого Иэна от родных прерий.

— Проходите, юная леди, не стесняйтесь. На что жалуетесь? Она выдохнула и решительно закрыла дверь. Все равно с реакцией на Раума надо что-то делать. Если демон использовал какой-то афродизиак, она должна знать об этом. Чтобы иметь возможность себя защитить.

— Я хочу гарантию, что все, что здесь прозвучит, не покинет пределы клиники, — произнесла Дженни, усаживаясь напротив целителя и протягивая ему выписку из своей медицинской карты.

Должно быть, фраза прозвучала резковато, потому что на лице оборотня мелькнула обида.

— Пункт о неразглашении вписан в контракт, — сухо сказал он.

— Разумеется, если вы совершеннолетняя, и речь не идет о нарушении закона.

Дженни облегченно выдохнула.

— Нет, никакого нарушения. Простите... Мне важно, чтобы родные не узнали, что я здесь.

— Мы делаем тесты на отцовство, предоставляем донорский репродуктивный материал, наблюдаем тайные беременности, и ни одна клиентка пока не имела оснований жаловаться на разглашение конфиденциальной информации, — он с намеком посмотрел на Дженни. — Кроме того, у нас лучшие специалисты по прерыванию нежелательных беременностей в округе. Процент осложнений рекордно низкий по сравнению с другими клиниками.

Она вспыхнула.

— Нет, вы все не так поняли! Мне не нужен аборт! Целитель доброжелательно кивнул — Рассказывайте.

— Я просто... Ну... Я странно реагирую на одного мужчину... — это прозвучало как-то не так. Неправильно. Слово Дженни не описывала врачу симптомы болезни, а жаловалась Вэл за баночкой пива.

Ее собеседник заметно поскущел.

— Это не по моему профилю, девушка. Вам нужно к мозгоправу.

— Нет, подождите! — она умоляюще вскинула руки. — Это не то! Я совсем не могу себя контролировать, хотя он мне отвратителен... — тут она сбилась и смутилась — все-таки «отвратителен» слишком сильное слово, именно отвращения Раум ей никогда не внушал. Разве что злил, раздражал, заставлял себя опасаться.

Дженни помотала головой, выпрямилась и твердо закончила, глядя в глаза целителю: — Мне кажется, он чем-то воздействует! Может, ментальная магия. Или какие-нибудь духи с феромонами! На лице специалиста по прежнему был написан крайний скепсис.

— Вы давали ему присягу на крови? — Н-н-нет.

— Тогда ментальное воздействие исключено. Грубый взлом сознания невозможно произвести совершенно незаметно, юная леди. А духи с феромонами — чушь. Не больше, чем миф.

— Я не знаю, что он со мной делает, — со злостью сказала Дженни. — Но мне это не нравится. И вы должны выяснить, что происходит. Вы специалист? Если да, то не имеете права так просто отмахиваться от моих проблем. В конце концов, я плачу вам деньги... Целитель снисходительно улыбнулся.

— Милая леди, именно ваши деньги я и пытаюсь сэкономить.

Медицина — это серьезная магическая дисциплина, не надо превращать ее... — Вы хоть историю болезни мои прочтите, — перебила его Дженни, уже не пытаясь быть вежливой.

Удивительно, но сработало. Целитель уткнулся носом в выписку. Несколько минут молчания, а потом изумленный выдох.

— Вы из клана Маккензи? — Да. Полукровка.

— Это многое объясняет, — он больше не выглядел снисходительным. Теперь мужчина щурился, меряя ее пристальным взглядом. — Должен попросить прощения. Ваша внешность... — Все в порядке, — резче, чем стоило бы, оборвала его Дженни. — Я привыкла, что моя внешность вводит в заблуждение. Но я волчица. По крайней мере наполовину.

Он кивнул.

— Думаю, я знаю, в чем причина вашей проблемы. И да — вы пришли по адресу.

Внутри что-то тоскливо сжалось. Значит, она была права. Ди Форкалонен воздействовал на нее каким-то образом. Наверное так, как можно действовать только на оборотней... — С-с-скотина! Я так и знала! — Дженни стиснула кулаки.

— Нет, ваш молодой человек здесь не при чем, — отмел целитель ее инсинуации. — Но давайте не будем торопиться.

Сейчас вы сдадите анализ на гормональный статус. Если результат окажется положительным, я расскажу вам, что происходит и что с этим нужно делать.

— Да что со мной?! Пожалуйста! Я же теперь не засну! — взмолилась девушка, но целитель только покачал головой.

— Мы не ставим диагнозов без анализов — это не моя прихоть, а правило клиники! В прошлом году в «Империял Госпиталь» мой коллега имел неосторожность огласить свои догадки пациенту, который так впечатлился ими, что не нашел ничего лучше, чем покончить с собой. Когда провели эксгумацию и предварительный диагноз не подтвердился, родственники погибшего отсудили у госпиталя сумму с шестью нулями. Так что никаких непроверенных предположений. Приезжайте на следующей неделе, когда у меня на руках будут результаты.

*** Вместо того, чтобы вызвать такси сразу к входу в клинику, Дженни решила пройтись. На душе было беспокойно, даже мутно. Визит к целителю разбудил какие-то глубинные страхи, а его нежелание хотя бы намекнуть, что с ней происходит, заставляло нервничать еще сильнее.

И небо было под стать настроению — стремительно темнеющее, в обрывках свинцовых туч. Воздух пах влагой и морем. Ветер налетал, толкал в спину, в бок, дергал за полы плаща.

«Кажется, собирается дождь», — меланхолично подумала девушка.

Дождь Дженни любила. Было в неспешных прогулках под падающими с неба каплями что-то умиротворяющее. Кроме того, она прихватила с собой зонтик, и совершенно не боялась вымокнуть. Поэтому девушка только подняла воротник плаща повыше и решительным шагом направилась в сторону от центра.

Несмотря на то, что время едва приближалось к трем часам пополудни, из-за туч на улицах было сумрачно. Ей не встретилось других прохожих, как бывало в погожие деньки, только редкие автомобили пролетали мимо, выхватывая фарами в окружающем пейзаже то крыльцо с кованными перилами, то обветшалую вывеску скобяной лавки.

А потом ветер задул равномерно и сильно, где-то вдали сверкнула вспышка — белая, с прозеленью. И в небесах громыхнуло.

«Начинается», — подумала Дженни, раскрывая зонтик.

И действительно началось.

Разверзлись хляби небесные, выпуская бурные потоки, ледяные водопады. По асфальту, брусчатке потекли полноводные реки. Мгновенно стемнело, словно ночь упала на город, обняла его своими иссиня-черными крыльями, и только в небесах грохотала и вспыхивала ослепляющими рядами суровая осенняя гроза.

Ветер, до этого дувший в спину, вдруг коварно сменил направление, набросился спереди, рванул из рук зонтик, ломая тонкие спицы. Дженни возмущенно взвизгнула, чувствуя, как плащ и платье под ним неудержимо промокают. Она за озираясь в поисках хоть какого-то укрытия, увидела в конце улицы крыльцо, со слабо светящейся над ним вывеской и помчалась со всех ног к нему.

До убежища было недалеко, но за те несколько минут, что она бежала, девушка умудрилась вымокнуть до белья. Она влетела на крыльцо, дернула на себя дверь и ввалилась внутрь.

И только потом огляделась.

Ничего себе куда ее занесло! Грязный заплыванный пол уводил в полутемный зал. В сумраке маячили колченогие столы, за которыми виднелось несколько потертых жизнью мужчин с испытанными лицами.

Обшарпанная стойка, изрезанная нецензурными ругательствами, и на всем налет дешевизны, бедности и вульгарности.

Бар на окраине. Место, где заводские работяги между сменами на заводе цедят разбавленное пиво или дешевый виски и жалуются друг другу на жизнь. Кто бы мог подумать, что в рафинированной и чистой столице тоже есть подобные заведения? В детстве Дженни рассмотрела на них достаточно. Ее отец любил проводить время в подобных местах, спуская и без того скудный заработок на выпивку. И не считал нужным отказывать себе в удовольствии по тем дням, когда у жены была работа в ночную смену. Но какое-никакое чувство ответственности не позволяло ему оставить малолетнюю дочь дома одну. А может дело было в том, что другие забулдыги при виде прехорошенькой девочки с косичками смягчались и охотнее угощали выпивкой.

В нос ударило памятное по детским годам амбре, характерное для подобных мест. Смесь кислой вони от пролитого пива, запаха невымытых дел и дешевого табака. Запах бедности и злости. И сразу вспомнилось все так, словно это было вчера. Пропитанный дымом воздух, жаркая и влажная южная ночь, хриплые грубые голоса, ругающие начальство, жен, детей, правительство. Грязные слова, которые она потом долго отучалась вставлять в речь по делу и не по делу.

И ноги. Она почти не помнила лиц отцовских собутыльников, зато ноги в потертых штанах и грязных сапогах помнила отлично. Игрушек в баре, понятное дело, не было, да и отец забывал о дочери, как только переступал порог заведения, поэтому Дженни пряталась под свободными столиками, играя в храбрую охотницу.

Как-то раз ее извлекли из-под стола и налили пиво. Вид семилетней крохи, которая с умиленно серьезным видом пробует выпивку, так насмешил работяг, что они расщедрились на целую кружку. Вывернуло ее уже дома, прямо в прихожей.

Так мама узнала, где они с папой проводят вечера. Кажется, это был первый раз, когда мама повысила на отца голос. Тогда же он впервые поднял на нее руку... Как же им повезло, что

однажды вечером, возвращаясь из паба пьяный до свинского состояния Джеральд Рейд подскользнулся на мостике, упал в реку и утонул. И как хорошо, что клан принял обратно и свою блудную дочь, и ее рожденное на человеческой земле от человеческого мужчины дитя.

Появление насквозь мокрой девушки со сломанным зонтиком в руках не могло не привлечь внимания. Дженни почувствовала, как на ней скрестились взгляды сидящих мужчин и попятилась.

Девушка нащупала ручку двери и замерла, вспомнив о бушевавшем на улицах Нью-Эбора шторме. Выходить снова под ледяной дождь и шквальный ветер не хотелось. Да и не съедят же ее эти забулдыги, в конце концов! Ей давно не семь лет, она взрослая женщина — маг и волчица. И вполне способна постоять за себя.

Поэтому она решительно отлипла от двери и направилась к стойке, но взглянув на бармена снова впала в ступор.

Человеком он определенно не был — не бывает у людей таких желтых глаз, не бывает светящихся зрачков. Но разве станет волк держать подобный гадюшник? Девушка повернулась в зал, уже внимательнее вглядываясь в посетителей. Поджарые, крепкие, даже несмотря на испитые лица. Недостаточно крупные и мускулистые для волков, но все как один желтоглазые. Оборотни? Рябому бармену надоело ждать. Он ощерился, показав кривые желтые зубы.

— Чего тебе, красотка? Голос тяфкающий, отрывистый. Если прикрыть глаза, его легко можно спутать с лаем пса. Или... Ну конечно! Могла бы сразу догадаться! Шакалы... Их еще порой называли «помойными волками», хотя сами волки страшно обижаются на подобное прозвище.

Отребье. Позор расы оборотней — вороватые, трусливые по одиночке и наглые, когда сбиваются в банды, они не делились на кланы и не имели родовых земель. Жили преимущественно в крупных городах, где грабили, бездельничали, задирали мирных работяг и торговали наркотой. Даже другие оборотни старались лишний раз не заходить в шакальи районы. Вот ведь занесла нелегкая! Но сбежать сейчас — выказать страх. Шакалы чувствуют его и звереют. Сбегаются, как акулы на запах крови.

— Пива, — решительно сказала Дженни. Сойти за свою у нее вряд ли получится, но если она сядет у стойки с кружкой, может, остальные не станут к ней цепляться? От бледно-желтой жидкости пахло аммиаком. Аж язык зачесался спросить: «Вы случайно туда не помочились?», но девушка сдержалась. Брезгливо подхватила кружку за скользкую, словно покрытую жиром, ручку и отползла к краю стойки.

Все-таки избаловали ее Маккензи. Клан нельзя было назвать богатым, но волки уважали себя, поэтому никогда не стали бы пить в подобном месте. Или держать подобное место. Если волк делает что-то, он делает это хорошо. Даже если это «что-то» всего лишь пиво, пиво будет отменным.

Ладно, никто не заставляет Дженни пить эту жидкость. Она просто тихонько посидит над кружкой, дождетя окончания шторма и так же тихонько ускользнет.

Лишь бы знакомиться никто не полез.

Глава 20

Надежда, что Дженни оставят в покое, не оправдалась. Не прошло и пяти минут, как рядом нарисовался один из посетителей. Молодой и по меркам шакалов даже симпатичный. Регулярное пьянство еще не успело оставить следов на его лице, да и одежда, пусть не новая, выглядела не такой затрапезной, как у других забулдыг. Рубашка новая, без пятен. Кепка на голове лихо сдвинута набекрень, квадратный подбородок в мужественной трехдневной щетине.

— Привет, красотуля, — просюсюкал он, небрежно облакачиваясь на стойку. — Скучаешь? — Не скучаю, — она одарила его хмурым взглядом. — И в компании не нуждаюсь.

Такой холодный прием ничуть не смутил мачо районного масштаба.

— Шутишь, красотуля, — заявил он, устраиваясь на соседнем стуле со своей кружкой. — Бобби, ее выпивка за мой счет.

— Я сама за себя заплачу, — Дженни решительно опустила монету на стойку, но бармен проигнорировал этот жест и кивнул приставале.

— Как скажешь, Сэм.

— Эй! — она почувствовала, что начинает заводиться. — Мне не нужно угощений! Она и в рот брать эту кислотину, которую здесь выдают за пиво, не собиралась! — Да ладно, чего ломаешься? — он склонился обдавая Дженни убойной смесью запахов табака, пота, пива и дешевого одеколona. — За знакомство.

Он ткнул своей кружкой в посудину Дженни. Глина глухо стукнула о глину, и бледно-желтая жидкость выплеснулась на стойку.

— Я — Сэм Корби. А тебя как звать? — он смерил Дженни жадным взглядом и облизнулся. — Рыженькая... — Я из клана Маккензи, парень, — мрачно сообщила ему Дженни. — И тебе лучше, отстать, если не хочешь неприятностей с волками.

— Ты?! — мужчина хохотнул и фамильярно приобнял девушку за плечи. — Ой да не свисти.

Рефлексы сработали сами собой. Волна силы прокатилась по телу, отдалась жаром и покалыванием в ладонях и с пальцев сорвалась трескучая молния, шибанув наглого пьянчугу.

Дженни вывернулась из объятий, развела и вскинула над головой руки, пуская между разведенными ладонями ветвящуюся электрическую дугу.

Простенький фокус на уровне первого курса. Причинить серьезный вред такой разряд неспособен, но смотрится угрожающе и эффектно.

— Не подходи, — процедила она.

Но против ожидания шакалы не шарахнулись с суеверным испугом в стороны. Сэм сплюнул и потряс пострадавшей конечностью.

— Ах ты, дрянь... Бобби! — Ага, — бармен дернул рычаг сбоку от стойки и искрившая в руках молния вдруг погасла, придавленная антимагическим щитом. — Никакой магии в моем баре, дамочка.

— Наглая какая, — пробормотал Сэм, меряя девушку недобрым взглядом. — Типа крутая, да? Придется поучить.

Со стульев поднялось еще несколько мужчин и встали рядом с ним, меряя девушку похотливыми взглядами. Дженни отступила, озираясь. Как назло, единственный выход находился за спинами пьянчуг.

Они не приняли ее всерьез. Решили, что Дженни — человек, подруга кого-то из оборотней, поэтому и повели себя так нагло. И можно не сомневаться, что живой ее отсюда уже не выпустят. Чтобы не побежала жаловаться в клан, не привела волков. Какими бы самоуверенными и наглыми не были местные шакалы, они знают, что волки не прощают, когда обижают их женщины.

Взгляд перебежал с одного искаженного предвкушением лица на другое. Вот бы обернуться

сейчас! В схватке один волк может поспорить с несколькими шакалами. Даже если ей не удастся победить, живой она им не достанется.

Вот только Дженни не умеет обращаться. Не дано.

В ответ на эти мысли внутри что-то вспыхнуло, царапнуло, как бывало порой в юности, когда Дженни еще надеялась, что предок придет к ней, чтобы подарить свой облик. Когда часами вглядывалась в луну, тщетно выкликая своего зверя.

Царапнуло и замерло. Показалось? — Бобби, запирай дверь, — распорядился Сэм, подступая ближе к девушке. — Я буду первым.

— Покажем волчьей подстилке, что такое настоящие мужчины, — хихикнул один из шакалов за его спиной. Бармен направился к двери.

Впервые за весь вечер Дженни стало страшно. Она вдруг поняла, что находится одна, где-то на окраине столицы, почти в трущобах. Никто не знает где она, не придет сюда искать ее в случае чего. Если эти мерзавцы сейчас изнасилуют и убьют ее, а труп скинут в реку, им скорее всего даже ничего не будет.

Она забормотала формулу, снимающую антимагический щит, сбилась, снова начала и снова сбилась. Плетения как назло вылетели из памяти. Блокирующие чары и контрмеры у них шли факультативом, да и зачет добряк-магистр тогда поставил автоматом всей группе... Девушка еще попятилась, прихватив по дороге стоящую на столе пустую кружку и швырнула в шакала. Он не успел уклониться, тяжелая глиняная посуда врезалась в лоб и разлетелась на осколки. Из пореза брызнула кровь, но Сэм не потерял сознание, как надеялась Дженни. Наоборот взревел от бешенства.

— Сука-а-а! Убью-ю-ю! Он рванул к ней, и Дженни вскинула руки, готовая царапать, кусаться, драться до последнего. Но это не потребовалось.

У входа что-то вспыхнуло, прогремел взрыв и дверь разлетелась на мелкую щепу. В бар ворвался ветер, принес запах дождя и свежести. Мужская фигура в костюме и шляпе перегородила проем.

— Ай-ай-ай. Нехорошо выражаться при девушках, — послышался насмешливый мужской голос, и в помещение шагнул Раум ди Форкалонен.

*** Мужчины остановились. На не отягощенных интеллектом лицах мелькнул страх. Но поняв, что неожиданный защитник пришел один, да и не выглядит слишком грозным, расслабились.

— Ты что за хрен? — с вызовом поинтересовался бармен.

— А ты как думаешь, пес? — демон спустился в зал и остановился, оглядывая всех присутствующих с недоброй улыбкой.

Это по детям стихий издалека видно к какой расе они относятся. Сейчас, когда шляпа скрывала рожки на голове, глаза были единственным, что выдавало в ди Форкалонене его нечеловеческую суть.

Вряд ли завсегдатаям убогого бара приходилось встречать вживую кого-то из высших демонов. Но шакалы как никто другой умели чувствовать чужой страх и чужую силу.

Окружавшая Раума аура самоуверенности смутила их куда сильнее костюма «от кутюр». Они снова переглянулись, словно спрашивая друг друга кто этот тип и почему ведет себя так, словно все вокруг — его собственность.

В первое мгновение при виде демона сердце Дженни замерло, а потом заколотилось в сумасшедшем ритме. Если бы ей кто-то полчаса назад сказал, что она будет рада, даже не просто рада — счастлива — появлению Раума, она бы сочла, что предсказатель бредит. Но каким же облегчением было видеть его здесь! А уже в следующую минуту она поняла, что наследнику рода ди Форкалонен совершенно нечего делать в трущобах на окраине города, и он никак не мог случайно забрести в подобное место. Если только не следил за кем-то.

— Заблудился, ди Форкалонен? — насмешливо спросила девушка, стараясь не выказывать ни радости, ни злости, которую ощутила при мысли, что демон преследует ее. — Или просто зашел выпить местного пива? На этих словах шакалы отчетливо сбледили с лица и отступили поближе к стеночке, стараясь не напоминать о себе.

Родовые имена самых именитых и могущественных демонов знали даже отбросы общества.

— Нет, — он смерил ее неожиданно тяжелым и недовольным взглядом, который совершенно не вязался с беспечным тоном и издевательской ухмылкой. — Я пришел забрать одну безмозглую девицу, которая шагу не может ступить без того, чтобы не влипнуть в неприятности.

«Безмозглую»? Да что он себе позволяет! — На что это ты намекаешь? — А ты как думаешь? — демон оскалился, и Дженни вдруг поняла, что он злиться на нее. Но с чего бы? Можно подумать, это она за ним следила, а не наоборот... Но додумать эту мысль она не успела, потому что демон в два шага преодолел разделявшее их расстояние и ухватил девушку за плечо.

— Ай! — это было больно. Хватка у Раума оказалась стальной.

— Пусти, ты мне руку ломаешь! — Сломаю, — согласился демон, прожигая ее взглядом. — И не только руку. И не только тебе. Немедленно в машину, сладенькая, — голос его сделался ласковым до приторности, и девушке стало страшно.

— А ты? — Я догоню. В машину, детка.

Раум грубо пихнул ее в сторону выломанной двери, откуда доносился шум дождя и тянуло влагой. Что-то, должно быть наконец включившийся инстинкт самосохранения, подсказало, что сейчас с демоном лучше не спорить. Дженни направилась к выходу.

У самого крыльца действительно стояла ярко-красная «Манतिकора». Ураганный ветер утих, но с неба все еще лило.

Девушка на мгновение помедлила, не решаясь шагнуть под холодные струи.

— Значит, любите трахаться, псы? — донесся из глубины бара голос Раума, до того вкрадчивый, что по спине пробежал холодок. — Тогда надо любить платить по счету.

А потом послышался грохот и полные боли крики.

Глава 21

Ожидание не затянулось надолго. Дженни даже не успела решить, что ей делать: вернуться за Раумом в бар, сбежать пешком по улице, надеясь затеряться за пеленой дождя, или все же сидеть в машине, как и велел демон.

Прошло не больше пяти минут, и дверь на месте водителя приоткрылась впуская вымокшего демона. Вид у него был уже не такой безупречный — одежда сидела кривовато, рукав был разорван по шву, а шляпу Раум успел потерять, однако в остальном не выглядел пострадавшим.

И правда — смешно же предполагать, что банда шакалов- пьянчуг способна причинить вред высшему демону.

— Ты как? — Дженни неловко улыбнулась, не зная как себя правильно вести с ним. С таким Раумом ей еще не приходилось сталкиваться.

Он лучезарно улыбнулся, превращаясь в себя прежнего — самоуверенного и насмешливого.

— Отлично, детка.

— Я слышала крики.

Демон удовлетворенно хрустнул костяшками пальцев.

— Так... поломал кое-что... и кое-кого. Не бойся, — уточнил он, заметив мелькнувший в глазах девушки страх. — Не до смерти.

Дженни вздрогнула. Ей ни на секунду не было жаль шакалов, но легкость, с которой Раум расправился с почти десятком сильных и здоровых мужчин, напугала. А еще больше напугала мысль, что ему за это ничего не будет, даже если жертвы пожелают призвать демона к ответу.

Демон легкомысленно щелкнул ее по носу.

— Пристегивайся, Дженни-идiotка. Поехали отсюда.

— Как ты меня назвал? — мрачно спросила девушка, защелкивая ремень. Движитель заурчал, заработали щетки, сметая с лобового стекла потеки воды. «Мантикора» двинулась сквозь дождь, скользя по безлюдным улицам Нью-Эбора словно гигантская рыба по дну океана.

— А как полагается называть девицу, которая приходит в самый гнусный бар Арлема, заказывает там выпивку, а потом хамит местным? Идиотка! В словах было куда больше правды, чем ей бы хотелось, но Дженни все равно надулась и мрачно уставилась на демона, но он даже не заметил ее возмущения. Струи дождя хлестали по стеклам, видимость была никак не дальше ста футов, поэтому Раум, не отрывал взгляда от дороги.

А у него привлекательный профиль — хоть на монетах штампуй. Правильные черты лица, в меру смазливые, в меру мужественные, с легким налетом порочности, который только добавляет демону привлекательности. Наглые глаза, высокие скулы, красиво очерченные губы. Дженни не к месту вспомнила, как потрясающе он умеет целоваться этими самыми губами. А потом вспомнила и все остальное, что он умел ими делать... И покраснела. Неужели она теперь при каждой встрече с ди Форкалоненом будет вспоминать тот вечер? Его близость, даже просто его присутствие выбивали из равновесия. Будили слишком много противоположных и сложных эмоций. Хотелось одновременно поблагодарить его и нахамить, сказать какую-то резкость.

— Повезло, что я случайно был рядом, — продолжал демон.

— Случайно? — самым ядовитым тоном, на который только она была способна, переспросила девушка. — Ври больше! Ты за мной следил! — Приглядывал.

— Ты знаешь, что это называется «преследование»? — разговор ушел в сторону от ее легкомысленного поступка, и Дженни почувствовала себя увереннее.

— Еще скажи, что подашь на меня в суд.

— И подам! И получу судебное предписание, запрещающее тебе подходить ко мне ближе, чем на триста футов! Угроза его не напугала.

— И как ты докажешь факт преследования в суде, сладенькая? Давай просто сойдемся на том, что тебе повезло. Я проходил мимо и решил спасти твою очаровательную задницу из очередной неприятности. Заметь: на этот раз совершенно бескорыстно.

— И ты будешь продолжать следить за мной? — Приглядывать, — демон пожал плечами. — Ну да. Я всегда приглядываю за своей собственностью.

— Собственностью?! — взвилась Дженни.

Смешанное с благодарностью еле уловимое раздражение мгновенно сменилось бешенством. Ди Форкалонен говорил о ней, словно о домашнем животном или какой-то безделушке.

Девушка почувствовала, как от ярости темнеет в глазах.

— Я не твоя вещь, — процедила она, всеми силами стараясь не показать клокочущее внутри бешенство. — Останови машину, я выйду.

«Манतिकора» давно выбралась из города и сейчас скользила по трассе. Ливень за окнами сменился мелким дождем, промокший осенний лес в серых сумерках за окнами внушал безотчетное уныние.

Но лучше шагать под дождем по обочине, чем сидеть рядом с Раумом в его машине. Дженни казалось, что само ее пребывание внутри «Манतिकоры» равносильно согласию с тем, что она теперь «собственность» демона. Она ощущала отчаянную, почти нестерпимую потребность сделать хоть что-то, чтобы показать свое категорическое несогласие. Доказать, что она вправе сама распоряжаться своей жизнью.

— Я не шучу! Раум, останови машину! Немедленно! Демон рассмеялся.

— Очень смешно, детка. Сиди смиренно, скоро приедем.

От беспомощности и злости на глаза навернулись слезы.

Нужно что-то сделать! Показать ему, что Дженни не позволит так с собой обращаться. Если она сейчас промолчит, позволит Рауму проигнорировать ее слова, он и дальше будет только смеяться над любыми ее требованиями. Она должна настоять на своем! Доказать, что она не вещь, не домашнее животное и не ребенок! Девушка решительно отстегнула ремень безопасности и дернула ручку двери.

Выпрыгивать из мчащегося на полном ходу автомобиля — опасный номер. Для человека он может стать смертельным, но Дженни все-таки оборотень. У нее отличная реакция, высокая регенерация, да и Чарли учил ее в свое время правильно падать. А рядом обочина, мягкая земля.

В салон ворвался сырой ветер, принес запахи дождя и прелой листвы. Дженни распахнула дверь шире, готовясь к прыжку... — Твою мать, ты что творишь?! Демон ударил по тормозам. Машина завилась на влажной дороге, и Раум, матюкаясь, вцепился в руль. Дверь захлопнулась, силой инерции Дженни откинуло на демона.

Она ударилась плечом о его локоть, автомобиль снова тряхнуло, а потом «Манतिकора» вылетела с шоссе в лес. Ее повело по раскисшей грязи, но демон невероятным усилием снова удержал управление. Машина проехала еще почти тридцать футов, каким-то чудом избежав столкновения с деревьями, с треском въехала в кусты и, наконец, встала.

В салоне воцарилась оглушительная тишина.

— Та-а-ак, — медленно и угрожающе протянул демон, выпуская руль из побелевших пальцев.

Он повернул голову, в упор посмотрел на Дженни, и девушка сглотнула, чувствуя, как внутри все смерзается в холодный липкий ком. Кажется, она никогда в жизни не видела ди Форкалонена в такой ярости. У него даже глаза полыхали сами по себе.

Она дернулась было в двери, но демон оказался быстрее. Он ударил рукой по рычагу и замки щелкнули, отсекая для Дженни путь к бегству.

— Детка, — его голос был нежным, прямо бархатным. — Из-за тебя я чуть не разбил свою машину.

Девушка отпрянула, вжалась в дверцу, не отрывая взгляда от мужчины рядом. Под его

разъяренным взглядом изнутри поднималось желание заскулить, словно провинившийся щенок. «Мантикора» стояла, чуть накренившись и зарывшись капотом в кусты. Все еще горящие фары высвечивали переплетение ветвей и пожухлых листьев, а за окнами стояла сумеречная угрожающая тишина. Где-то сбоку, футах в сорока, чернела пустая трасса. Ни звука, ни отсвета фар, встречных машин. Только капли дождя разбивались о стекла, оставляя мокрые дорожки.

Никого, кто бы мог прийти на помощь! Раум так же спокойно и медленно погасил фары, отстегнул ремень безопасности.

— И что мне с тобой за это сделать? — словно рассуждая вслух спросил он.

— Я не просила тормозить! — выкрикнула Дженни неестественно высоким голосом.

— Ну как же? — все с той же угрожающей лаской в голосе удивился демон. — Разве не ты кричала «останови машину», детка?! Стоило заткнуться, не спорить с ним, это было бы умнее всего. Но наглость, с которой демон извратил и вывернул наизнанку ситуацию, не дала смолчать.

— Машину не умеешь водить ты, а виновата я? Да и ничего с твоей «Мантикорой» не случилось. Ветками поцарапало.

Нет, он не взбесился в ответ против ожидания. Только улыбнулся, и от этого стало еще страшнее.

— Поцарапало, значит? — задумчиво переспросил демон.

И вдруг оказался рядом, совсем близко, нависая над ней.

Пальцы вцепились в волосы, притягивая Дженни ближе к его лицу, угрожающе светящимся красным глазам.

— Ты понимаешь, чем все это могло закончиться, детка?! — в лицо прошипел ей демон. — Если бы я не удержал руль?! Если бы нас снесло с дороги в дерево? Если мы были на повороте и десять раз перекувырнулись, а ты не пристегнута?! Он швырял ей в лицо вопросы, склоняясь все ниже, пока не уперся в ее лоб, покрытый холодной испариной.

— Ну, — Раум встряхнул ее, словно тряпичную куклу. — Понимаешь?! Девушка затравленно молчала. Каждая его фраза невольно вызывала перед мысленным взором соответствующие картины.

Только сейчас, почти десять минут спустя, ее настигло понимание, чем могла бы закончиться эта поездка, и Дженни затрясло от страха.

Даже демоны, бывает, погибают в автокатастрофах. А она — оборотень-полукровка. И она не была пристегнута.

— Прости, — признавать свою неправоту перед проклятым ди Форкалоненом было нелегко. Но нужно. — Я действительно виновата. Но ты должен был остановить машину, когда я просила! — Должен? — он оскалился. — Я ничего тебе не должен, детка.

Разве что отшлепать за непослушание.

— Что?! Ты в своем уме, ди Форкалонен?! — Ага, — злость в его глазах сменилась непонятым предвкушением. — Знаешь, в отличие от кузена Дэмиана я не любитель подобных игр. Но речь уже не об удовольствии, а о воспитательных мерах. Раз слова до тебя не доходят.

— Катись в бездну, грязный извращенец! Девушка попыталась было поднырнуть под его рукой, но пальцы сжались на ее волосах и дернули назад. Демон навалился на нее всем телом, прижимая к двери.

— Да, — повторил он так, словно эта мысль нравилась ему все больше. — Ты просто напрашиваешься, чтобы твою очаровательную задницу как следует выдрали, Дженни-непослушная-девчонка.

Глава 22

«Это бред, это не может быть правдой! Он меня просто пугает! А если нет? Богиня, если он это сделает, я убью его! Просто убью!» — панические мысли вспыхивали и гасли в сознании, тело трясло от дикой смеси страха, возмущения и злости.

Раум чуть отстранился, потянулся к рычагам, чтобы отодвинуть кресло, и Дженни поняла: вот он — момент, когда можно спастись, сбежать. Она размахнулась и ударила локтем в окно, вкладывая в этот удар все силы.

Это было больно. Нет, «больно» слишком простое слово. В руку чуть повыше локтя словно вогнали раскаленный гвоздь.

Девушка взвизгнула и захныкала, баюкая пострадавшую конечность.

Как она могла забыть, что машины класса люкс комплектуются заговоренными стеклами повышенной прочности! Богиня, только бы не перелом! Разве может быть что-то тупее, чем сломать себе руку в такой ситуации? — Идиотка! Мгновением спустя демон оказался рядом. Дженни почувствовала, как на запястьях и ногах затягиваются невидимые гибкие путы, приковывая ее к кожанному сиденью и зарычала. Над головой вспыхнул свет, Раум склонился над связанной жертвой.

— Что, решила не ждать пока я тебя отшлепаю и наказать себя самостоятельно, Дженни-сплошные-неприятности? — пробормотал демон. За насмешкой в его голосе слышалась тревога. Не обращая внимания на ее протестующие возгласы он срезал рукав платья. — Мда... повезло, что ушиб. Могло быть хуже.

Его руки ощупали пострадавшую конечность, сжались чуть выше локтя там, где уже наливался здоровенный синячище, и девушка повторно вскрикнула от боли.

— Отпусти меня! — Чтобы ты все-таки сломала себе что-нибудь? — демон осуждающе покачал головой и полез в аптечку.

Пока он наполнял шприц регенератором, Дженни злобно пыхтела, пытаясь освободиться. От ушибленного локтя по всей руке по-прежнему стреляли болезненные импульсы и каждое неловкое движение напоминало о сделанной глупости, но ощущение собственной беспомощности, несвободы, было нестерпимым. Как и мысль о том, что ди Форкалонен может воплотить в жизнь прозвучавшую угрозу.

— Шею, — приказал демон. Как Дженни ни была зла на него, она послушалась. В конце концов, это в ее интересах.

Кожу чуть кольнуло и по венам растеклось знакомое щекочущее ощущение. Но демон не удовлетворился принятыми мерами, открыл банку с мазью и бережно втер в место ушиба.

— Что это за дичь, детка? — продолжал он, как ни в чем не бывало. — Тебе так приспичило сломать себе руку? — Я хотела выбить стекло! — Если бы выбила, еще бы и порезалась, — он осуждающе покачал головой. — Совсем больная, да? Да от моих шлепков тебе и вполнину не будет так больно. Тебе понравится, я почти уверен. Девчонкам часто нравятся такие вещи.

— Никогда! — она зарычала и снова бессмысленно дернулась, уже понимая, что из магических пут не вырваться. Но как же бесило ощущение собственной несвободы! — Отпусти меня! Ты не имеешь права! — Тсс... глупенькая, — пахнувший мазью палец лег на губы, призывая к молчанию, и Дженни осеклась, сбита с толку доброжелательным поведением демона. Его тревога и забота, снисходительные интонации в его голосе — все это настолько не вязалось с обещанием порки и магическими путами на руках, что она снова растерялась.

Может, он имел в виду совсем другое, и она не так все поняла? И она действительно наворотила сегодня дел, влипая в одну неприятность за другой. Может, пришло время подождать, не рубить с плеча? Палец сменили губы. Прикосновения — сперва осторожные, а потом все более уверенные. Знакомая волна возбуждения прокатилась по коже. Как бы Дженни ни относилась к ди Форкалонену, ее тело словно не могло не реагировать на его близость — всегда однозначно и одобительно.

— Сладкая... — прошептал Раум, отрываясь от нее с явной неохотой.

— Дженни-конфетка.

— Отпусти меня, — попросила девушка. — Я хочу домой.

— Будет тебе «домой». Позже, — он снова ощупал ее локоть, и Дженни поняла, что ушиб почти прошел. Хвала регенератору и природным способностям оборотня. — Ну вот — другое дело. А теперь — заслуженное наказание.

С этими словами он потянул девушку на себя и уложил животом на свои колени, вывернув руки за спиной. Дженни, сперва не сообразившая к чему эти манипуляции, отчаянно забилась.

— Большой убудок! Не смей! От ярости и обиды даже слезы навернулись на глаза.

Мысленно девушка горько пожалела, что не впилась ему в лицо зубами мгновением раньше. Целоваться он полез, придурок! — Детка, но ты же виновата, — раздался над головой глумливый голос.

— Ведешь себя, как глупый ребенок, а детей надо воспитывать.

Мужские руки задрали юбку, стянули трусики на бедра, и девушка всхлипнула. Нет, она не боялась боли, но сам факт, что самый отвратительный парень на свете делает с ней это — нагло, бесстыдно, без ее на то согласия, и что сейчас он будет шлепать ее, словно маленького ребенка, заставляли Дженни чувствовать себя униженной. Ей хотелось зарыдать от злости и бессилия, но она поклялась, что не доставит этой скотине такого удовольствия.

— Обычно наказанный считает удары вслух, чтобы случайно не получить больше, чем нужно, — весело заметил демон.

— Но ты ведь считать не будешь, Дженни-упрямица? — Да я скорее схохну! — Так и думал.

Она съежилась, ожидая удара, но вместо этого пальцы лишь осторожно коснулись кожи. Ладони охватили упругие ягодицы, погладили сжали... По коже против воли пробежала дрожь, вспомнилось, как Раум ласкал ее в ванной. И его грубоватые, но такие сладкие прикосновения в пустом кабинете.

Раум тяжело выдохнул сквозь зубы и снова погладил нежную кожу. Вид этой девушки — связанной, беспомощной, разъяренной и распаленной сводила с ума, заставлял желать совершенно иного. В конце-концов, Раум никогда не был большим любителем телесных наказаний, предпочитая моральное доминирование.

Он вдохнул ее эмоции. Главной ноткой была злость. Еще растерянность, подспудное возбуждение — нет, все-таки он оказался прав и рыженькая любительница подобных развлечений, пусть и не решается признаться даже себе. Что еще? Растерянность, словно собственное возбуждение было для Дженни открытием.

Пожалуй, не будь она девственницей, он бы заменил наказание на секс. Трахнуть ее хотелось куда больше, чем выпороть.

А еще хотелось пожалеть и утешить. Но она определенно заслужила наказание. Трижды за вечер заставила его сходить с ума от беспокойства, идиотка! Что у нее вообще с головой? Такое ощущение, что рыжая готова самоубиться, лишь бы досадить ему хоть немного.

— Это такая игра, — насмешливо пояснил он, удивляясь сам себе — почему медлит? Дженни моргнула. Игра? Что за бред он тут несет? — Ты была плохой девочкой, я тебя наказываю, а потом прощаю и говорю, что теперь ты хорошая. Смысл на самом деле именно в этом, а не том, чтобы сделать больно.

Она оскалилась, чувствуя снова прилив злости.

— Давай я тебя отшлепаю, плохой парень.

— Нет, детка. В таких играх я всегда сверху, — теперь его пальцы поглаживали ее попку, едва касаясь кожи — совсем легонько, еле ощутимо. И это заводило... О, еще как заводило! Девушка укусила себя за щеку, пытаясь прийти в себя, избавиться от неуместного и неправильного вожделения. Пусть даже ее тело неадекватно реагирует на ди Форкалонена, всему есть предел! Она должна опомниться! Лежать вот так — связанной, беспомощной, с бесстыдно выпяченными то ли для порки, то ли для случки ягодицами — унижительно. Чего Раум медлит? Пусть уже бьет, и чем сильнее, тем лучше. Тогда уйдет это дурное возбуждение, и ей будет проще возненавидеть мерзавца.

— Ну, — хрипло спросила она. — Так и будешь булки мять? Демон расхохотался.

— А тебе не терпится, сладенькая? И раньше, чем она придумала язвительный ответ, рука взвилась в воздух, чтобы обрушиться на правую ягодицу.

Оглушительно громкий шлепок разнесся по салону, кожу ожгло болью, которая через мгновение сменилась покалывающим теплом. Пожалуй, что приятным.

— Сволочь! — выкрикнула девушка и дернулась, пытаясь соскользнуть на пол. Не тут-то было. Второй рукой демон надавил ей на плечи, заставляя лежать смиренно. Щека уткнулась в кожаное сиденье, Дженни чуть повернулась и со злостью впиалась в него зубами, представляя на месте сиденья шею демона.

Второй удар ожег вторую ягодицу, а потом они посыпались один за другим. Не слишком сильные, но чувствительные. И, как ни стыдно это признавать, но скорее возбуждающие, пусть и обидные.

Да, это оказалось приятно, как демон и обещал. А еще безумно стыдно. Дженни злилась на него, и в тысячу раз сильнее на себя. Что с ней такое?! Как можно получать удовольствие, когда тебя шлепают?! Только полные законченные извращенцы тащатся от боли! Правда боли особой и не было. Когда она ходила с Вэл на сеанс массажа, мастер их там сильнее шлепал и мял.

Но на массаже все происходило по ее желанию! Она заплатила за это деньги, не лежала связанная с голой задницей... в конце-концов массаж делала женщина — пожилая тролльша с ручищами похожими на два каменных молота.

Наверное, с ней все же что-то не так. Наверное, Дженни, как и Раум — больная извращенка, потому что в ответ на эти шлепки внизу живота потеплело, а по телу поплыла приятная истома. И соски под тканью съежились, слегка заныли, умоляя о прикосновениях.

От мысли об этом краска бросилась девушке в лицо. Нельзя, чтобы Раум догадался о ненормальной реакции ее тела. Если к этой попытке добавятся еще и его насмешки, она не выдержит и точно разревется от стыда и обиды.

Она завозилась, выражая несогласие, прошипела сквозь зубы несколько оскорблений, из услышанных от работяг в детстве, вспоминая самые грязные и гадкие.

— Детка, кто занимался твоим воспитанием? — деланно удивился демон. — Разве подобает девушке так выражаться? За каждое грубое слово еще по два удара. То есть еще плюс десять.

— Нет! — она снова с ненавистью вцепилась зубами в сиденье, и даже не удивилась, когда зубы на редкость легко прокусили толстую кожу.

— Да, детка, — он еще раз шлепнул, а потом пальцы демона скользнули между половинками ягодиц, спустились к покрытым влагой складочкам.

— Оооо, смотрю ты теперь следишь за собой. Никаких лишних волос.

Дженни стиснула зубы и зарычала, мечтая умереть. Да, теперь она брила там каждый раз, когда принимала душ, оправдываясь перед собой, что так гигиеничнее и вообще ей больше нравится, а насмешки демона тут совершенно не при чем.

А бесстыжие пальцы меж тем нащупали маленький скользкий бугорок и принялись поглаживать и играть с ним. И, видит Богиня, это было до отвращения приятно. Нет, она точно больная, если лежит связанная на коленях у парня, который ее только что отшлепал, а теперь беззастенчиво лапает, и кайфует от его наглых прикосновений. Ей не может это нравиться, не должно! Так не правильно.

— Прекрати! — прохныкала она — Тсс... маленькая. Наказание еще не окончено, — с этими словами он снова звонко шлепнул по слегка порозовевшим ягодицам. И проклятье — да, это тоже было приятно.

После очередного шлепка Дженни зашипела и дернулась, пытаясь уползти, но демон легко удержал ее.

— Если ты будешь так ерзать, я кончу, — хрипло сказал он.

Только тут девушка заметила, что его напрягшийся член упирается ей в бедра и замерла.

Раума что же — заводит, что он ее бьет?! Проклятый извращенец! Легкий холодок страха прошел по коже. Только этого еще не хватало! Они где-то в лесу, можно хоть голос сорвать, выкликая помощь, никто не услышит. Если демон сейчас захочет удовлетворить похоть, кто ему помешает? «Не я», — с обреченностью констатировала она, снова плаваясь под восхитительными касаниями. Если ди Форкалонен не станет торопиться, если продолжит чувственную пытку, продержит свою жертву достаточно долго в этом состоянии распаленной неудовлетворенности, ему даже насиловать не понадобятся. Потому что есть две Дженни, одна — умница, хорошая и правильная девочка, с мозгами и характером, а вторая — просто похотливая самка, готовая по первому щелчку раздвигать ноги. И проклятый демон определенно знал, как заставить вторую перехватить контроль над телом.

Теперь, когда шлепки перемежались с ласками — неторопливыми, умелыми — противостоять вожделению стало почти невозможно. Дженни словно погрузилась в какой-то транс, потерялась, забыла себя. Уступила Дженни-номер-два, а той, очень нравилось происходящее. Она больше не пыталась вырваться, даже сама подавалась навстречу умелым ласкам демона, чуть выгибалась, и только вздрагивала и тихонько стонала, когда поглаживания сменялись шлепками.

Будь он проклят, зараза! Будь он проклят, и пусть делает, что пожелает, лишь бы не останавливался...

Глава 23

Раум понял, что она поплыла. Проклятье, да он и сам поплыл, вздохнул поглощая весь спектр восхитительных эмоций: возбуждение, негодование, растерянность, стыд и снова возбуждение. Вид вздрагивающей обнаженной попки с красными отпечатками его ладоней заводил неизменно. Еще больше заводили всхлипы рыжей и само осознание, что она хочет его, что сгорает от желания, несмотря на ханжеский мусор в ее голове, который мешал девчонке расслабиться и получать удовольствие.

Он раздвинул мокрые-мокрые складочки, осторожно ввел в нее один палец — неглубоко, не переставая поглаживать и ласкать вторым скользкую горошинку. Рыжая, конечно, не заслужила сегодня оргазма, но он подарит ей это маленькое удовольствие. Хотя бы для того, чтобы снова услышать, как она кричит от страсти.

Ну и кончить самому тоже хотелось. И желательно не торопливо спустив в салфетку, он уже не мальчишка, чтобы сбрасывать напряжение подобным образом.

— Наказание окончено, — объявил демон, звучно шлепнув последние пару раз по порозовевшим ягодицам. Но вместо того, чтобы натянуть на Дженни трусики, сдернул их окончательно. Придержал подол, усадил рыжую к себе на колени голой отшлепанной задницей и чуть расставил ноги, вынуждая девушку раздвинуть бедра. Она обернулась, одарив его затянута́м поволокой взглядом. Очень удачно обернулась, он как раз собирался поцеловать искушенные от злости губы.

— Как ты смотришь на то, чтобы теперь доставить друг другу немного удовольствия? — промурлыкал Раум, одной рукой лаская и поглаживая нежную кожу с внутренней стороны бедра, а второй расстегивая пуговицы на груди. Молодец, рыжая, как специально каждый раз надевает его любимый фасон без дурацких застежек сзади.

— Что? — непонимающе переспросила девушка и непроизвольно облизнула пухлые губы. Демон не удержался и снова склонился, чтобы поцеловать их. Какая же она сладкая! Дженни-пироженка, Дженни-карамелька. Он хочет ее. Хочет всю себе. Подчинить, присвоить, сделать своей. Запереть в спальне и не выпускать неделю, входить в ее тело, заставляя снова и снова всхлипать и вскрикивать от восторга.

— Разрядка, — подсказал он искушающим шепотом, отрываясь от нее. — Оргазм, маленькая смерть, Дженни-сама-невинность, — иллюстрируя свои слова, он легонько надавил на скользкий бугорок между ее ног, вырвав из девушки тихий стон. — Ты — мне. Я — тебе.

— А... — она зависла, пожирая его расширенными огромными зрачками. Грудь часто вздымалась, он чувствовал, как сердце под тонкой кожей колотится с удвоенной частотой. В яростно полыхающей палитре эмоций желание боролось с негодованием. Раум, наконец, справился с последней пуговицей и скользнул рукой под платье, нащупывая грудь.

Проклятье, опять белье! Надо сказать ей, чтобы не надевала.

— Я не знаю... В палитре эмоций девушки вспыхнул и погас отголосок злости. Дженни его хотела — определенно хотела, он еще не видел, чтобы женщина настолько млела от его ласк. Но что-то в ее душе (не иначе, как идиотские вбитые родителями установки) мешали рыжей признать своей влечение.

— Хорошо, — пробормотал Раум севшим голосом, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией и собственным телом. — Похоже, опять мне все решать за двоих. Можешь потом оправдываться перед собой, что я тебя заставил, Дженни-я-не- такая.

*** Дженни парила, плыла в сладком тумане, порождаемом уверенными настойчивыми касаниями. Слова демона с трудом прорвались сквозь него, а их смысл дошел до разума далеко не сразу.

«Если я ничего не скажу, сейчас он меня трахнет», — эта мысль почти не вызвала страха. Ее тело определенно хотело этого. Хотело познать мужчину, не любого, не абы какого — именно этого. Того, чьи поцелуи и ласки лишали разума.

Того, кто уже трижды унизил ее. Низвел до положения секс-игрушки, показал, что видит в ней свою вещь.

— Я не хочу, — с придыханием пробормотала она и чуть выгнулась, когда пальцы демона захватили в плен сосок.

Дженни вдруг поняла, что магические веревки пропали, ее руки и ноги уже давно свободны. Да вот толку с этого, если она во всем теле лихорадочная слабость, а низ живота сводит судорогой от острого желания? — Ага, я вижу как ты «не хочешь».

— Пожалуйста, не надо. Не хочу в первый раз — так! — девушка всхлипнула. Душевный раздрай нарастал. Паникующий голос Дженни-номер-один тревожным набатом звучал в душе.

Почему она не может сопротивляться Рауму? Неужели она настолько порочна, испорчена? Раум в ответ впился в ее губы поцелуем — настойчивым, воспаляющим. И Дженни сама не поняла, когда обвила его шею руками и ответила.

— Договорились, — Богиня, ну как ему можно сопротивляться, если даже просто от звуков хриплого и низкого голоса по коже бежит сладкая дрожь? — Наш первый раз будет в кровати, с лепестками роз и прочей романтичной фигней, от которой млеют девчонки.

Она чуть расслабилась от этих слов, ощущая одновременно благодарность и разочарование. И совершенно зря расслабилась, могла бы помнить, что рядом ди Форкалонен.

Демон потянулся и дернул за рычаг. Оба кресла откинулись на максимум, превращая салон «Мантиторы» в огромную кожаную кровать. Дженни ойкнула и попыталась вырваться из объятий, но ей не дали. После недолгой борьбы она оказалась лежащей на спине. Раум нависал сверху, опираясь на руки, и пожирал ее расширенными зрачками.

— Кроме самого секса, есть много способов доставить друг другу удовольствие, — прошептал он, лаская горячим дыханием кожу. — Но в этот раз я хочу, чтобы ты тоже приняла участие.

Хватит изображать бревно, сладенькая.

— Что?! Я не... Не слушая возмущения и возражений, он завладел ее рукой и положил на свой пах.

— Давай, Дженни-конфетка, — за насмешливыми интонациями в голосе ощущался приказ. — Приласкай меня.

Дженни чуть сжала пальцы, нащупывая возбужденный ствол, и демон довольно сощурил глаза. Наверное, можно отказаться, ди Форкалонен вроде говорил, что не станет ее насиловать. Но ею внезапно завладело любопытство. Она никогда не видела эту часть тела у мужчины — мальчишки, с которыми в босоногом детстве они вместе плескались на речке, не в счет.

Она нерешительно положила руки на пряжку ремня.

«Богиня, что я делаю?! Это же Раум ди Форкалонен, самый ужасный парень на свете. И он только что отшлепал меня!» Ягодицы, кстати, еще слегка горели от ударов.

— Сделай это, детка, — снова этот хриплый голос, выдающий его возбуждение. Снова этот взгляд в упор расширенными зрачками. Взгляд, которому почти невозможно противостоять.

Почему-то от одной мысли, что она желанна для Раума, Дженни становилась мокрой.

Она расстегнула пуговицы и обхватила напряженный член сквозь ткань белья. Большой. Ну, или ей так кажется, она не очень представляет каких размеров этот орган у среднестатистического мужчины. Просто трудно поверить, что вот эта здоровенная штука способна поместиться в ее теле.

— Детка, ну что ты там копаешься? Ты что — не знаешь, как с членом обращаться? — Нет, откуда? — огрызнулась Дженни.

— Серьезно? — по лицу демона расползлась довольная улыбка.

— Ну это все меняет, — он усмехнулся и чуть приподнял бедра, стягивая штаны вместе с бельем. — Иди сюда, маленькая, я покажу, как это надо делать.

Он приобнял девушку, прижал к себе, положив одну руку на ее грудь, а вторую поверх пальцев, заставляя сжаться их в плотное кольцо. Дженни вдруг пожалела, что на них обоих столько одежды. Ей бы хотелось прижаться к нему и почувствовать прикосновение кожи к коже.

Мысль мелькнула и пропала. Девушка сконцентрировалась на возбужденной горячей плоти

под пальцами. Она сжимала ладонь и водила рукой, повинуюсь направляющим движениям и подсказкам. Странно, но отвращения не было. Ни в малейшей степени. Наоборот, ей нравилась эта горячая, чуть пульсирующая штука. Нравилось гладить, сжимать, чувствовать пальцами выступающие вены. Нравилось слышать, как чуть прерывается и дрожит всегда насмешливый голос, выдавая удовольствие демона. Нравилось ловить изменившийся ритм дыхания.

Да, ей нравилось ласкать Раума ди Форкалонена. Мерзавца, гада, негодяя. Скотину, который унизил ее уже не раз, и явно не собирался оставлять в покое.

Дженни, детка, что с тобой не так? Ты вообще здорова? Нет, похоже, что совершенно нет. Чем бы ни пользовался проклятый демон, чтобы лишить ее душевного здоровья и адекватности, эта штука работала. О, еще как работала.

Толком додумать эту мысль не успела, потому что Раум, убедившись, что она правильно поняла его инструкции, убрал свою ладонь с ее руки. И положил на гладко выбритый треугольничек между ног.

— Ах-х-х, — Дженни всхлипнула. Так было еще приятнее. В сто раз приятнее. Вот только расплзающийся по телу сладостный туман теперь мешал сконцентрироваться на ответных ласках.

— Еще это можно делать языком, — выдохнул демон ей на ухо.

— По-очереди и одновременно. И ты не представляешь сколько еще всего интересного можно сделать в постели. И не только в постели.

Его пальцы теребили, ласкали и мучили сосок. Вторая рука нажимала и поглаживала внизу, рассылая по всему телу нестерпимо приятные вспышки. Раум прижимал ее к себе, чуть прикусывал мочку уха, обжигая шею выдохами. Все мысли вылетели из головы, осталось только жаркое дыхание над ухом, искушающие и сводящие с ума прикосновения и возбужденная плоть под ее пальцами. Дженни всхлипывала и стонала, полностью отдавшись вакханалии наслаждения.

Низ живота свела особенно долгая и сладкая судорога.

Девушка хрипло вскрикнула, выгнулась в мужских объятиях и услышала над ухом тяжелый выдох, словно Раум пытался подавить ответный стон. На пальцы брызнуло что-то теплое, Дженни по инерции шевельнула еще пару раз рукой и остановилась.

«Кажется, все», — пришла в голову какая-то неуместная и отупелая мысль.

И что дальше? Что делать с только что сотворенной глупостью?

Глава 24

Несколько минут она просто лежала, боясь напомнить о себе.

В теле ощущалась усталость и легкость, но голова была ясной, в сон не тянуло. Зато стало стыдно. Дженни-номер-два замолчала, вполне удовлетворенная совместным бурным финалом. И тут же, осыпая хозяйку попреками и укорами, ее место заняла Дженни-номер-один.

Один, два. А где настоящая Дженни? — Детка, ты чудо, — демон потянулся, поцеловал ее в макушку, выпуская из объятий, и полез в бардачок. Достал пачку салфеток и, нисколько не стесняясь, принялся вытирать со своего тела следы произошедшего непотребства. Дженни на всякий случай отползла от него как можно дальше. Она пыталась не смотреть в его сторону, но взгляд упорно возвращался к Рауму, благо горевшего под потолком машины «светлячка» вполне хватало, чтобы рассмотреть все в подробностях.

И снова никакого отвращения или отчуждения. Не было даже смущения при взгляде на него. Его тело, его член казались самой естественной и правильной вещью на свете. Дженни поймала себя на дурацком желании увидеть Раума целиком обнаженным и залилась краской.

Ну вот что за хрень происходит, а? Вообще все случилось как-то слишком быстро и цинично. А как же миллионы поцелуев, долгие ласки и прочие вещи, о которых пишут в романах под розовыми обложками? Впрочем, разочарования от расхождения реальности и фантазии Дженни не ощущала, скорее наоборот. Если бы Раум после того, как завел ее до почти невменяемого состояния этой эротической поркой, перешел бы к поцелуйчикам, она бы его не поняла.

Он закончил и подтолкнул салфетки в ее сторону.

— Держи. Приведи себя в порядок.

Вновь появившаяся в его голосе насмешка заставила ее зашипеть от злости. Дженни демонстративно одернула юбку, отвернулась и занялась гигиеной.

— Подвинься. Я подниму кресла. Нам еще как-то выбраться из этих кустов.

Девушка фыркнула, но послушалась. Взгляд уперся в лежащий на полу мокрый комочек, и от этого зрелища в душе вдруг разгорелась нешуточная злость. Кусая губы, чтобы не дать ей волю, Дженни подобрала трусики. Надевать побрезговала, просто сунула в сумку. Снова вспомнилась порка, и теперь ей захотелось убить Раума за все, что он тут устроил. И, особенно, за собственную податливую распутность.

Пока демон превращал траходром снова в автомобиль, она повернула рычаг, блокировки дверей. Так-то лучше. А то невозможность покинуть машину нервирует, заставляет чувствовать себя здесь в плену.

— Ну что, — демон подмигнул. — Посмотрим, сможет ли «Манतिकора» выбраться отсюда без магии.

Снова вспыхнули фары, освещая кустарник. Пока они занимались всем этим непотребством, за окнами окончательно стемнело. Хорошо хоть дождь прекратился. Мягко зарычал, а потом взревел двигатель. Недовольно подвывая и буксуя по жидкой грязи машина поползла назад.

Дженни бросила быстрый взгляд на часы и вздохнула — всего восемь вечера, а кажется, что уже глубокая ночь. Слишком длинным, насыщенным и нескладным получился этот день, быстрее бы он уже закончился. Быстрее бы добраться до кампуса, принять горячий душ и упасть в кровать.

— Хочу домой, — пробормотала она себе под нос, но Раум все равно услышал.

— Устала? Не переживай, до моего особняка меньше десяти минут езды.

— При чем тут твой особняк? — При том, что мы едем туда, Дженни-конфетка. Я же обещал тебе постель с лепестками роз и прочую мишуру.

Обещал. Когда говорил про «первый раз». Это что же — он собирается отвезти Дженни к себе, чтобы трахнуть, даже не поинтересовавшись ее мнением на этот счет?! — Что?! — она так опешила от его наглости, что не сразу нашла, что сказать. — Ты в своем уме?! Я никуда с тобой не поеду! — Поедешь.

— Я не собираюсь спать с тобой! — Тебе понравится, обещаю. Не меньше, чем порка, Дженни-сама-неприступность, — демон ухмыльнулся и Дженни захотелось врезать по смазливому лицу. Просто чтобы с него стереть это самодовольное выражение.

Да сколько можно?! Он вообще слышал ее слова?! — Я не буду с тобой спать, Раум ди Форкалонен, — четко, по буквам выговорила девушка. — Отвези меня в кампус! — Угу, знакомая песня. Не отвлекай меня.

Девушка сидела, сжимая кулаки в бессильном гневе.

Совершенно очевидно, что Раум не принял ее требование всерьез, как не принимал и саму Дженни. И он действительно отвезет ее в свой особняк, а там... Нет, насиловать демон не станет. Ему и не потребуется, достаточно будет просто немного постараться, чтобы снова разбудить Дженни-номер-два, и та сама радостно отдастся ему.

Еще и упрашивать будет! На глаза навернулись слезы беспомощности и злости.

Никогда в жизни Дженни — сильная, умная, самостоятельная Дженни — не чувствовала себя настолько неспособной контролировать свою жизнь. Она даже свое тело контролировать рядом с Раумом неспособна.

Ди Форкалонен между тем каким-то чудом умудрился не только выбраться из кустов, но и развернуться в полной темноте на бездорожье. Даже ни одного дерева не зацепил.

Фары высветили склон, ведущий к шоссе. Среди пожухлой травы чернели две полосы от колес.

С первого раза въехать на трассу у Раума не получилось — шины проскальзывали по жидкой грязи. Машина редела, но не трогалась с места. Демон коротко выругался и сдал назад, высматривая более пологую траекторию.

Сейчас «Мантикора» вскарабкается на трассу, и ночь в особняке станет неизбежной.

На принятие решения ушло меньше секунды. Дженни подхватила сумку и как раз в тот момент, когда Раум выжал газ, набирая скорость для подъема, распахнула дверь и выпрыгнула в темноту.

*** Ветви дергали за волосы, хлестали по телу. Деревья раскачивались над головой, осыпая Дженни холодными и мокрыми каплями, подсовывали под ноги корни и сучья. Но она не останавливалась. Где-то за спиной маячил преследователь — адски злой на сбежавшую добычу демон.

Твердо настроенный догнать, вернуть и утащить в свой особняк.

С него станется еще и отшлепать снова за побег.

Поэтому Дженни испугнутым зайцем мчалась по ночному лесу — без плана, без дороги, просто в стремлении уйти как можно дальше, спрятаться, схорониться.

Когда она сбегала, то не думала, что Раум пустится за ней, оставив машину. Ну, максимум будет преследовать минут пять, а потом махнет рукой и вернется. Но погоня длилась уже не меньше получаса, в боку колотило, дыхание вырвалось изо рта со свистом, вместе с облачком пара. Руки и ноги украшали царапины от веток, даже на щеке появилась парочка, а о том, в каком состоянии сейчас ее платье, Дженни предпочитала не думать. В конце концов, если ей не удастся уйти, это будет меньшая ее проблема.

Настырный какой. И упорный. Сначала демон еще и звал ее, уговаривая не делать глупостей. Потом сообразил, что бесполезно и преследовал молча, но она все равно чувствовала его за спиной обострившимся инстинктом волка.

Как все-таки вовремя проснулся голос крови. На землях Маккензи она в подобных пробежках всегда приползала последняя из компании — исцарапанная, грязная, как чушка и с ветками в волосах. О беге не стоило и мечтать, Дженни могла пройти по ночному лесу только осторожным шагом, выставив перед собой руки. В отличие от соплеменников она не видела в темноте, не чувствовала дороги, деревьев, леса.

Порой ей даже казалось, что все рассказы про волчье чутье — просто враки, а остальные Маккензи просто пьют зелье для сумеречного зрения и издеваются над ней.

Оказалось — не враки. Инстинкт бурлил в крови, подсказывал где надо прыгнуть, куда

поставить ногу. Мир вокруг стал монохромным, но четким, расцвел тютенками серого и черного. Вглядись Дженни как следует, могла бы рассмотреть, как пляшут лунные лучи на усыпавших листья дождевых каплях. Не будь она в платье и на каблуках, не беги со всех ног, вышла бы из чащи чистенькая и без единой царапины.

Смешанный лес редел, уступая место ельнику — густому и непролазному. Под ногами зачавкало, туфли утонули в густом слое мха, и Дженни чуть не застонала от отчаяния — пробираться сквозь елки то еще удовольствие. Сейчас бы обернуться — упасть на четыре лапы. В волчьем облике ее никакой демон не догонит.

Чутье толкнуло вправо, выводя на едва приметную стежку.

Девушка пригнулась и нырнула под густо переплетенные ветви. Мимоходом удивилась — тропа? Кто и зачем протоптал ее тут, в ельнике? Стежка то терялась, то снова появлялась. Дженни находила ее по еле заметным приметам — обломанные ветви, чуть более утопанный мох. Кто бы ни пользовался этой дорогой, он делал это нечасто.

Преследователь еще ощущался за спиной, но где-то далеко. И он больше не приближался. Потерял ее след? Эта мысль придавала сил. Дженни чуть сбавила шаг, прикидывая, как будет выбираться. Раз уж чутье проснулось, то в лесу она не заблудится, но хорошо бы рассчитать дорогу покороче, чтобы не возвращаться тем же путем. Интересно, куда ведет эта тропинка? Тропинка привела в овраг. Стежка ныряла в поросший мелким кустарником распадок и исчезала. Дженни остановилась. Со дна оврага на нее пахло сыростью и гнилью. Там стояла такая чернильная первозданная тьма, что даже зрение волка пасовало, не в силах различить деталей.

Девушка поежилась. Елки над головой растопырили ветви, пряча луну — верную спутницу и помощницу любого волка.

Тяжелую тишину не нарушали крики птиц, даже ветер утих.

Только редкие капли с еле слышным шелестом срывались с веток.

Мерзкое какое место, нехорошее. И тишина здесь нехорошая.

И запах... В запахе гнили из оврага было что-то неправильное, тревожащее. Дженни никогда не отличалась мнительностью, но сейчас обострившийся инстинкт подсказывал — что-то не так в окружающем мире. Этот овраг — плохое, очень плохое место. Особенно для волка.

Она попятилась, уже собираясь вернуться по своим следам, но в этот момент в ночной тишине послышался треск, словно кто-то ломился сквозь ельник.

Раум! Все-таки выследил! Сейчас догонит, свяжет и потащит в свою машину.

Ну уж нет! Дженни отбросила глупые страхи и решительно шагнула в распадок.

*** Чтобы не пробираться совсем вслепую, она вызвала крохотный магический светильник. Сияющая точка повисла впереди на уровне лица, освещая дорогу. Но даже этот уютный золотистый свет не прогнал до конца дурные предчувствия. С каждым шагом становилось все страшнее.

Отступать некуда все равно некуда. Остается забиться поглубже и спрятаться, в надежде, что демон ее все-таки не заметит.

Тропка вильнула и уперлась склон оврага — обрывистый, пахнущий сырой глиной. А прямо у ног начинался лаз — по виду узкий и глубокий, похожий на вход в медвежью берлогу.

Девушка присела над ним, принюхалась, пытаясь понять обитаемо ли жилище. Если нет, то внутри вполне можно спрятаться.

Из норы пахло смертью, протянутая рука наткнулась на что-то влажное и склизкое. Дженни подвела светлячка ближе и замерла, глядя в черноту. А потом завизжала.

Глава 25

— Я же говорю вам, офицер: мы с девушкой гуляли! — за привычной насмешкой в голосе Раума звучало отчетливое раздражение.

Офицер полиции — здоровенный увалень в мятом мундире с пятнами от кетчупа на несвежем воротничке, покосился на невероятно замызганную одежду Дженни, перевел взгляд на срезанный рукав и скептически улыбнулся: — Ночью? В лесу? — Не знал, что есть закон, запрещающий это делать? В чем нас обвиняют, офицер? Мне уже звонить адвокату? Полицейский недовольно поджал губы.

— Никто не говорит об обвинении, господин ди Форкалонен.

Но нам важно уточнить детали. Сами понимаете, ваше присутствие... Дженни прикрыла глаза, мечтая проснуться в своей кровати и обнаружить, что все произошедшее — всего лишь кошмарный сон. Жуткая находка все еще стояла перед мысленным взором.

Присыпанные землей полусгнившие тела. Черви, копошащиеся в пустой глазнице. Череп с остатками иссиня-черных волос.

К такому ее жизнь не готовила. К такому, наверное, вообще нельзя быть готовой, если ты не полицейский и не судмедэксперт. Тот вон — заполняет бумаги и трескает себе спокойно пончик, а Дженни от одного взгляда на него снова начинает выворачивать, несмотря на то, что она еще час назад рассталась с остатками ужина.

Вечер разделился четко на две неравные половины. Все, что происходило до оврага, казалось безмятежным и бесконечно далеким, словно случилось в прошлом году. В прошлом году остались смешные переживания, стычка в баре, взаимные ласки в машине, злость на демона.

Новая реальность существовала короткими вспышками, случайным набором стоп-кадров. Вот появляется Раум, привлеченный ее криками. Осматривает находку, ругается и уводит Дженни прочь. Вот они идут по ночному лесу, ее еще трясет от ужаса и омерзения, а демон рассуждает стоит ли сообщать полиции сейчас или отправить анонимное сообщение с координатами находки, когда они выберутся из леса.

— Понимаешь, детка, если вызвать копов, то есть риск провести полночи в участке. И еще зуб даю, что эти ленивые задницы попробуют повесить на нас нычку с трупами.

— Трупами... — ее снова затошнило. — Сколько их там? Он пожал плечами.

— Я разглядел три, но где три, может быть и больше... — демон покосился на ее позеленевшее лицо и, наконец, сообразил, что с ней происходит. Остановился, обнял Дженни.

— Тише, тише. Все хорошо. Они давно умерли и точно не вылезут из своей ямы, чтобы съесть тебя.

— Ты не понимаешь, — прошептала Дженни, цепляясь за него так отчаянно, словно тонула, а он был спасательным кругом. — Они очень плохо умерли. Это не просто убийство... Обратни тонко чувствуют мир вокруг и зачатки дара медиума среди них не такая уж редкость. У Дженни он впервые проявился рано, в три года. Она и говорить толком не умела.

Иногда дар шептал что-то по-мелочи, дарил случайные подсказки, помогал лучше прочувствовать атмосферу или ситуацию. Бывало, Дженни спонтанно ловила короткие сценки из прошлого, прикасаясь к эмоционально заряженным предметам.

Нет, она не пыталась развить его. Скорее наоборот: изо всех сил старалась забыть о том, что дар существует. В том, чтобы подобным образом узнавать чужие секреты, нет ничего веселого. А уж как начинают окружающие реагировать, когда выясняется, что ты можешь при случайном прикосновении «читать» их! Она старалась подавить дар, и тот, отзываясь на ее желание, уснул.

А перед ямой проснулся. Прошептал что-то тихонько, едва слышно. Подарил даже не картинки — просто эмоции. Страх, отчаяние, боль. Долгие месяцы безнадежности.

— Это женщины. Он держал их взаперти, — проговорила она медленно, пытаясь вычленить хоть что-то полезное из случайно пойманного образа. — И мучил... Делал с ними что-то ужасное.

Раум выругался и встряхнул ее за плечи.

— Ты что несешь?! — Не знаю... — девушка несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, балансируя в шаге от истерики. — Я просто увидела.

Раум, надо вызвать полицию! — Надо, — кисло согласился демон.

Они добрались до машины, и Раум отправил сообщение в ближайший участок. Очевидно, он сумел как-то убедить стражей правопорядка, что это не розыгрыш, потому что на вызов выехал не просто патруль с парой дежурных копов, а целая бригада, и вот уже два часа как вокруг злополучного оврага суетились медики, эксперты и следователи.

О Дженни и ее спутнике тоже не забыли. Как и предсказывал Раум, вопросы копов были с подвохом. Скорее всего, полицейские понимали, что повесить захоронку с трупами на случайную парочку не получится. Но слушая вопросы полного офицера в мятом мундире, Дженни не могла отделаться от мысли, что ее подозревают во всех возможных грехах разом.

Хорошо еще, что Раум взял огонь на себя. Останься Дженни в одиночестве с копами, дело неминуемо закончилось бы истерикой.

— А если нас ни в чем не подозревают, то мы пойдем, — жестко объявил демон. — Моя девушка на ногах не стоит, — в подтверждение своих слов он приобнял Дженни за талию, и она даже не подумала возмутиться. Наоборот прильнула к нему, благодарно оперлась о подставленное плечо.

Офицер помрачнел.

— Я вас не отпускал.

— Тогда я вызываю адвоката, — демон с готовностью достал постограф. — Ну и газетчиков тоже сразу, чтобы два раза не вставать. Им очень понравится история о том, как бездельники-копы вздумали повесить кучу трупов, на случайно подвернувшихся студентов. Подданные императора должны понимать, что если узнал о преступлении, лучше молчать, не то тебя же назначат крайним.

Последние слова он повторил особенно громко, поглядывая на только что подошедшего офицера, судя по нашивкам, находящегося в чине лейтенанта.

— Броуди, что происходит? — довольно резко спросил тот.

Офицер вздрогнул и вытянулся.

— Допрос свидетелей, сэр.

— Уже по пятому кругу, — язвительно добавил демон. — Мы уже несколько раз все повторили, специально для глухих и тупых. Может, у офицера Броуди нарушения памяти? Лейтенант скривился, словно у него внезапно разболелся зуб.

Его подчиненный побагровел, но под грозным взглядом старшего по званию не решился ответить на очевидную дерзость.

— Вы и ваша спутница свободны, господин ди Форкалонен, — процедил лейтенант. — Но будьте готовы к тому, что вас могут вызвать в участок для уточнения деталей.

— С завтрашнего дня меня не будет в стране, — предупредил Раум.

— Ага! — Броуди встрепенулся и предвкушающе потер руки.

— Уезжаю для заключения сделки, которая готовилась почти четыре месяца. Задержать меня вы сможете только, если предъявите обвинение, — демон оскалился. — Но обещаю, что если из-за вас сделка сорвется, я добьюсь вашего увольнения с такой характеристикой, что после вас даже нужники мыть не возьмут.

— Никто не собирается предъявлять вам обвинение, господин ди Форкалонен, — кисло отозвался лейтенант. — Можете уезжать, только оставьте контакты, на случай если потребуется срочно уточнить что-то.

— Буду счастлив помочь нашей доблестной полиции в нелегкой борьбе за мир и порядок.

От издевки, прозвучавшей в голосе Раума, поморщилась даже Дженни.

Она хотела сказать демону, что зря он так. Что полицейские просто делают свою работу. Но спорить с демоном при посторонних было неправильным, поэтому девушка просто молча последовала за ним к машине. Чуткий слух оборотня уловил за спиной отголосок перебранки.

— Ты что тут выделяешь, Броуди! — распекал лейтенант подчиненного. — Это же, мать твою, Раум ди Форкалонен! Его отец входит в ближний круг императора! У него половина газетчиков с рук ест! Хочешь, чтобы завтра все таблоиды снова кричали о том, что полицейские — бездельники и взяточники?! — А у тебя репутация, — пробормотала Дженни, искоса поглядывая на демона.

Тот усмехнулся.

— Что есть, то есть.

Она споткнулась и непременно упала бы, не поддержи ее Раум.

— Ноги уже не стоят, — Дженни виновато улыбнулась. Она ощущала себя страшно, невероятно усталой. Вот доберется до постели и рухнет на нее прямо так — в грязнучей одежде с влажными от дождевых капель волосами.

— Держись, маленькая, — Раум приглашающе распахнул пассажирскую дверь «Манतिकоры». — Поехали, отвезу тебя в кампус. Или, — тут он испытующе посмотрел на девушку, — можно ко мне домой. Обещаю, что приставать не буду.

На мгновение ей остро захотелось согласиться. Присутствие демона успокаивало, его бесцеремонная уверенность прогоняла страхи. И ему уж точно не придется ничего объяснять, в отличие от Вэл и Чарли.

Нет. Она и так уже второй раз нарушает свое обещание держаться от Раума подальше. Кроме того, ди Форкалонену нельзя доверять. Это сейчас он заботлив и мил, а завтра утром Дженни проснется и обнаружит его в своей постели. И ведь не выгонишь, учитывая, что завтра выходной, на лекции торопиться не надо... Некстати вспомнилось, что копам демон представил ее своей девушкой. Понятно, что демон сделал это, чтобы избежать лишних проблем — отрезанный рукав платья и так вызвал слишком много вопросов, но все равно услышать «моя девушка — Дженнифер Рейд» от Раума было приятно.

— Отвези меня в кампус, — вздохнула Дженни.

Глава 26

... — Пожалуйста, не надо! Равнодушный голос над головой.

— Надо. Поверь, мне это не доставляет особого удовольствия.

В его тоне действительно ни радости, ни предвкушения.

Никаких эмоций. И это пугает едва ли не сильнее ремней на руках, металлической койки под обнаженными ягодицами и зловещего позвякивания инструментов.

— Тогда зачем вы это делаете?! Она напрягается, выворачивает голову, тщетно пытаясь разглядеть своего палача. Несмотря на успокоительное, снова подступает истерика. Койка, не рассчитанная на такое бурное сопротивление, раскачивается и скрипит. Еще немного и ее получится перевернуть... — Ты не поймешь, человечка.

Тряпка на лице пахнет чем-то резким, противным.

Вдох, другой.

Темнота... *** Дженни со всхлипом глотнула воздух и открыла глаза, уставившись на залитое солнцем окно.

Обрывки кошмарного сна медленно истончались и таяли, но девушка все еще ощущала жесткие кожаные браслеты на запястьях и холодный металл койки под спиной. Так, словно действительно лежала привязанная в ожидании жуткой участи и вслушивалась в позвякивание инструментов.

Вчерашний день вспомнился не сразу, встал в памяти расколотыми кусками мозаики, которая никак не хочет соединиться в единое целое. Столько всего произошло, иной раз и за месяц меньше случается.

Берлога, забитая трупами. Можно к мозгоправу не ходить, и так ясно, что ночной кошмар приснился под впечатлением от страшной находки. Ну, может еще Раум виноват. Тоже нашелся любитель связывать и пороть, чтобы ему пусто было.

Девушка решительно села в кровати и потянулась за постогографом. Газетчики просто не могли оставить такое громкое преступление без внимания.

Надежды оправдались в полной мере. Новостные издания взахлеб обсуждали жуткую новость. По официальному заявлению полиции в окрестностях Нью-Эбора орудовал маньяк, которого репортеры уже прозвали Осеменителем.

Двенадцать трупов. Человеческие женщины в возрасте от восемнадцати до тридцати лет, пропадавшие в столице и окрестностях в течение почти десяти лет. Ушлые газетчики раскопали даже имена и краткие биографии каждой. Дженни взгляделась в черно-белые снимки. Обычные женщины.

Симпатичные и не очень. Полные и худые. Блондинки, брюнетки, шатенки. Ничего общего... Взгляд задержался на портрете молодой привлекательной женщины с гладкой волной иссиня-черных волос — последняя жертва, и Дженни вздрогнула от неприятного ощущения узнавания. Неужели именно это изъеденное червями лицо она видела вчера? Вдох-выдох. Надо успокоиться. И что ее так развезло? Дженни же никогда не была впечатлительной дуручкой.

Девушка помотала головой и вернулась к чтению.

Преступник аккуратно выбирал своих жертв. Все пропавшие жили в одиночестве, трудились на тяжелой низкооплачиваемой работе или вовсе были безработными. Их исчезновение замечали далеко не сразу.

От похищения до смерти проходило в среднем около года, а это означало, что преступник где-то держал несчастных женщин. Дженни задрожала, снова вспомнив случайно пойманный у норы образ. О да — это была не игра воображения, маньяк действительно что-то делал с ними. Что-то ужасное.

От следующего абзаца она поперхнулась и выронила постогограф, охватив себя за плечи руками. Судя по останкам последних четырех жертв, те незадолго до смерти перенесли беременность

и роды.

Вот почему «Осеменитель».

Откуда у журналистов вся эта информация? Не слишком ли опрометчиво сообщать писакам все детали следствия?! Маньяк ведь тоже наверняка читает газеты.

Она решительно выключила постограф, вскочила и начала одеваться. Соседка, как всегда, уехала на выходные. Обычно Дженни радовалась одиночеству, но сейчас ей остро было нужно с кем-то поговорить. Мир, до того казавшийся довольно симпатичным местом, внезапно превратился в опасный лабиринт, полный ловушек и чудовищ, и чтобы защититься от этого леденящего кровь ощущения собственной беспомощности, Дженни нужна была дружеская забота, беспечная болтовня о пустяках и тепло объятий.

Странно, но при мысли об объятиях на ум почему-то пришел беловолосый демон с вечной высокомерной ухмылкой на лице.

Должно быть потому, что вчера именно он обнимал и поддерживал Дженни весь вечер.

Нет, искать общества Раума она не будет. В конце-концов, у нее же есть настоящие друзья. И есть Чарли... *** С Чарли она столкнулась, когда выходила из общежития. Судя по вспыхнувшей на лице парня улыбке, он как раз искал ее.

— Дженни. Наконец-то. Нам надо поговорить! Запоздало вспомнилось, что Чарли еще позавчера настаивал на срочной встрече, но девушка была слишком в растрепанных чувствах после наглых домогательств Раума в кабинете мантики, поэтому отказалась, сославшись на необходимость срочно готовить доклад по теормагу. А вчера, когда Дженни спешила к врачу после лекций, оборотень опять пытался пообщаться. Еле удалось отвертеться, пообещав, что следующий день (то есть сегодня) она полностью проведет только с Чарли.

Да, похоже сейчас не самый удачный момент, чтобы жаловаться другу на маньяков.

— Конечно. Что ты хотел? — Пойдем! — он потянул ее за собой в сторону парка.

А на улице хорошо. Бывают осенью такие погожие и ясные деньки, которые могут поспорить с лучшими летними. Небо после вчерашнего шторма очистилось, было высоким и ясным, в редких кудрявых облаках. Солнечные зайчики плясали на ветках, россыпью убегали из-под ног. В еще зеленом облачении деревьев то тут, то там виднелись брызги багрянца и охры.

Оборотень шагал по аллее, засунув руки в карманы, и сосредоточенно глядел себе под ноги, словно надеялся найти золотую монету. Иногда он пинал подвернувшиеся пожухлые листья и они разлетались с тихим шелестом. Дженни шла рядом и косилась на него, ощущая все большее недоумение и тревогу.

Что-то не так. Напряженное молчание, сосредоточенное выражение лица, напряженно сдвинутые брови — все это совершенно не похоже на обычного Чарли, которого она знает с детства.

— Что случилось? — наконец, не выдержала девушка.

Он ведь не влип в какие-то неприятности? Не проигрался снова? Да нет, Чарли не такой, он не стал бы играть, раз обещал, что больше никогда не сядет за стол.

Парень резко остановился.

— Да... То есть — нет. То есть... — оборотень глотнул воздуха, посмотрел на Дженни отчаянными глазами и выдохнул.

— Выходи за меня замуж.

Глава 27

Словосочетание «отвисла челюсть» всегда казалось Дженни немного глупым. Как это — челюсть взяла и сама собой отвисла? Не бывает так.

Еще как бывает. Она убедилась в этом на собственном опыте, когда стояла рядом с другом на пустой аллее парка с очень глупым и бесконечно изумленным выражением на лице и пыталась понять, кто из них двоих сошел с ума.

Чарли тоже молчал и не двигался, как будто они играли в детскую игру «Замри-и-не-дыши». Только смотрел на Дженни в упор. На его красивом открытом лице застыло вдохновенное выражение. Примерно такое, с каким художники-баталисты изображают героев в момент самопожертвования.

— Э-э-э... я тебя не совсем поняла, — пробормотала девушка, отмерев первой и тем самым проиграв в игре.

— Выходи за меня, — оборотень зашарил по карманам.

— Знаю, как-то не очень получилось. Место не самое лучшее, да? Обычно принято в ресторана делать предложение, а у меня так... Вот! Из кармана пиджака появилась черная обитая бархатом коробочка. Отчего-то при виде нее Дженни вместо радости ощутила прилив тоски.

Сколько раз она представляла себе эту сцену. Думала, что скажет он, что ответит она, каким будет кольцо. И вот теперь мечта сбылась, а на душе никакой радости, одно тяжкое недоумение.

Все как-то не так. Если не считать тех поцелуев в малиннике почти два года назад, Чарли никогда не давал ей понять, что Дженни интересует его. Ну, как девушка интересуется. Не приглашал на свидания, не пытался обнять, прикоснуться.

Богиня, да Дженни бы ему без всяких колец все позволила, если бы он только намекнул! Он, не она, задавал границу отношениям. Ей оставалось только надеяться и поддерживать игру «мы просто друзья», упрямо склеивая разбитое сердце снова и снова.

И вот теперь «Выходи за меня». Ну приплыли! Он открыл коробочку и солнечные лучи заиграли на кольце — простеньком, но изящном. Тонкая полоска из белого серебра с выгравированным изображением бегущего волка.

Вот и сбылась мечта. Дженни потянулась было к кольцу, желая рассмотреть его ближе, но тут же отдернула руку.

— Нет, погоди... Чарли, но почему? Почему сейчас? Почему так внезапно? Почему ты никогда не показывал, что я тебе нравлюсь, если хотел жениться? — Это будет лучший способ защитить тебя. Если ты станешь моей женой, — начал сбивчиво объяснять оборотень.

— Защитить от чего?

— От ди Форкалонена. Понимаешь, я же должен тебе. Ты меня спасла, а теперь я спасаю тебя от него. Если будешь моей женой, он не посмеет приставать. А если не отстанет, мы сможем заявить в полицию о преследовании.

Дженни глотнула и неверяще уставилась на парня, в глупой надежде, что она ослышалась, не так поняла. А он продолжал, совершенно неверно истолковав ее взгляд.

— В газетах писали, что ди Форкалонен уехал из страны — это наш шанс. Я уже договорился в храме, жрец сегодня на месте, он готов обвенчать нас прямо сейчас.

Питер и Алекс будут свидетелями. Они тоже сыновья вожака, отец не сможет оспорить их слова, даже если пожелает. Сразу после храма пойдем в деканат и подадим заявление на предоставление места в семейном общежитии... Вот так. Взял и все спланировал. Договорился, даже не узнав ее ответа, словно нисколько не сомневался, что Дженни бросится ему на шею с радостным визгом.

А ведь бросилась бы.

Еще три недели назад бросилась бы. Да и сейчас, найди он другие слова. Скажи, что любит, что желает провести с ней всю жизнь.

Но нет — он же ей «должен». Спасать собирается, защитничек. Как будто Дженни его об этом просила! Разве она вообще когда-нибудь о чем-нибудь Чарли просила? Вешалась на него? Навязывалась со своими чувствами?!

Нет, она просто ждала.

Просто была рядом, в надежде, что он когда-нибудь заметит ее и ответит на них. А получила... Вот такое получила. Спасатель хренов! Он ведь даже не понимает, как это оскорбительно. И причина, по которой он решил сделать предложение.

И честность его. И, особенно, вот это сказанное между делом: «Я тебе должен».

Да, Раум ее преследует, но с этим Дженни разберется самостоятельно. Без всяких там... Должен он.

— ...представляешь как ди Форкалонен взбесится, когда поймет, что ты от него ускользнула? Так все это ради того, чтобы взбесить Раума?! От обиды и злости аж дыхание перехватило. Сотни возмущенных слов жглись изнутри, рвались на волю — все сразу и одновременно.

Дженни стояла, глотая воздух, и все никак не могла подобрать нужную фразу, чтобы выплеснуть на этого горе-спасателя всю глубину своего негодования! — ...отцу придется сообщить. Но если брак будет заключен на крови, даже он ничего не сможет сделать... — продолжал меж тем вещать оборотень.

— Хватит! — девушку, наконец, прорвало.

— Замолчи! Ни слова больше!

— Что?! — Чарли осекся и удивленно посмотрел на нее. До него, кажется, начало доходить, что влюбленная подруга отчего-то не спешит прыгать на месте и бить в ладоши. Даже кольцо брать в руки не спешит.

— Я не выйду за тебя, Чарли.

— Но... — от тотального изумления на его лице Дженни разозлилась еще больше. — Но это единственный способ защититься от ди Форкалонена.

— А с чего ты вообще решил, что меня надо защищать?! Мои отношения с Раумом — мое дело.

— Ди Форкалонен — плохой парень. Он опасен... — Это. Мое. Дело, — четко и зло повторила девушка.

— Ты мне друг, Чарли, и я ценю твою заботу, но я уже совершеннолетняя.

И имею право спать с кем захочу! Почему она сказала «спать»?! Она же не собирается спать с Раумом. Да после вчерашнего она к нему и близко не подойдет! Но выражение подозрительно похожее на ревность, промелькнувшее на лице оборотня, внезапно обрадовало.

Раззадорило, стало целительным бальзамом для раненого самолюбия.

Может, она все-таки интересна Чарли сама по себе, а не только как дурацкий надуманный долг или способ отомстить? — Твоя репутация... — Мое дело! — Не только твое, — Чарли подобрался. Его лицо ожесточилось, пропало выражение растерянности и обиды. В эту минуту он как никогда ранее походил на своего отца.

Именно так — грозно и властно Оуэн Маккензи смотрел на провинившихся волчат после очередной каверзы. Против воли Дженни ощутила легкий холодок и желание поджать несуществующий хвост.

— Ты — Маккензи, значит твоя репутация бросает тень на доброе имя каждого в клане. Поэтому я, Чарльз Маккензи, сын Оуэна Маккензи приказываю тебе, Дженнифер Рейд, по праву вожака и будущего главы клана стать моей женой. По воле луны и гор, ветра и леса, по праву крови и силы. И да свершится моя воля.

Едва отзвучали последние слова, как в воздухе вспыхнул и погас огненный росчерк рунической формулы, подтверждая, что луна и горы, ветер и лес слышали приказ. И стало тихо. Так тихо, словно невидимый маг опустил на парк «полог молчания».

Дженни смотрела на друга детства широко распахнутыми глазами и не верила. Просто не

желала верить.

Он применил к ней Императив? Чарли, ее друг детства, мальчишка, в которого она была влюблена долгие годы, применил к ней Императив? Чтобы заставить выйти за него замуж?! Императив. Повеление, высказанное по древней формуле, обретает для члена стаи силу закона. Отказавшийся выполнить Императив становится изгоем. Стая отрекается от него. Таков закон.

Нет, в принципе повеление можно и оспорить. Можно даже отменить. Но это потом, на совете старейшин. Другие волки решат был ли Императив во благо стае, мог ли вожак отдать иной приказ и достоин ли он после такого зваться вожаком.

Вот только Чарли сказал об обручении на крови. Что бы ни решили потом волки, брак по старому обряду сможет разорвать только смерть одного из супругов.

— Чарли... — прошептала девушка, с ужасом глядя на друга детства.

Маккензи — ее клан. Ее семья, опора, корни. Надежный тыл, молчаливая поддержка, с которой не страшно сразиться хоть против всего мира. Лишиться этого — все равно, что отрубить себе руку или выколоть глаза.

— Чарли, не делай этого. Пожалуйста! Ты же понимаешь... Он плотнее сжал губы.

— Я не хотел, чтобы до этого доходило, но пришлось. Это для твоей же пользы. Дай руку.

Девушка не пошевелилась.оборотню пришлось самому взять ее безвольную ладонь. Она смотрела, как он надевает кольцо, и не могла избавиться от ощущения, что все это — продолжение давешнего сна. Сюрреалистичный кошмар.

— Пойдем, — он сжал ее ладонь и потянул за собой.

— Нас ждут в храме.

Дженни шагала — равнодушно переставляя ноги, как кукла, ведомая кукловодом. Кровь стучала в висках, на лбу выступила испарина и руки стали ледяными от страха. Скрытая в глубине души волчица выла, захлебывалась от тоски, бессилия и ярости.

Не желала соглашаться с навязанным союзом.

Как он мог?! Как Чарли, мог так с ней поступить?! — Чарли, пожалуйста, не надо. Отмени приказ! Он мимоходом мазнул по ней взглядом и успокаивающе улыбнулся.

— Я буду о тебе заботиться. Стану хорошим мужем, сама убедишься! Она не хочет убеждаться. Не хочет знать каким мужем станет бывший друг, бывший любимый. Дженни вообще не верит, что из принуждения может вырасти что-то хорошее.

— Ты же этого хотела. Ты влюблена в меня, Дженни.

Он знал! Знал, но молчал, не говоря ни «да», ни «нет». Не подпускал, но держал ее поблизости. Так, чтобы всегда можно было дотянуться. Попросить о помощи, послать к демону за расписками... — Если ты это сделаешь, я тебя не прощу! Никогда! — Ты ведешь себя как ребенок, Дженни. Пора повзреть.

— Я не хочу! Слышишь, ты... Не смей делать этого для моей пользы! — Дженни, прекрати, — в его голосе снова зазвучал металл.

— Даже если ди Форкалонен и кажется тебе привлекательным, он — зло. И я спасу тебя от него. Позже ты все поймешь и скажешь мне спасибо.

Он дернул ее за руку и зашагал быстрее, заставляя почти бежать за ним.

Чувство ненависти к Чарли было незнакомым. Оно причиняло боль. Дженни слишком долго любила его, слишком долго восхищалась. Ненавидеть оборотня было все равно что возненавидеть частичку себя.

— Я все равно не соглашусь! Скажу «нет» перед алтарем, — это прозвучало жалко. Как будто Дженни пыталась убедить себя и получалось как-то не очень... оборотень вздохнул, словно отягощенный годами отец семейства, который устал от капризов дочери. По его лицу было видно, что он ни на секунду не поверил в угрозу.

Дженни сама себе не верила. Лишиться клана — страшно.

Самый жуткий кошмар любого волка. А уж не просто лишиться клана, но добровольно стать изгоем?! Предателем в глазах других волков?! Немыслимо. Многие оборотни предпочтут смерть такой участи.

И его даже не волнует, что если Дженни пожалуется, старейшины почти наверняка осудят такое злоупотребление властью вожака. Лишат его права наследования, а то и вовсе объявят изгнанником.

Правильно, потому что Дженни к тому моменту уже будет его женой.

Впереди показался острый шпиль храма, и девушка споткнулась, чувствуя невыносимое желание разрыдаться.

Неужели все действительно так и случится? Она войдет внутрь, повторит клятву, впишет кровью свое имя в круг рядом с именем Чарли, навсегда связывая судьбы? Действительно сделает это?! Сделает. Потому что оглашенный Императив невидимым клеймом лежит на теле. Жжет, намекая, что станет ценой ее отказа.

Чарли успокаивающе сжал пальцы, словно желал приободрить. На его лице снова появилось это дурацкое пафосное выражение. Герой древности, готовый умереть за правое дело, да и только.

Они поднялись по ступеням, шагнули в сумрачную прохладу храма.

Близнецы Питер и Алекс Маккенрой уже ждали здесь. Два молодых волка, тоже сыновья вожака — традиции обучать молодняк в самой престижной академии страны так или иначе придерживались все кланы. Ждал и жрец — хрупкий белобрысый сильф, на вид почти ровесник Дженни. Только глаза в тонкой сеточке морщин выдавали его истинный возраст. Особенность расы: сильфы до глубокой старости кажутся юнцами, а потом очень быстро превращаются в сморщенных карликов.

— Ты бы еще дольше возился, Маккензи, — недовольно фыркнул один из близнецов. Кажется, это был Алекс, но Дженни не поручилась бы за это.

— Уже полчаса ждем. Сам сказал к одиннадцати!

— Извини, — Чарли улыбнулся.

— Но теперь мы здесь, и можно начинать.

Питер покосился на Дженни и поморщился. На его лице было написано, что приятель, по его мнению, совершает большую ошибку, выбрав в жены полукровку. Однако подобные сомнения, озвученные в присутствии избранницы волка, тянули на оскорбление, поэтому оборотень промолчал.

Жрец зажег свечи, ударил позолоченным молоточком в гонг у алтаря и начал обряд.

С каждым словом ощущение маскарадности, неправильности всего происходящего становилось нестерпимым. Она не хочет, не должна выходить замуж за Чарли! Это подло — выкручивать руки, заставляя принять навязанную защиту! — Согласна ли ты, Дженнифер Рейд, быть со своим избранником в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и здравии? Взгляд у жреца был пронзительный. Словно протыкал насквозь двумя дробиками. Дженни сглотнула, открыла рот и снова закрыла. Чарли укоризненно покосился на нее.

Жрец ждал. Ждали, скучая, свидетели. Ждала статуя Богини-матери за алтарем, с немым укором глядя на глухих детей своих.

Пауза затягивалась.

Надо просто открыть рот и вытолкнуть одно короткое «Да».

Сейчас. А то молчание уже становится неприличным.

— Нет.

Звонкое эхо отказа еще таяло в воздухе, когда все тело скрутила острая вспышка боли. Девушка упала на колени, беспомощно открывая рот, как рыба на суше.

Растерянный вскрик. Изумленная матерщина. Жезл, выпавший из руки жреца и с тихим звоном покотившейся по каменным плитам. Все это было рядом и где-то далеко. За пределами вселенной, полной огня и боли.

В воздухе снова вспыхнули руны. Вспыхнули, чтобы осесть черным пеплом на тыльной стороне ладоней. Отпечатком, выжженным клеймом.

Перечеркнутый круг — символ предателей и изгоев.

Наказание для отступников, знак для остальных волков.

Предавшему своего вожака и свою стаю не скрыться, не обмануть других волков.

— Дженни, — потрясенно и беспомощно пробормотал Чарли, протягивая к ней руки.

Он больше не походил на героя, скорее уж на испуганного мальчишку. Кровь отхлынула от лица, в широко распахнутых глазах плескался даже не страх — животный ужас.

Она отшвырнула его руку с ненавистью. Слезы стояли в горле горьким комом, а сердце разрывало чувство бесконечной невозвратной потери.

— Не трогай меня, Чарльз Маккензи, — от непролитых слез голос звучал сдавленно.

— Не подходи, не смей даже смотреть в мою сторону. Никогда.

Нет, она не будет рыдать тут, в храме на глазах у трех волков и одного жреца. У нее тоже есть гордость. Дженни поднялась и, пошатываясь, направилась к выходу. Нестерпимо яркое осеннее солнце ударило по глазам, выжигая так и невыплаканные слезы. Вот и все. У Дженни больше нет клана. Нет семьи.

Больше не Маккензи.

Совсем одна.

Конец первого тома